САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

ОДИНОКИЙ ВОЛК

Леонард Карпентер

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ на русском языке

Annotation

Конан попадает в племя атупанов, на землях которых находится башня с несметными сокровищами. Бритунцы, которыми с помощью колдовства куклы Нинги правит Тамсин, по её приказу убивают всех людей племени. Конан решает отомстить за них…

- ПРОКЛЯТОЕ ЗОЛОТО
  - Пролог
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Эпилог
- notes
  - 1

ПРОКЛЯТОЕ ЗОЛОТО

Пролог
ЗАПАДНЯ

— Так-так, и что же мы имеем?.. Чудесно! «Жрец», «принц» и «король»! — громогласно возвестил князек,[1] заглушая стук фишек из слоновой кости на мраморной столешнице. — Прямо скажем, очень и очень недурная комбинация. — Он разгладил кружева на грязной шелковой рубашке и высокомерно усмехнулся, не сводя глаз с игрока напротив: — Ну, а ты что скажешь, киммерийский варвар? По-моему, тебе пора сдаваться.

— Погоди, Каспиус. Не будь я Конан, если не выпутаюсь. Случалось мне попадать в переделки и покруче. — Прищурившись, он разглядывал свои фишки, прикрывая их огромной загорелой рукой.

Сидящий справа от него бородатый игрок сокрушенно вздохнул:

— Смысла нет продолжать. Побить «королевский дом» практически невозможно. — Он опрокинул свои фишки «рубашками» вверх. — Я пас.

— И я пас, — заявил худощавый бритунийский кавалерист с маленькими усиками над верхней губой, который сидел по левую руку от Конана. — Любой, у кого есть голова на плечах, сделал бы то же самое.

В ответ киммериец пробурчал что-то неразборчивое.

— Послушай, Конан, брось испытывать судьбу, — прошептала ему на ухо служанка. — Остановись, пока все не спустил. Лучше сделай мне подарок, если тебе некуда деньги девать, а я за это пущу тебя к себе на ночь. — И она стала нежно поглаживать его спину и шею тонкими руками в медных браслетах.

— Нет, я из игры не выйду, — решил наконец Конан. — Рискну прикупить. — Он порылся в карманах и извлек оттуда крупный рубин, при виде которого служанка издала завистливо-сокрушенный вздох. — Этого камушка должно хватить. Эй, хозяин, тащи сюда еще свечи, да поживее! В твоей таверне на расстоянии вытянутой руки ничего не видать!

— Как знаешь, варвар, — с аристократической небрежностью уронил князек. — Что ж, прикуп тебе и прикуп мне. — С профессиональной ловкостью он отделил две фишки от лежавшей перед ним груды, одну пустил по гладкой поверхности стола по направлению к Конану, а другую сразу перевернул. — Хо-хо! Сегодня мне везет — у меня «колдун»! Ну, варвар, теперь тебе крышка! Сильнее моей комбинации ничего нет!

— Ты так думаешь? — проворчал северянин. — А как насчет «каре»? — Он перевернул четыре косточки, включая только что полученную от князька, и сдвинул их в центр стола. — Мои «короли» бьют твою комбинацию.

— Что за чушь! — возмутился князек. — Полный «королевский дом» сильнее всех!

— Это знает любой дурак, даже если он варвар! — Князек, у которого был вид разорившегося вельможи, с достоинством расправил кружева на запястье и воззрился на Конана. Все это так, но только при честной игре, а ты, мошенник, свою последнюю фишку выудил из рукава! — С быстротой молнии киммериец перевернул оставшиеся в прикупе косточки и воскликнул: — Ну, что я говорил! Вот вам и доказательство! — Он ткнул пальцем в фишку, на которой был изображен «колдун». — При таком мерзком свете действительно трудно что-либо заметить, но я на глаза пока не жалуюсь.

— Как ты смеешь называть нашего друга Каспиуса мошенником?! — взвился кавалерийский офицер. — Ты за это ответишь!

— Да, да, немедленно ответишь! — поддержал его бородатый, даже не взглянув на

фишки. — Ты сам подбросил второго «колдуна», чтобы корчить из себя обиженного. Ты и есть жулик!

— Ах, так вы заодно? — Конан слегка отодвинул назад свой стул, готовясь вскочить. — А может, С вами еще и хозяин таверны, который специально не дает свечей, чтобы шулерам было сподручнее работать в потемках?

Рука разъяренного князька рванулась к поясу, и перед глазами киммерийца блеснула сталь короткого кинжала с тяжелым лезвием, предназначенного для метания. В тот же миг Конан всей тяжестью навалился на массивный стол и с силой двинул то вперед, так что мраморная столешница угодила шулеру точнехонько в грудь. От неожиданного сокрушительного удара тот охнул, делая тщетную попытку вздохнуть, но так и остался сидеть с разинутым ртом, придавленный к стене тяжелой плитой. Мнимого аристократа сотряс судорожный кашель, и на губах запузырилась кровь, капая прямо на белые костяные фишки.

Все это киммериец видел не очень отчетливо, поскольку служанка, зайдя со спины, разбила о его голову большой глиняный кувшин с вином. Осколки брызнули во все стороны, потоки вина потекли по лицу и за шиворот, и Конану не пришлось слишком притворяться, что он теряет сознание и падает на лежащие в центре стола золото и драгоценности. Для того чтобы сгрести их в свой кошель, ему не потребовалось и мгновения.

— Хватайте его! Он украл весь банк!

Конан, как кошка, отскочил от стола, но на правой его руке повисла служанка. Киммериец не стал тратить время, чтобы отцепить ее от себя, а просто схватил в охапку и бросил в приближающегося к нему бородатого игрока. Тот повалился на пол и, ругаясь, пытался выбраться из-под сбившей его с ног полнотелой девицы.

Конан выхватил меч и успел вовремя отразить удар напавшего на него бритунийского офицера. Он сам сделал выпад, отпрыгнул назад, парировал мощную атаку — кавалерист оказался на удивление хорошим фехтовальщиком. Но до северянина ему было, разумеется, далеко. Неуловимое движение руки — и сабля кавалериста, звеня, покатилась по полу, а сам он даже не успел схватиться за раненую кисть, как получил такой мощный удар рукояткой меча в лицо, что рухнул без сознания.

Оглядевшись по сторонам, Конан увидел, что посетители таверны спасаются бегством через кухню, а бородатый игрок поднимается, держа в руках меч. Киммериец решил, что благоразумнее будет не задерживаться здесь слишком долго, и устремился к выходу. Взлетев по каменным ступенькам, он обернулся: погони не было, да оно и не удивительно. Не такой уж идиот этот бородатый, чтобы в одиночку гнаться за ним по узким извилистым улочкам, рискуя каждую секунду напороться на меч.

Конан удовлетворенно хмыкнул, вложил меч в ножны, отдернул плотную ткань, заменяющую дверь на улицу, и… очутился в центре окруживших его со всех сторон вооруженных людей. Он сразу понял, что это городская стража, надзирающая за порядком в городе. Отчаянный рывок киммерийца ничего ему не дал: двое здоровяков в черном, каждый из которых был ростом с Конана, заломили ему руки за пишу, третий приставил меч к его горлу. Четвертый стражник, по всей видимости их командир, подошел поближе:

— Ну-ка, ну-ка, и кто же тут у нас?.. Запоздалый гуляка. А вдобавок еще и чужестранец. Ответь мне, чужестранец, — именем короля Тифаса, приказываю тебе отвечать, — что ты можешь сообщить о грабеже или убийстве? Только что из таверны доносились крики и звон мечей.

— Клянусь мошной Бела, я ничего не видел и не слышал! Отпустите меня немедленно! А то как бы здесь и на самом деле не пролилась кровь!

— Ого, клянешься шемитским богом воров Белом и хочешь чтобы я тебе поверил? Кстати,

раз уж речь зашла о кошельках, что это у тебя на поясе? — Он наклонился и, взвесив на руке толстый кошель, в мгновение ока срезал его неизвестно как оказавшимся у него ножом, увернувшись от пинка, который пытался дать ему Конан, несмотря на меч у горла. Стражник поднес кошель поближе к двери таверны, откуда из-за края занавески падал слабый луч света. — Однако, — произнес он своим резким неприятным голосом, — золото, драгоценности Подозрительно. Откуда они у тебя, чужестранец? Похоже, что ворованные.

— Да, ворованные! — прогремел Конан. — Их только что украл у меня черный стражник! А до того они были мои! И, клянусь Кромом, ты мне их сейчас же вернешь обратно — иначе тебе придется сильно пожалеть об этом!

— Успокойся, чужестранец, никто не собирается нарушать закон. Если золото и драгоценности действительно твои, объясни, откуда они у тебя. Если ты пришел с ними в Саргоссу, предъявил при входе в город и заплатил соответствующий налог, тогда это должно быть записано в наших учетных книгах. А если они достались тебе честным путем уже после твоего прихода — тогда просто скажи как.

— Сет побери! выругался киммериец от избытка чувств. — Да, пожалуй, ты имеешь право задать мне такой вопрос. Что ж, слушай. Я пришел в Саргоссу вчера, имея при себе часть содержимого кошелька. Остальное выиграл сегодня ночью.

— Как?! Ты играл на деньги во время праздника в честь бога нашего Амалиаса? — Его грозный возглас заглушил металлический звук защелкнувшихся кандалов, которые Конан вдруг ощутил на лодыжках. Вероятно, пятый стражник незаметно подобрался к нему сзади, пока он разговаривал с командиром. Тот все не мог уняться: — Разве ты, чужестранец, не знаешь, что в этот святой день запрещено предаваться любым порокам, и этому в том числе? Разве ты не знаешь, что нарушителям грозит суровое наказание? Не говоря уже о конфискации незаконно приобретенных богатств.

— Будьте вы все прокляты, лицемеры окаянные! вскричал киммериец вне себя от ярости. — Ты что, хочешь мне сказать, будто все эти притоны, бордели, игорные дома и прочие подобные заведения из-за праздника откажутся от своей выручки и закроются до окончания праздника? Да где такое видано? Просто это очередной подлый способ, который изобрел ваш король, чтобы отбирать денежки у их законных владельцев, вроде этого грабительского налога при входе в ваш гнусный город.

— Прекратить бунт! Чтобы я больше не слышал этих подстрекательских речей! — возвысил голос командир стражников. — Такому дерзкому грубияну не место в Саргоссе. Отвечай, есть ли у тебя здесь высокопоставленный знакомый, который мог бы за тебя поручиться? Я так и думал, — зловеще проскрипел он после короткой паузы. — Но ничего, для таких, как ты, у нас приготовлено специальное место. — Он побренчал содержимым кошелька Конана. — Как я понимаю, ты неравнодушен к золоту. Отлично, ты сможешь любоваться на него, пока тебе тошно не станет!

Глава I
БЕДА

— Тамсин, дочь моя, где ты? Иди сюда, дитя мое, помоги маме. Пора кормить кур и цыплят!

Негромкий нежный голос матери отчетливо прозвучал в утренней тиши не, но маленькая Тамсин, которая пряталась в густой листве дуба, удобно примостившись на нижней ветке, не издала ни звука. Держа в руках тряпичную куклу, она наблюдала за матерью.

— Тамсин, дорогая, иди скорей сюда. Я ведь знаю, как ты любишь кормить цыплят. — Женский голос звучал ласково и терпеливо. — Если бы я думала, что ты ушла куда-то, я отправилась бы искать тебя. Но я точно знаю, ты где-то рядом, иди же к маме. А после того, как покормим цыплят, нам с тобой надо будет замесить тесто, а если ты хочешь, чтобы мы испекли пирог… — Последние слова Тамсин не расслышала, потому что их заглушило громкое кудахтанье.

Девочка по-прежнему не двигалась, с мрачным видом наблюдая за матерью. Почему-то у нее было плохое настроение с самого утра. Она не смогла бы объяснить, что с ней, но сегодня ее раздражало все, и в первую очередь долготерпение матери. Тамсин покрепче прижала к себе самодельную куклу и зашептала ей на ухо:

— А мы не хотим никуда идти, правда, Нинга? Нам и тут хорошо. Вот когда папа вернется днем с поля, тогда мы и спустимся. А раньше нас не ждите.

Из хлева вышел, хромая, старый Хиггин, он приложил руку козырьком к глазам и стал смотреть куда-то мимо дома, в сторону луга, потом крикнул что-то, но Тамсин не поняла, что именно. Залаяла собака, потом еще две. Из дома вышла Велла и тоже стала смотреть туда же, куда смотрел ее муж.

Теперь наконец и Тамсин увидела, как из леса, окаймлявшего дальний луг, появилось ярко-желтое треугольное знамя. Это знамя развевалось в руках чернобородого всадника на прекрасной каурой лошади. Он был одет в кожаную куртку, кожаные штаны и высокие кожаные сапоги. На голове его сиял золотой шлем. Пятеро других были одеты так же, и все они скакали прямо к ферме. На их знамени был изображен силуэт какого-то странного черного зверя: туловище, хвост и задние лапы как у льва, а голова и крылья как у орла. На передних лапах, одна из которых была поднята, когти были не львиные, а птичьи, совсем как у кур.

Когда всадники были уже совсем близко, из курятника вышла мать. Из-за шума, поднятого курами, она не услышала топота копыт и не подозревала, что у них появились нежданные гости. Увидев ее, всадники начали оживленно переговариваться, но чернобородый со знаменем резко оборвал их. Он обратился к матери по-бритунийски, только выговор у него был какой-то необычный:

— Мы воины немедийской армии и по приглашению короля Тифаса едем к его двору, чтобы вступить в его войско. Ваш король собрался воевать с Коринфией, и ему нужна наша помощь, вот почему с его разрешения мы пересека ем страну.

Чернобородому ответил Хиггин:

— Королевская дорога вон в той стороне, отсюда будет мили две. Поезжайте через поляну, а дальше вниз по ручью, как раз и доедете.

Всадники рассмеялись, а их командир сказал:

— Да мы знаем, старик, где дорога. Мы ведь только передовой отряд, и нам приказано раздобыть побольше продовольствия. — Он посмотрел на мать Тамсин: — Вы обязаны отдать все, что потребуется, — так распорядился ваш король. Видите на знамени священного Грифона,

знак его королевской власти?

Хиггин кашлянул:

— У нас, знаете ли, ферма бедная. Но если скажете, что именно вам нужно, я попытаюсь помочь.

— Я уже тебе сказал, старик, что нам нужна провизия, и как можно больше. Мука, овощи, птица, скот. Короче говоря, все, что у вас есть, — добавил он со смешком.

Старый слуга, казалось, его не слышал:

— Увы, увы, мы очень бедны… Конечно, мы поделимся с вами: тарелка супа, кусок хлеба — чем богаты, тем и рады…

Тамсин услышала резко прозвучавший голос матери:

— Хиггин, отдай им все, что они захотят.

— Да, да, я понял, приказ короля. — Он перевел взгляд со своей хозяйки на всадника со знаменем и повторил: — Я понял, только хочу спросить, сколько вы нам за это заплатите?

Чернобородый расхохотался:

— Ну и насмешил! Неужели ты, старый дурень, думаешь, что вашему королю не все равно, если мы даже оберем вас дочиста? Он сидит там, в своем дворце в Саргоссе, и ему важно только одно: чтобы мы помогли ему в войне с южанами.

— Да уж, впутался он в историю с этой Коринфией! — хмыкнул один из наемников.

— Но зато какая у него гостеприимная страна! — вскричал другой. — Они здесь не прячут своих женщин!

Немедийцы разразились оглушительным смехом. Мать бросила испуганный взгляд в сторону дуба, где пряталась дочка, и глаза их на миг встретились. Тогда женщина повернулась и что есть сил бросилась бежать к лесу. Всадники с гиканьем и улюлюканьем неслись ей вдогонку. Воины не стали объезжать стоящих у них на дороге Хиггина и Веллу — они направили коней прямо на них! Тамсин с изумлением смотрела на то место, где только что стояли старики: еще секунду назад она их видела, а теперь они пропали. В клубах пыли, поднятых лошадиными копытами, можно было разобрать лишь, что на земле лежит некое подобие груды тряпья.

Один за другим немедийцы начали возвращаться из леса, ведя коней в поводу. Они перерубили собак и принялись таскать из дома и амбара мешки и складывать их на телегу. Свернули головы всем курам и бросили их туда же. Потом вывели из сарая корову и вола. Вола они впрягли в телегу, а корову привязали к ней сзади.

Вдруг один из наемников крикнул что-то на незнакомом языке, и все воины стали садиться на коней. Тамсин увидела, что к ферме бежит ее папа с мотыгой в руках. Тамсин успокоилась: папа прогонит плохих людей и все опять будет хорошо. Она даже приподняла Нингу повыше, чтобы та тоже могла видеть, как это произойдет.

Когда папа добежал до фермы и увидел, что там делается, лицо его исказилось и он стал кричать на всадников, только Тамсин даже не могла разобрать, что он кричит. А потом он бросился на них с поднятой мотыгой. Тогда вперед выехал чернобородый, у которого в руках опять был флаг, и этим флагом — оказалось, что на самом деле это копье с привязанным к нему полотнищем, — он проткнул папу насквозь! Папа взревел, как бык, и упал на бок. Желтая ткань скомкалась у него на груди и почти сразу начала краснеть.

Это было так ужасно, что Тамсин вскрикнула, но никто ее не услышал потому что лошадь чернобородого как раз в этот момент громко заржала, а всадники принялись кричать и радоваться. Тогда Тамсин поняла, что надо сидеть тихо, иначе ее могут найти и тоже убить. Не слезая с лошади, чернобородый выдернул флаг-копье из папы и встряхнул им, чтобы расправить, потому что оно немного намокло от папиной крови.

После этого немедийцы опять слезли с коней и опять стали носить из дома мешки и разные

вещи и складывать их на телегу. Кончив ходить взад-вперед, они принесли из печки тлеющие головни и разбросали их по соломенным крышам дома, сарая, амбара и курятника. Крыши сразу же начали дымиться, а наемники все время смеялись. В руках у них были бутылки папиного вина. Один из них поднял свою бутылку вверх и закричал:

— Пью за короля Тифаса и его щедрых подданных!

Всадники поехали прочь, продолжая смеяться, а соломенные крыши уже пылали вовсю и проваливались внутрь. Тамсин прижала лицо куклы к груди, чтобы та не могла этого видеть.

Глава II
КАРЬЕР

— Пошевеливайтесь, бездельники! — раздался сверху голос стражника. — Даром вас кормить никто не собирается!

Карьер — довольно обширная и очень глубокая открытая выработка — зиял, как гигантская могила под холодным северным небом. Обрывистые стены карьера были сложены хрупким слоистым сланцем, и сам он имел неправильную форму — результат частых обвалов. Обвалы эти представляли собой постоянную и неизбежную опасность для работающих внизу каторжников. Даже когда они по ходу дела специально обрушивали породу, иногда не обходилось без жертв: трудно было предвидеть все случайности. Впрочем, поскольку в карьере работали осужденные преступники, бритунийских властей ничуть не волновало, сколько из них покалечится, а сколько лишится жизни. Золото, которое здесь добывали, стоило сотен, а то и тысяч таких жизней.

— Конан, ты зачем роешь в ту сторону? Того и гляди, все обрушится! Здесь уже давно надо ставить дополнительные опоры. Ты что, совсем рехнулся? Порода-то ведь рыхлая, сама держаться не будет, — раздался предостерегающий голос Тжая, товарища Конана по несчастью. Тжай пришел в Бритунию из горной страны, расположенной на юго-востоке, страна эта находилась гак далеко от Бритунии, что Конан просто не мог себе представить, как его новому приятелю удалось проделать весь этот путь. Тжай думал найти в Сар-госсе счастье и богатство, а нашел горе.

Конан и Тжай сразу подружились. Объединило их в первую очередь то, что оба они были здесь чужими и, кроме того, происходили из относительно диких племен. Остальные же были просто городским отребьем: бандиты и воры, по которым давно уже плакала петля.

Конан не знал, где именно находится карьер, куда он так неудачно попал. В Саргоссе его арестовали и посадили в тюрьму. Там он пробыл совсем мало. Буквально на второй же день явились стражники, и один из них бросил ему в лицо порошок белого лотоса. От этого Конан не только ослеп на время, но и потерял способность двигаться. Все его чувства были притуплены, и он находился в состоянии какого-то полусонного оцепенения.

Ему смутно представлялось, что его заковали в цепи еще с десятком таких же, как он, бедолаг, а потом долго-долго везли в чем-то деревянном и закрытом со всех сторон. То ли это был трюм, то ли какая-то повозка… Конан не мог сейчас вспомнить даже этого. У него было ощущение, что карьер находится на севере Бритунии, и остальные каторжники были того же мнения, но где именно, знали не больше Конана.

Конана особенно мучило то, что один раз во время этого бесконечного путешествия он более или менее пришел в себя, когда его стали привязывать к спине мула (они должны были перебираться по горным тропам через какой-то хребет), и у него не хватило ни физических сил, ни воли, чтобы заставить себя попытаться сбежать. Вместо этого в его одурманенном мозгу мелькнула мысль, что, может, оно и неплохо узнать, где находится знаменитый «золотой» карьер, что, может, это ему когда-нибудь пригодится… В конце-то концов, карьер ведь не тюрьма, хотя ему уже приходилось убегать и из тюрем. Но из карьера он уж всяко убежит. Если бы он только мог представить себе, что его ожидает…

В определенном смысле он был тогда прав: если бы действительно можно было узнать, где находится карьер и по каким тропам и дорогам перевозят в столицу добытое заключенными золото, то смелый и предприимчивый, а главное — свободный человек мог бы неплохо на этом заработать. Но когда сидишь в этой яме, из которой только один выход — на тот свет, то даже

если бы и знал что-то, толку от этого знания никакого. Впрочем, все это пустые рассуждения. Местонахождение карьера являлось государственной тайной, а насколько хорошо эта тайна охранялась, киммериец узнал на собственном горьком опыте.

— Конан! — воскликнул Тжай. — Ну сколько раз тебе говорить одно и то же! Твое северное упрямство доведет нас до беды! Ты что, не видишь, что кровля вот-вот обвалится?! — Он устало оперся на кирку, отирая пот со лба. — Да и вообще я не понимаю, зачем тебе понадобилось здесь ковыряться? Ведь здесь же нет золота. Если тебе так нравится махать кайлом, пошли тогда на ту сторону, хоть какой-то прок будет. Смотри, на какую богатую жилу они там вышли!

— Нет, Тжай, — тяжело дыша, ответил Конан, — потерпи еще капельку. Помоги-ка лучше стесать еще вон тот выступ. Из-за него у нас тут не повернешься. Да и потом, чем здесь плохо? Хоть какое-то время можно отдохнуть от этих стражников, которые шагу не дают спокойно ступить… До чего же поганые эти бронзовые кирки! Как они быстро тупятся, работать невозможно!

Каторжники никогда не покидали дна карьера. Они тут ели, пили и спали. Днем они предпочитали работать в прохладной тени южной стороны карьера, а ближе к вечеру переходили на нагретый солнцем северный край. Ни разу Конану не приходилось видеть, чтобы стражники воспользовались лестницей. Они никогда не спускались вниз. Иногда, правда, Конан видел свисающую сверху веревку, но его сразу предупредили, что это просто у стражников такое развлечение: подкараулить понадеявшегося ускользнуть, а когда он долезет до половины, обрезать

веревку. Тжай рассказал ему, что многие на его памяти пробовали рискнуть, и всегда это кончалось одним и тем же:

— Постой, Тжай, ты же не здесь долбишь! Того и гляди, действительно эта махина рухнет нам на головы. Ее же, в сущности, удерживает только одна хилая стойка. А выглядит она, прямо скажем, так, что на нее и смотреть-то страшно. Осторожнее, осторожнее, ты же сам только что меня учил.

Стражники на карьере носили форму гвардейских бритунийских войск: желтые туники и железные шлемы с меховой отделкой. Если каторжники жили на дне карьера, то стражники проводили все свое время на его верхнем периметре. Вдоль всего края был сооружен довольно узкий деревянный помост, слегка нависающий над карьером, чтобы удобнее было наблюдать за работой. В непогоду стражники прятались в будках на деревянных салазках, чтобы можно было оттащить их от обрывистой кромки в случае возникновения опасности оползня.

И ночью и днем с десяток стражников ходили но узким мосткам, надзирая за порядком, а главным образом за тем, чтобы заключенные аккуратно поднимали наверх золото и пустую отработанную породу. Для этой цели служили специальные металлические короба, которые втаскивались наверх с помощью блоков. Если стражникам казалось, что арестанты делают что-то неправильно, они брали рупор и через него отдавали команду, а чтобы те слушались побыстрей, кидали в них камни. Впрочем, это случалось нечасто, ведь намного проще было управлять заключенными, давая им больше или меньше еды, в зависимости от того, сколько они наработали за день.

Стражники с удовольствием контролировали бы и распределение воды, но тут они были бессильны, поскольку по дну карьера протекала небольшая подземная речка, часть русла которой оказалась вскрытой. Речка появлялась из низкой горизонтальной расщелины в одном краю карьера и утекала неизвестно куда под землю с другого его края. Понятно, что при такой отработанной системе стражникам было практически нечего делать, вот они и проводили все дни в праздности, играя от скуки в кости, когда не дежурили на мостках.

— Ну а теперь, Тжай, давай-ка и правда уберемся отсюда подобру-поздорову. Что-то вроде

уже трещит над головой. Ты абсолютно прав, это безумие продолжать работать в этой норе. Пошли скорей!

Подталкивая перед собой Тжая, Конан выбрался из прорытого ими подкопа, за ним тянулась скрученная много раз веревка, нечто вроде каната.

— Эй, вы! — закричал Конан, едва оказавшись под открытым небом. Валите отсюда, и побыстрее! Оползень!

Все, кто работал у этой стены, побросали кирки и не мешкая ни секунды, кинулись прочь, спотыкаясь и оскальзываясь на камнях, устилающих дно карьера. Добежав до середины, они приостановились и оглянулись.

— Ну, и где же твой оползень? — спросил через некоторое время заросший почти до глаз каторжник. — Говорят, у страха глаза велики.

— Наш северянин, надо думать, перетрудился — сказал другой, не менее обросший. — Смотри, парень, держи себя в руках, а не то скоро начнешь бросаться на стены и взаправду обрушишь их на свою голову. Видали мы такое, и не раз.

— Говоришь, обрушить их? А почему бы и нет? — неожиданно ухмыльнулся Конан. — А ну-ка, хватайтесь все за веревку, помогите мне.

Он натянул канат, другой конец которого скрывался в темно! подкопе, и откинулся назад всем голом. Тжай заулыбался и присоединился к, Конану, а за ним еще человек десять-двенадцать.

Они привычно и дружно тянули под равномерный счет Конана: «Раз-два, взяли! Раз-два, взяли!» (именно так они каждый вечер поднимали наверх отработанную городу и золото).

Результат их усилий не заставил себя долго ждать. Канат подался так неожиданно, что мало кто устоял на ногах. Раздался приглушенный скрежет, потом загрохотало сильнее, и вот уже облако пыли взметнулось над ожившей вдруг стенкой карьера, которая все быстрее и быстрее заскользила вниз, грозя смести во на своем пути.

Арестанты взвыли от восторга, но тут же вынуждены были отбежать подальше, спасаясь от летящих градом камней. Сколько времени длился обвал, никто из них не мог бы сказать, но вот лавина, подкатившаяся почти к их ногам, приостановила свое движение и замерла. Отдельные камни еще продолжали сыпаться сверху, но их становилось все меньше. В воздухе висела плотная серая пыль

— Наверх! — вскричал Конан. — Наверх, пока пыль не осела! Там нас ждет свобода!

И он первым бросился по каменистой насыпи, делая громадные прыжки. Бежать было трудно, «живая», не слежавшаяся насыпь ползла под ногами, обутыми в разношенные сандалии. Каждый фут подъема требовал невероятных усилий. Особенно трудно было взбираться по мелкому щебню. Пока киммериец переносил одну ногу, другая уже сползала вниз. Тогда Конан стал высматривать глыбы побольше и прыгать по ним, как по ступеням громадной лестницы. По мере подъема склон становился более обрывистым, но зато не таким сыпучем.

Справа и слева от него карабкались арестанты, захваченные общим, для многих полузабытым порывом к свободе. Некоторые из них, крепкие, закаленные ветераны, умудрились даже обогнать своего вожака. Оборванные, бородатые, размахивая от возбуждения руками, они неудержимо стремились наверх. Со стороны они походили скорее на безумцев, сбежавших из дома умалишенных, чем на каторжников. Тжай, лицо которого светилось надеждой, не отставал от Конана.

— Здорово это ты придумал, Конан, — проговорил он, задыхаясь. — Я и не знал, что ты так хорошо знаешь горное дело и способен устроить такую штуку. Ведь ты совсем недолго на карьере.

Конан повернулся и протянул руку, чтобы помочь своему более низкорослому товарищу

взобраться на очередную глыбу.

— Ничего странного, — ответил он. — Я ведь вырос в горах и еще мальчишкой охотился на горных коз. Как тут не научиться понимать камни.

— Конан, ты хорошо научился, — подтвердил Тжай. — Посмотри наверх. Видишь, насыпь начинается от самого края карьера. Тебе действительно удалось обрушить всю стену!

— Твоя правда, разорви меня Кром! — с чувством воскликнул Конан. — Но проклятые стражники уже догадались, что к чему, и тоже не теряют времени зря. Нам еще придется потрудиться, пока мы вырвемся на свободу.

Крутой откос, образовавшийся при обвале, Лишил часть деревянных мостков своей опоры, неспорые веревки, которыми для большей надежности и безопасности мостки были привязаны к близрастущим деревьям, оборвались, и теперь на краю откоса виднелись сползшие вниз и держащиеся на честном слове мостки длиной приблизительно футов в двадцать. Чуть ниже застряло тело разбившеюся при падении стражника. На уцелевшей, хотя и прогнувшейся части мостков скорчились две фигуры в желтых туниках. Они отчетливо вырисовывались на фоне бледно-голубого неба, даже несмотря на пыль, все еще висящую в воздухе. Один из них, приложив ладони ко рту, прокричал, глядя вниз:

— Арестанты! Немедленно возвращайтесь вниз! Под страхом смерти запрещаю вам приближаться к краю карьера!

Другой стражник выразился гораздо менее официально:

— Эй вы, собаки, живо вниз, не то плохо будет! Беглецы были уже недалеко от края карьера, когда на них сверху посыпался град камней. Собравшиеся там стражники швыряли в каторжников голышами такого размера, что любой из них мог если не убить, то во всяком случае покалечить. Вот уже кто-то вскрикнул, схватился за окровавленное плечо и упал. Прокатившись несколько десятков футов по склону, он остался лежать с нелепо подвернутой ногой. Никого это не образумило. Наоборот, все бросились вперед еще скорее. Беглецы карабкались справа от съехавшего вниз конца деревянных мостков, и только Конан с Тжаем устремились к мосткам. Конан схватился за свисающий конец веревки, и лезть сразу стало легче. Кроме того, деревянный настил частично прикрыл его от камней, которые бросали стражники, стоя на краю карьера. Те двое, что находились на более или менее горизонтальной части мостков, лихорадочно пилили своими короткими кинжалами толстые просмоленные веревки, желая как можно быстрее свалить вниз сползшую по склону секцию настила.

Конану с Тжаем одновременно пришла в голову одна и та же мысль. Они принялись изо всех сил раскачивать нижний конец мостков. Захваченные врасплох стражники вцепились в доски, но один из них не удержался и свалился чуть ли не на голову Конану, а его кинжал подкатился прямо под ноги киммерийцу.

— Здорово, приятель, добро пожаловать, — проговорил он, но стражник, сломавший себе при падении шею, был уже мертв. Столкнув труп вниз, Конан поднял кинжал и сказал Тжаю: — Давай теперь по мосткам. Живей!

Зажав в зубах кинжал, Конан первым полез по настилу вверх, используя его как импровизированную лестницу. Тжай поспевал за ним как мог, а уцелевший стражник с ужасом наблюдал за их приближением, продолжая пилить веревки.

— Вперед! Свобода близка! — кричали арестанты, которым оставалось уже совсем немного до края карьера.

Все они попали теперь в зону «обстрела». Стражники буквально засыпали их камнями, и жертв среди беглецов оказалось немало. Уцелело всего около десятка и теперь они штурмовали последние футы особенно крутого подъема.

Конан же в это время продолжал карабкаться вверх по деревянным мосткам со скоростью

корабельной крысы, почуявшей невдалеке запах протухшего мяса. Тжай следовал за ним с не меньшим проворством. Стражник, который перепиливал веревку, увидев, как быстро приближается к нему Конан, замер на секунду, борясь с желанием бросить все как есть и удрать к своим.

Внезапно справа послышался нарастающий шум. Конан на долю секунды повернул голову и увидел, что стражники предприняли последнюю отчаянную попытку остановить беглецов. Они обрубили крепления, удерживающее будку, и опрокинули ее вниз. Тяжелая будка на массивных салазках не только смела часть каторжников, идущих на последний приступ, по и вызвала новый обвал. Все ускоряющая свой бег лапина унесла с собой еще несколько человек. Стражники восторженно завопили и приготовились расправиться с оставшимися в живых тремя арестантами. Похоже, что и на этот раз слава карьера как места, откуда невозможно убежать, подтвердилась.

Но у Конана все же оставалась еще надежда. Вот он уже схватил за ногу испуганного стражника с кинжалом в руках, вот он… Больше он ничего не успел. Веревка, которую пилил стражник, лопнула г оглушительным хлопком, и вся секция вместе с Копаном, стражником и Тжаем, которого они сбили, все быстрее и быстрее поехала по каменистой осыпи вслед за только что свалившейся на дно карьера будкой. Побег не удался.

* * *

— Знаешь, а я все равно рад, что мы попробовали, — произнес Тжай. — Если бы эти проклятые стражники не умерли, у нас сейчас были бы заложники. — Конан выслушал слова Тжая в мрачном молчании. Спустя некоторое время тот заговорил вновь: — За свободу ведь и умереть не жалко.

— Три дня назад было умереть не жалко, а теперь жить не стоит. Просто замечательно! — съязвил Конан. Он раздраженно дернул плечом и поморщился от боли. Весь его левый бок представлял собой одну большую сплошную ссадину. После продолжительной паузы он сказал уже спокойнее:

— Нет, Тжай, сам посуди, моя попытка бежать стоила жизни чуть ли не пятнадцати человек. А все остальные винят меня, что стражники озлобились. И стражники тоже считают меня зачинщиком: ведь это я организовал побег. Забрасывают камнями с утра до вечера, ходить по карьеру невозможно.

— Надо потерпеть, — хмуро отозвался Тжай и, чтобы отвлечь Конана от горьких мыслей, спросил: — А я говорил тебе про мой мешочек с золотом? У нас здесь у каждого такой есть. — Он достал из-под лохмотьев грязную тряпицу и развязав ее, показал Конану завернутые в нее самородки. — Мы всегда носим золото на себе, а вдруг все-таки подвернется возможность сбежать. А ты успел набрать самородков?

— Так, кое-что. — Конан равнодушно продемонстри-ровал Тжаю свой не слишком богатый улов. — Я ведь пробыл здесь меньше тебя. — Конан опять надолго задумался. — Будь все проклято! Неужели нам суждено провести остаток жизни, разгребая день за днем эту осыпь, пропади она пропадом!

Конан, ну будто я не понимаю Нам всем тяжело. На какое-то время привыкаешь г тому, что каждый день одно и то же: работа — сон, работа — сон, а когда вот так, свобода лишь подразнит… — Тжай сокрушенно покачал головой. — Тогда и жить не хочется.

— Но если бы ты знал, как обидно мне смотреть на эти стены! — запальчиво воскликнул Конан. — Я же от рождения лазаю по скалам! Я способен вскарабкаться на любой обрыв! А тут

эти мерзкие гнилые породы — даже если я и смог бы влезть по ним наверх, они такие сыпучие, что стражники сразу услышали бы, как я лезу. — Конан замолчал и после короткой паузы добавил: — Нет уж, Тжай, если я опять задумаю бежать, я сделаю это один. Хватит! На моей совести и так жизни тех бедолаг!

* * *

Миновало еще несколько дней, и вот однажды утром Тжай неприметно приблизился к заводи, в которую только что вошел Конан. Не замечая, что за ним следят, Конан плескался в холодной как лед воде некоторое время, но звериный инстинкт подсказал ему вскоре, что он не один. В ту же секунду Конан очутился на берегу и схватил кайло. Тжай рассмеялся и выступил вперед из глубокой тени:

— Что, Конан, теперь уже скоро? Каков же твой план?

— Ты, Тжай, с ума сошел! Разве можно подкрадываться к человеку так незаметно! И что ты там мелешь? Какой план?

— Я-то с ума не сошел, а вот ты уже который день одержим какой-то идеей. Все молчишь, а если не молчишь, то огрызаешься. Не трудно догадаться, — ты, что-то затеял. И предупреждаю тебя, киммериец, я твердо решил бежать с тобой. А теперь рассказывай, что придумал.

Конан сел на камень и обхватил колени руками.

— Тжай, какая разница, что я там придумал. Все равно кроме меня никто здесь не может этого сделать. Оставь меня в покое.

— Нет, не оставлю. Может, я и вправду сошел с ума, но я больше не могу находиться в этой грязной дыре ни дня. Скажи, Конан, пожалуйста… позволь мне бежать с тобой. Я лучше погибну, чем останусь здесь. Ну что ты молчишь? Все равно, еще неделя — и я начну бросаться на стены!

— Не надо, Тжай. Зачем ты так говоришь? Послушай лучше: если я останусь жив, то обязательно вернусь сюда. Неужели ты думаешь, я способен пройти мимо такого богатства? — Конан широко обвел рукою карьер. — Соберу шайку головорезов и вернусь. Мы перережем глотки этим мерзким бритунийцам и освободим вас. А потом заберем золото, вон его здесь сколько, на всех хватит. Ну давай, не будем больше об этом.

Тжай, неподвижно стоя перед Конаном, произнес решительным тоном:

— Выбирай, Конан. Либо ты говоришь мне, что задумал, по-хорошему, либо я выхожу сейчас на середину карьера и кричу стражникам, что ты собираешься бежать. Тебе придется убить меня, чтобы помешать сделать это.

Конан гневно дернулся, но тут же опять сел как раньше.

— До чего ж ты упрям, Тжай! Ну что с тобой сделаешь? Я расскажу тебе все, и ты сам поймешь, почему я не могу взять тебя с собой. Только не говори больше никому, ладно?

Когда ты мне расскажешь, я просто обязан буду пойти с тобой… — начал приободрившийся Тжай.

— Хватит молоть чепуху! — рявкнул на него Конан. — Скажи лучше, ты плавать умеешь?

Тжай был сражен на месте.

— Зачем это мне плавать? — проговорил он заикаясь. Рыба я, что ли? Я не умею дышать под водой.

— Так я и думал, — буркнул Конан. — Ваше ми mi не умеет плавать. Я и сам не умел, пока мне н «допелось однажды объезжать на челноке торговые посты в Ванахейме. Тогда хочешь не хочешь Пришлось научиться. Иногда это оказывается полезным.

— Конан, ты ведь не идиот. Неужели ты собираешься плыть по подземной реке? Это же верная смерть. Мне говорили, что эта река течет прямо в преисподнюю, царство мертвых — единственное место, где еще хуже, чем здесь! — Тжай был абсолютно убежден в истинности того, что говорит. — А кроме того, там же, внизу, тебе нечем будет дышать, ты задохнешься! Были у нас такие, кто в отчаянии бросался в этот поток, но никто о них никогда больше не слышал.

— Ну, и что это доказывает? Может, они, конечно, и погибли, а может, они слишком умны, чтобы возвращаться сюда. Тжай, пойми, я ни в чем не хочу тебя убеждать, поскольку ты не можешь плыть со мной, но я хочу сказать тебе вот что: немного воздуха там есть, он сохраняется в воздушных карманах в кровле. А в нескольких местах есть даже немного света, он проникает туда через трещины в породе.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил Тжай.

— Я уже был там, вот и знаю. Три раза. Нет, четыре. И каждый раз я заплывал немного дальше, последний раз я проплыл под землей футов сто, а может, и больше. И на протяжении всего этого пути есть воздушные карманы, для одного человека воздуха там достаточно, если, конечно, не мешкать и расходовать его экономно. На двоих его все равно не хватит. — Конан встал и извиняющимся жестом положил руку на плечо другу. — Ну так вот. В той самой далекой точке, куда мне удалось добраться, поток резко сужается и течение делается таким сильным, что я не рискнул туда соваться. Обратно мне почти наверняка было бы не выплыть. Но сегодня я намерен рискнуть и миновать эту точку, будь что будет. От веревки, даже если бы мы нашли такую длинную, проку не много. Ведь все равно в какой-то момент ее не хватило бы. Вот почему ты меня больше не увидишь… до тех пор, пока я не вернусь, чтобы освободить тебя, — добавил он, желая успокоить Тжая.

— Конан, возьми меня с собой! — умоляющим тоном произнес тот. — Подожди несколько дней, научи меня плавать, я быстро научусь.

— Тжай, пойми, это невозможно. В заводи совсем мелко, а как учить тебя под землей, в темноте? А какая здесь ледяная вода, ты что, забыл? Я сам ее с трудом выдерживаю, но ты мне скажи, кто кроме меня купается в заводи? А я делал это с первого же дня. — Конан сделал несколько шагов и остановился по колено в воде. — Нет, дружище, ничего у тебя не выйдет. А я обязательно вернусь за тобой, видит Кром, вернусь. Что мне до других, мне важен только ты. Верь мне.

— Конан, возьми меня! Я не могу больше здесь, как ты не понимаешь!

— Хватит, Тжай! — Конан плеснул в него водой, и Тжай отшатнулся. — Если я погибну, значит, и твоя смерть будет напрасной. Если останусь жив — вернусь за тобой. Жди и надейся. — Конан прошел дальше к выступу, под который убегала вода, и обернулся к Тжаю: — Побудь здесь немного. Вдруг по какой-нибудь причине придется вернуться. А если не вернусь, прощай.

Он сделал глубокий вдох и нырнул. Он плыл по-лягу-шачьи, энергично, но без суетливости работая руками и ногами. Изредка он царапал спину о кровлю, потому что старался плыть повыше. Он не стал пугать суеверного Тжая и говорить ему, что дно подземной реки устлано костями утонувших в ней людей. Кости эти копились на протяжении нескольких веков — столько времени, сколько существовал карьер. Конан обнаружил их еще в первый раз и с тех пор всегда плыл по возможности дальше от дна. Там, где сквозь трещину в породе внутрь проникало немного света, среди костей и черепов можно было увидеть и злотые самородки — то золото, которое пытались умести эти несчастные. Киммериец очень надеялся, что ему повезет больше.

Конан помнил, что за следующим поворотом, у которого скопилось особенно много костей, будет воздушный карман, а еще чуть дальше — трещина, дающая чуточку света, а воздуха еще

меньше. Едва он успел вздохнуть несколько раз, как вдруг его коснулись чьи-то вялые пальцы и кто-то словно обнял его слабыми руками. Конан чуть с ума не сошел от ужаса. Как безумный, рванулся он вперед, но этот „кто-то“ продолжал плыть за ним, не отставая. В слабом свете, проникающем сверху, Конан наконец узнал своего преследователя. Он подхватил обмякшее тело Тжая и приблизил его лицо к кровле, туда, где было немного воздуха. Но все напрасно. Тжай не начал дышать и в себя не пришел. Он так же безвольно висел у Конана на руках. Наверно, Тжай почти сразу бросился в реку вслед за другом, и его либо убила своим холодом вода, либо он задохнулся без воздуха.

Конан, отчаявшись, выпустил труп Тжая из рук. Сам он тоже был едва жив и от пережитого страха, к оттого, что у него совершенно сбилось дыхание. Он попробовал тем не менее привести его в норму сначала в том воздушном кармане, где он безуспешно пытался оживить Тжая, а потом еще в одном, последнем из ему известных. Поток с силой тащил его дальше, и Конан перестал сопротивляться его напору. Черная подземная река подхватила его и понесла. Почти сразу Конан ударился головой о какой-то выступ и потерял сознание.

Глава III
ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА

— Тамсин, Тамсин! Веснушка-дурнушка! — прокричали дети и вновь умчались на улицу играть в королевских стражников и разбойников. Они вопили и носились как угорелые, грязь так и летела у них из-под ног, иногда они заскакивали обратно во двор, чтобы подразнить маленькую девочку, которая сидела на крыльце, баюкая куклу.

— Тамсин, Тамсин! На голове солома, у самой не все дома!

И правда, у девочки с куклой волосы были светлее, чем у других детей, но это и не удивительно, ведь она находилась в весьма отдаленном родстве со своими деревенскими сородичами. Эти гордецы, ее родители, не пожелали оставаться со всеми в деревне, а завели себе небольшую ферму на опушке далекого леса, как теперь выяснилось, себе на горе. Ребятишки — жестокие, как и все дети, к тем, кто не похож на них, — постоянно дразнили и обижали ту, что с некоторых пор вторглась в их жизнь.

— Не обращай па них внимания, Нинга, у нас с тобой замечательные волосы, — успокоила девочка свою куклу. — У тебя они точно такого же цвета, что и у меня. Уж я-то знаю, ведь они на самом деле мои! Папа отрезал прядь моих, когда делал тебя. Я думаю, ты очень красивая. Пусть вокруг болтают что хотят!

— Почему ты всегда играешь с этой дурацкой куклой? — послышался мальчишеский голос. — Да еще делаешь вид, что разговариваешь с ней, а сама хоть бы слово сказала! — Орава детей, возглавляемая темноволосым Арлем, обступила крыльцо. — Почему ты не отвечаешь, когда я спрашиваю? Раньше-то, когда твои родители были живы, ты умела разговаривать. А нынче что — разучилась?

Дети рассмеялись, а маленькая Улва пропищала:

— И кукла у нее уродина! Вы только посмотрите: голова того и гляди, отвалится!

— Уродина, уродина, — поддакнула другая девочка. — Давайте угоним ее в колодце!

Какой-то сорванец высунулся из-за спины Арля и сделал вид, что кочет схватить куклу, но Тамсин прижала ее к груди и так посмотрела на него, что он отступил на шаг.

— Чума вас забери! — свирепо рявкнул грубый голос. — Чего вы орете тут под окнами? Проваливайте на улицу!

Размашистые движения метлы таили в себе известную угрозу, и ребятишек будто ветром сдуло. Сбежали все, кроме маленькой девочки, которая осталась сидеть, скорчившись на ступеньках. Детей спугнула Гурда, толстая старая служанка в заляпанном фартуке. Глядя вслед убегающим детям, она продолжала ворчливым тоном:

— Корми, убирай за ними — и все я одна. Да еще угождай их маменьке, будто мне и так мало работы. А они тут кричат как резаные. — Она повернулась, чтобы войти в дом. — А что до тебя, красотка… — Толстуха переключила свое внимание на Тамсин. — Так ты не очень тут воображай. Ты здесь никто… как ты посмела, негодяйка этакая, рыться в моей корзинке для шитья! Я же вижу, ты стащила у меня лоскуток для своей паршивой куклы! Смотри, как бы тебе не прижгли железом пальцы за воровство! — Она строго погрозила девочке. — Ну ладно, раз эта мелюзга не желает с тобой играть, я сама тебя развлеку. Возьми-ка песку и почисти решетку, вон как она закоптилась. — Гурда ткнула пальцем в сторону очага из крупных неотесанных камней, поверх которых лежала железная решетка. — Давно пора приставить тебя к делу. И смотри у меня, начисти ее так, чтоб сверкала. Днем я буду вытапливать нутряное сало из свиных потрохов, так мне лишняя копоть не нужна. Ступай, принимайся за дело.

* * *

Тем же утром, чуть позже, Тамсин сидела, спрятавшись за сараем. Костяной иглой она пришивала воротник и рукава к уже почти готовому кукольному платью. Сама кукла сидела у нее на коленях, и девочке даже не приходило в голову, что ей было бы удобнее шить, если бы она положила куклу рядом с собой. По обыкновению, Тамсин не прекращала мысленный разговор со своей единственной подружкой.

— Видишь, Нинга, мне осталось уже совсем немного. Сейчас кончу, и тогда тебе никакие сквозняки не страшны. Ты только погляди, какие замечательные рукава получились! Такого красивого платья ни у кого в деревне нет. У моей Нинги все должно быть самое лучшее!

Склонив голову из высохшей тыквочки, кукла будто прислушивалась к непроизнесенным словам девочки. Голова ее, сужающаяся кверху наподобие луковицы, не слишком была похожа на человеческую, но нацарапанные острием ножа глаза, нос и рот имели удивительно мрачное выражение, несмотря на то, что выглядели немного по-рыбьи.

— Ах вот где ты прячешься! Так-то ты платишь за доброту своей родне! — Старая Гурда неожиданно появилась из-за угла и напустилась на Тамсин. — Стыдись, неблагодарная! Вместо того чтобы выполнять что велено, ты тут забавляешься с куклой!

Девочка хотела удрать, но толстуха проворно наступила ногой, обутой в тяжелый башмак на деревянной подошве, ей на подол. Охаживая ее по голове и плечам все той же метлой, Гурда продолжила:

— Ты у меня вычистишь очаг, не сомневайся. Уж я-то за этим прослежу. Ты у меня бездельничать больше не будешь, заруби себе это на носу!

Тамсин отчаянно дернулась, на это раз ей удалось вырвать подол из-под ноги служанки, и она стремглав кинулась прочь, прижимая куклу к груди. Гурда сделала за ней несколько шагов и остановилась. Она угрожающе потрясла ей вслед метлой и, бормоча проклятия себе под нос, вернулась к большому медному котлу, в котором кипели свиные потроха.

Тамсин обежала вокруг дома и, поняв, что никто ее не преследует, села под старым ветвистым дубом. Дышала она тяжело, но не плакала. Немигающий взгляд ее бледно-голубых глаз был устремлен на далекое поле.

— Попало, да? — Вопрос Арля прозвучал почти робко. Руки он почему-то прятал за спиной. — Вот старая ведьма! Если бы она меня так, уж отец бы ей дал. А за тебя, получается, и заступиться некому. — Он подошел чуть поближе. Остальная ватага стояла хихикая в отдалении. — Зря я дразнил тебя давеча. Давай помиримся. Вот погляди, у меня есть для тебя подарок. — Он сделал еще несколько шагов, вынул руки из-за спины и показал девочке браслетик. — Видишь, это ракушки. Они издалека, с моря Вилайет. Когда-то в них жили маленькие улитки, потом они умерли, а из ракушек сделали браслет. Эти ракушки не простые, а волшебные. Если у тебя заболит спина или там лихорадка какая начнется, они тебя вылечат. Вот, Тамсин, возьми, это тебе.

Он держал браслет в вытянутой руке и терпеливо ждал. Девочка как завороженная смотрела на дешевую побрякушку. Куклу свою она совершенно механически развернула лицом к Арлю, чтобы та тоже могла видеть ракушки. Наконец она встала, не отрывая глаз от вожделенного браслета… Постояла еще некоторое время в неуверенности, сделала шаг, другой, третий и схватила его. В ту же секунду обманщик Арль вцепился в другую ее руку и закричал:

— Скорей, сюда!

В мгновение ока вся орава обступила Тамсин, пытаясь вырвать у нее из рук куклу. Это удалось маленькому юркому мальчишке по имени Аза. Он перекинул куклу Арлю, который

помчался с ней к колодцу.

— Кидай ее в воду, эту уродину! Топи ее! — кричали дети.

Тамсин кинулась за ним со всех ног. Арль даже немного испугался, увидев ее лицо, и бросил куклу обратно Азе:

— Лови!

Аза прыгнул и поймал куклу в воздухе, и в этот же миг на него налетела Тамсин. Легкий худенький мальчишка не удержался на ногах и опрокинулся с куклой в колодец. Ребята замерли от ужаса.

Но почти тотчас же из колодца раздался вопль. Обступив сруб, они увидели, что Аза упал прямо в громоздкую деревянную бадью, которая, к счастью так и осталась висеть в колодце на расстоянии вытянутой руки от края. От резкого рывка журавль перекосило, и тонкий длинный шест заклинило намертво. Арль с ребятами немедленно извлекли беднягу, который продолжал кричать как резаный, — как выяснилось впоследствии, у него оказалась сломанной рука.

Тамсин перегнулась через сруб и достала со дна бадьи свою куклу. Не обращая внимания на непрекращающиеся вопли Азы, она бросилась бежать вокруг дома и тут же налетела на толстуху служанку, которая как раз отошла от очага, чтобы посмотреть, отчего ребята подняли такой крик.

— Ты куда бежишь? Что ты там опять натворила, отвечай! Немедленно прекрати вырываться, а не то хуже будет. Вот я тебе задам, если не будешь слушаться! Ты куда, негодница… Ой-ой-ой! А-а-а!..

Когда дети прибежали во двор, они увидели жуткую картину. Догадаться, что произошло, было нетрудно. Один из угловых камней, на который опиралась железная решетка очага, треснул от жара и раскололся. Стоящий на решетке котел с кипящим жиром опрокинулся, а Гурда, по-видимому, по несчастной случайности, как раз в этот момент оступилась в своих неуклюжих башмаках и упала прямо в продолжавшую бурлить и на земле жижу.

Скоро вокруг Гурды собралась вся деревня. Каждый предлагал свой способ облегчения мук несчастной, хотя она так кричала, что разговаривать было практически невозможно. Нескончаемый страдальческий вой умолк лишь к утру.

*** * ***

Арнулф Праведник, как его уже давно прозвали соседи, возвращался с поля усталой неуверенной походкой. Вся его поникшая фигура, казалось, выражала покорность судьбе. И мысли, что его угнетали, были намного тяжелее мотыги, которую он нес на плечах.

Нелегка крестьянская доля. Подготавливаешь семена, потом пашешь, потом сеешь, а еще поди угадай, чтобы не опоздать или, наоборот, не посеять слишком рано, потом дожди, засуха, вечный бич — вороны, прополка, еще прополка, уборка урожая, молотьба, продажа зерна, уплата налогов, и опять пора готовить семена, и опять эта каторга начинается сначала. И все на нем одном. Его старший сын Арль совсем мальчишка, когда еще он вырастет, чтобы помогать. А пока приходится нанимать работников: деньги им плати, а работают плохо, за всем приходится следить. Да еще домашнее хозяйство, дом.

С домом хуже всего. И непонятно, что делать. Началось это после смерти старой Гурды. А то и раньше, только тогда он не обращал на это внимания. Но больше так нельзя. Надо поговорить с девочкой, объяснить ей… Да, он решил, твердо решил поговорить с ней, и он поговорит.

Пошаркав подошвами у порога, Арнулф аккуратно поставил в угол мотыгу с налипшей на ней землей. Есть такая примета: принесешь с поля домой землю на мотыге — жди хорошего

урожая. Арнулф прошел на кухню, поздоровался с молоденькой служанкой Иной. Она была настолько робка, что стеснялась отвечать ему даже на приветствие. Потом отправился в спальню, где лежала хворая жена. Поговорив с ней несколько минут, он поплелся в гостевую. В комнате находились четверо: два мальчика и две девочки. Трое сидели на полу у самого очага и тихо играли во что-то, четвертая, Тамсин, с куклой на руках устроилась чуть в сторонке. Она следила за игрой, но сама не принимала в ней участия.

— Дети, идите поиграйте на улице. Нет, Тамсин, ты останься. А вы, ребята, далеко не забегайте. Скоро ужинать. Ина вас позовет.

Троица безмолвно покинула комнату. Как они тихи и послушны, мелькнуло в голове у Арнулфа. Крик подняли бы они еще недавно, если бы он вот так велел им выйти. Принялись бы препираться, попытались изобрести какую-нибудь увертку, а если бы и вышли, обязательно постарались бы подслушать. Да и вообще, каким шумными и веселыми они были раньше.

— Тамсин, подойди ко мне и встань здесь, у огня. Я специально пришел сегодня домой пораньше, чтобы отослать детей на улицу, пока еще не стемнело, и поговорить с тобой наедине. — Он уселся на свой любимый стул, обитый оленьим мехом, и подождал, пока Тамсин не подошла и не встала перед ним.

— Тамсин, я решил поговорить с тобой, потому… потому что в доме нашем стало неладно. Мы живем теперь не так, как жили прежде, и не так, как живут и сегодня наши соседи. Я знаю, ты все молчишь, но, мне кажется, ты понимаешь нашу речь… Сейчас я скажу тебе, а ты дай мне ответ, словом или знаком. — Он тряхнул головой. Тирада, конечно, прозвучала крайне нелепо.

— Тебе очень тяжело, я знаю. Ты пришла к нам в дом, пережив такое ужасное горе. — Арнулф ни за что не смог бы заставить себя впрямую заговорить о страшной смерти родителей Тамсин. — Бог даст, никогда ничего подобного не случится в нашей деревне. — Он с искренним смирением склонил голову.

— А теперь, после этого кошмарного случая с Гурдой, упокой Амалиас ее душу, в доме стало еще хуже. Моя жена, твоя мачеха, она и так никогда не отличалась хорошим здоровьем, ну а с тех пор, как погибла Гурда, сдала окончательно. Нам еще повезло, что у нас есть Ина. Ты знаешь, что твоя мачеха почти не встает с постели. Наш деревенский знахарь Урм велел давать ей в три раза больше настойки лотоса, чем раньше. А у нас здесь эта настойка ой как дорого стоит. А сколько пришлось заплатить за лечение руки Азы… — Арнулф посмотрел на девочку, но тут же опять перевел взгляд на огонь. — Еще хочу сказать тебе про браслетик из ракушек. Я знаю, как он тебе достался. Арль очень глупо поступил, придумав всю эту историю, но он не имел никакого права дарить его тебе. Я вижу, из него вышли чудные бусы для твоей куклы, но, понимаешь ли, он принадлежал… принадлежит моей жене, и, если она его хватится, будет очень неприятно… Если бы ты могла вернуть его… — Арнулф умолк, не решаясь протянуть руку к кукле. — Я знаю, ты отдашь его сама, — промямлил он немного погодя, — но хватит об этом. — Он хрипло откашлялся.

— Мы приняли тебя в свой дом. Мы пожалели тебя, ведь твои родители находились в родстве с моей женой, а других близких у тебя нет. Если бы только боги не сразили их такой страшной смертью… — Он покачал головой, слова застревали у него в горле. — Но почему-то они это сделали. Почему, мы никогда не узнаем. — Он тяжело вздохнул. — С тех самых пор ты не произнесла ни слова. Поверь, я понимаю, как тебе невыносимо тяжело. От старой жизни у тебя не осталось ничего, кроме этой куклы… — Нам всем очень-очень жаль тебя. — Арнулф заставил таки себя посмотреть на девочку. Он протянул руку, желая погладить ее по голове, но Тамсин отшатнулась. Арнулф опять тяжело вздохнул и продолжал: — Знаешь, мне кажется, что ты зря молчишь. От твоего молчания никакой пользы, только всем плохо. И соседям это не нравится, уже поползли какие-то слухи, а в такой маленькой деревне, как наша, это совсем

нехорошо. — Он устало потер лоб рукой.

И про куклу твою тоже люди болтают всякое. А мне кажется, что твое молчание и кукла как-то связаны, что ты молчишь из-за куклы. И еще мне кажется, что на наш дом пало проклятье богов, так в нем стало тяжко жить. — Арнулф надолго замолчал, собираясь с духом.

— Я думаю, — сказал он наконец, — тебе следует отдать мне свою игрушку. Она из прошлого, пойми, а тебе надо постараться забыть прошлое. Дай мне ее. Может, тогда ты будешь говорить и играть, как остальные дети. Я ее не обижу, ты не бойся. Отнесу в поле, туда, где мы оставляем подношения нашим богам, чтобы они были к нам милостивы, и похороню ее там. Отдай, и опять все станет хорошо.

Он потянулся, намереваясь взять у девочки игрушку. Тамсин не попятилась. Напротив, она резко выбросила руку вперед, так что кукла оказалась в нескольких дюймах от лица Арнулфа.

— Не прикасайся ко мне и не оскверняй меня, — послышался голос. Арнулфу почудилось, что он исходит от куклы, но, должно быть, все-таки это говорила девочка, хрипло и злобно. — Иначе твои окровавленные кости окажутся на том поле, где вы оставляете подношения богам!

Тамсин убрала руку, снова привычно обняла куклу и безмятежно воззрилась на Арнулфа, будто ожидая ответа.

Ее отчим отвалился на спинку стула. На лбу у него сияли капли пота. Руки заметно дрожали. Он был бледен как смерть.

— Я понял, — сумел наконец выдавить он. — Все будет так, как ты пожелаешь…

Глава IV
ПОБЕГ В НИКУДА

Когда Конан пришел в себя, солнце ласково светило с небес. Он лежал на песке у самой кромки воды, на берегу быстрой говорливой речки. Маленькие шаловливые волны щекотали киммерийцу пятки. Река сорвала с варвара и набедренную повязку, и мешочек с золотыми самородками. Солнце пригревало сверху, но влажный песок холодил кожу. Конан с трудом пошевелился и заставил себя отползти подальше от воды на сухое место. Там он перевернулся и сел. Все тело ломило, от синяков и ссадин на нем не было живого места, но руки и ноги, хоть и казались одеревеневшими навеки, тем не менее были целы и действовали. У самого берега он увидел борозды и ямки — теперь он припомнил, что вроде действительно выползал на берег этой тихой заводи, только когда же это было? Если судить по ощущениям, то времени прошло предостаточно.

Конан посмотрел вокруг. Нигде ни малейших признаков человека. Справа от него в подмытых корнях сосны запутались куски дерева, ветки и водоросли. Выше начинался склон, поросший кустарником. На противоположном берегу реки невысокие холмы перемежались с ложбинами: лес, луга, скальные гряды и опять лес, насколько хватало глаз. Там, где он сидел, река слегка замедляла свой бег, и это была именно река, довольно широкая и полноводная, такая река могла унести обессилевшего пловца далеко, очень далеко.

Если судить по положению солнца, сейчас было около полудня. Та часть реки, что попадала в поле зрения, получалось, текла с севера на юг. Это ни о чем не говорило, киммериец так толком и не понял, где находится. Ведь реки вблизи Кезанкийских гор текли либо с запада на восток, либо с востока на запад. Однако никаких высоких скал, покрытых снегами, он не видел, во все стороны — лишь убегающие вдаль холмы.

Еще раз внимательно оглядевшись по сторонам и не обнаружив поблизости ничего живого, Конан вошел в реку, умыл лицо, окунул в воду голову и энергично потер ее, пытаясь смыть набившийся в волосы песок. Потом он попробовал по вкусу воды догадаться, откуда она течет. Не чувствуется ли в ней медяная суровость гиперборейских снегов? Не отдает ли она торфяниками тундры? А может, к ней пришиваются воды серных источников Кезанкийских гор? Конан ничего не смог определить. Вода была чистой, без малейшего привкуса… как, впрочем, и в подземной речке, которая текла через "золотой" карьер.

Куда же он все-таки попал? Насколько далеко унесла его река? Если бы он только хоть приблизительно знал месторасположение проклятого карьера, уж он как-ни-будь сумел бы сейчас сориентироваться. С его опытом путешественника не так уж ни было бы и трудно. Ну а теперь, если он, например, отправится вниз по течению, куда приведет его река? Сольется ли она с величественной Данибос, на которой стоит Саргосса, столица Британии? Или, повиляв, исчезнет в пустынях Заморы, не дотянув до Шадизара каких-нибудь ста миль? А может, она будет вести его день за днем, Месяц за месяцем и приведет в конце концов к северной оконечности моря Вилайет, туда, где оно такое мелкое и такое соленое? А может, в Коринфию? Догадаться невозможно, Ну а если попробовать решить эту загадку с другой стороны… Вот, скажем, сколько времени его могло нести вниз по течению? Река быстрая, довольно глубокая, так сколько же времени прошло, пока его не прибило здесь к берегу? Уж во всяком случае, не целый день, ведь он бросился в подземный поток утром. Значит ли это, что он находится сравнительно недалеко от карьера?

Повернувшись на другой бок, Конан впервые обратил внимание на корягу, по-видимому

недавно застрявшую здесь на мелководье. Что-то смутно шевельнулось у него в памяти. Толстый обрубок сосны в человеческий рост длиной, обломанные ветки торчат во все стороны, желтоватая кора не успела еще даже просохнуть на солнце. Конану показалось, будто он помнит, как цеплялся за эти самые обломки сучьев, как держался за них мертвой хваткой бесконечно долгое время… Он задумчиво потер ссадины на груди. Да, почти наверняка он плыл на этой коряге. Конан потряс головой, вспоминать дальше не было смысла: ведь если так, то его могло нести сколько угодно времени, он не имел ни малейшего представления, сколько пробыл без сознания.

Ну да ладно, обо всем этом он может подумать и попозже, а сейчас надо позаботиться о еде. Конан вдруг почувствовал, что буквально умирает от голода, и вскочил на ноги. Его резкое движение вспугнуло павлина, который суматошливо вспорхнул из-за соседнего куста и полетел через реку. Конан разочарованно проводил его взглядом. Впредь следует быть осмотрительнее, — для того чтобы выжить, ему придется приложить немало усилий.

День был тихий и теплый, негромко журчала вода, щебетали птички, порхая с ветки на ветку, в траве стрекотали кузнечики, жужжали пчелы. Чуть дальше на берегу виднелись следы антилопы. Это его порадовало, но он знал, что если есть дичь, то, значит есть и те, кто на нее охотится, а он сейчас совершенно не был готов к встрече с любым мало-мальски серьезным хищником.

Конан решил для начала заняться рыбной ловлей. Чего-чего, а рыбы здесь было много. Он прошел немного вверх по течению до места, где недалеко от берега лежал большой гранитный валун. Бесшумно войдя в реку, он остановился и нагнулся, вытянув вперед руку ладонью вверх, так что над поверхностью воды осталась одна его голова. Теперь следовало замереть и ждать, пока кто-нибудь не приплывет Конан слегка шевелил пальцами, он знал, что рыба любит стоять в воде неподвижно, едва шевеля плавниками, особенно там, где какое-нибудь небольшое препятствие создает слабые завихрения в ровном потоке воды.

Ждать пришлось не слишком долго, Конан даже не успел замерзнуть. Большая серебристая форель, гибко вильнув хвостом, выплыла из тени валуна и расположилась прямо над ладонью Конана. Он затаил дыхание, напрягся и мощным взмахом руки выбросил форель на песок. В два прыжка он очутился на берегу и, схватив прыгающую рыбину, поднес ее ко рту, потом одумался и начал искать глазами камень, чтобы разбить ей голову и прервать ее мучения до того, как вонзит зубы в сочную плоть.

Форель была не из маленьких, однако она лишь разожгла аппетит Конана. Он опять полез в воду и долго стоял там, неподвижно согнувшись, но больше никто к нему не приплыл. Тогда он нашел другое место и в течение часов двух поймал сначала очень большую форель, которая сумела ускользнуть от него в последний момент, а потом еще одну, поменьше. Когда он доел ее, то был все так же голоден, только ко всему прочему еще продрог до костей.

Тогда Конан пошел вниз по течению реки к полувысохшей старице, которую он приметил раньше, надергал там сладкого болотного лука и пристроился в расщелине скалы, смотрящей на юго-запад. Солнце стояло низко и уже почти не грело, зато скала была теплой, и рядом с ней было не холодно. Конан жевал лук и проклинал свое невезение. Правда, первую форель он поймал быстро, но потом счастье ему изменило, и в результате теперь, после по-дурацки проведенного дня, так толком и не насытившись, ему надо искать убежище на ночь, потому что ночью на охоту выйдут хищники, а он совсем не расположен с ними встречаться, пока не смастерит себе хоть какое-то оружие. Конечно, если бы у него был огонь, тогда он мог бы не только отпугнуть зверье, но и не замерзнуть ночью.

Однако делать было нечего, и Конан отправился искать себе хотя бы относительно

безопасное прибежище. Обследовав скалу (она спускалась прямо в реку), где вброд, чтобы прервать свой след, где карабкаясь по голым камням, он нашел наконец подходящую щель. Ее дальний конец был завален большими глыбами, наверх уходила отвесная стена, чуть ниже росли кипарисы, — Конан решил, что их пушистые кроны частично предохранят его от поднимающегося от реки тумана. Ну а если какой-нибудь зверь все же решит напасть, то хищнику придется иметь дело с загнанным в угол опасным противником.

Конан нарвал с ближайшего дерева пахучих и устелил ими землю — получилась постель. Потом он сложил в кучу изрядное количество камней — будет чем кидаться в случае нужды. Большая сучковатая палка послужит ему дубинкой, если придется схватиться вплотную. Конан еще раз спустился к реке, прикидывая, что ему еще может понадобиться, и вдруг услышал, как на противоположном берегу треснула ветка. Он вгляделся в сгущающийся сумрак и увидел красавца оленя, который вышел к берегу напиться. Конан схватил голыш с кулак величиной и с силой запустил его, метя в голову зверя. Увы, бросок оказался неудачным. Камень отскочил от ветвистого рога, не причинив оленю никакого вреда. Раздался дробный топот удаляющихся копыт и треск ломающихся веток, через мгновение испуганное животное скрылось из виду. Вообще-то Конан мог бы переплыть реку и пуститься за ним в погоню, но охотиться на такого гиганта безоружным было просто глупо.

Конан вернулся в свою щель, растянулся на ветках и, едва успев закрыть глаза, уснул крепким сном.

* * *

Ночь прошла без происшествий. Время от времени Конан на миг просыпался, услышав либо крик совы, либо далекий вой волков, но он легко определял происхождение всех звуков, поскольку был привычен к лесной жизни, и они не пугали его, как могли бы испугать горожанина, который трясся бы до утра от страха, ожидая нападения неизвестного зверя. А Конану даже не приходилось полностью просыпаться, чтобы оценить степень опасности. Нет, разбудила его ночью не боязнь нападения какого-то хищника, а холод, сырость и обыкновенные комары. Очнувшись от первого глубокого сна, Конан понял, что сделал ошибку, расположившись на ночь в этой гнилой дыре, словно притягивающей весь речной туман. Кожа у него зудела, и он продрог как собака, здесь было не теплее, чем в гиперборейской гробнице. С большим трудом Конан заставил себя встать, ему вовсе не улыбалось пробудиться завтра вялым, ослабевшим, с одеревенелыми мускулами. Он подхватил дубинку и начал карабкаться вверх по утесу. Это оказалось не так уж трудно, луна светила вовсю. Вскоре он очутился на широком уступе, частично прикрытом ветвями росшей внизу сосны. Воздух здесь был сухой, и сама скала, казалось, еще не успела остыть за ночь, никакого сравнения с промозглой сыростью облюбованной им ранее щели. Конан сгреб в сторону камни и шишки и улегся на мягкие сосновые иглы досыпать.

* * *

Утром светило солнце. В небе — ни облачка, распевали проснувшиеся птицы, откуда-то сбоку раздавался хруст — бурундук лакомился сосновыми шишками. Конан сел, потянулся и стряхнул с себя налипшие иглы.

Со своего высокого уступа ему видна была река, текущая в широком каньоне

приблизительно в южном направлении. На востоке местность была холмистой, роскошные луга перемежались небольшими густыми рощицами. Там и сям блестели озерца, от которых поднимался легкий туман. И нигде ни малейших признаков жилья: ни дыма от костра очага, ни возделанных полей, ни каких-либо примет присутствия человека.

Оно и к лучшему, мелькнуло в голове у Конана. мест здесь выжить, а без людей это будет для разнообразия даже приятнее.

Справа от Конана, на запад, ландшафт был гористый, кое-где вздымались довольно крутые скальные гряды, хотя не было ни одной мало-мальски заметной вершины, которую он мог бы признать. (Ему не раз приходлось видеть военные мчи и карты караванщиков.) Но что же все это могло означать? Неужели он, сам не зная того, пересек Кезанкийские горы? Неужели его тюремщики — или это был подземный поток? — каким-то невероятным образом перенесли его на восточную сторону водораздела, оставив позади высокие снежные пики тянущегося с севера на юг хребта? Но если так, если его действительно забросило за пределы хайборийского мира, тогда на то, чтобы вернуться обратно, могут уйти годы, а не то дсятки лет. Остается, конечно, некоторый шанс, что он все-таки находится по западную сторону гор, в каком-то забытом богами медвежьем углу, куда не ступала нога человека. В любом случае его жизнь никак нельзя назвать скучной или однообразной.

Конан сидел на уступе, греясь на солнышке, как ящерица, и все ломал себе голову над тем, где же он находится, и вдруг его поразила неожиданная мысль: а почему он, собственно, так рвется обратно? Кто его там ждет? Кому он там нужен? Спору нет, за годы странствий он сошелся со множеством людей, и у него там не счесть друзей-приятелей, но все они такие же, как он, скитальцы, перекати-поле, и, кроме того, сколько раз за последнее время ему приходилось круто менять свою жизнь, хотя, безусловно, ему еще никогда не приходилось начинать все заново так, как сейчас, — голому, безоружному и находящемуся неизвестно где.

Думая о друзьях, Конан, само собой разумеется, прежде всего вспомнил о Тжае, покоящемся на дне подземной реки. Тжай мертв. Киммериец собственными глазами видел его труп. Тогда зачем вообще возвращаться мыслями к "золотому" карьеру? Ну есть где-то карьер, так что же? Он может всю жизнь разыскивать его, а если найдет, то зачем? Для того чтобы отомстить или чтобы разбогатеть? В том мире, в котором он сейчас очутился, из мести рубашки не сошьешь, а золотом не позавтракаешь. Так или иначе, в настоящий момент он не может отправляться куда бы то ни было. Сначала надо подготовиться. Пожалуй, это его последнее приключение сулит ему немало новых, еще не изведанных ощущений. А почему бы и нет? Ведь по натуре он искатель приключений, как же может он отказаться от такого замечательного приключения и заодно не проверить лишний раз свои силы, в которых он, впрочем, не сомневался. Итак, решено, он останется здесь, стряхнет с себя старую жизнь, как ящерица сбрасывает старую кожу.

Конан спустился к реке. На этот раз удача ему сопутствовала, и очень быстро он выловил две форели, одну маленькую, а другую очень большую. После этого он накопал съедобных корешков, а завершил свое пиршество спелой земляникой. Насытившись, Конан занялся поисками кремней и вскоре нашел несколько подходящих обломков. Как ему не хватало ножа! Если бы у него было стальное лезвие, он смог бы без труда высечь искру и разжечь костер, а костер… да, костер — это так много: защита от хищников, тепло, возможность вскипятить воду, поджарить мясо или рыбу. Ну да ладно, в настоящий момент перед ним стояли гораздо более насущные проблемы.

Конан поднялся на плоскую вершину утеса, прихватив с собой кремни и продолговатый голыш мелкозернистого гранита. Выбрав лучший из кремней, он принялся методически обтесывать его при помощи голыша, служившего ему чем-то вроде молотка. Голубоватый кремень легко поддавался обработке, надо было только не спешить. Тонкие до полупрозрачности

осколки один за другим отскакивали от поверхности камня, который постепенно приобретал все более правильную форму — Конан вытесывал топор.

Работая, киммериец пытался подражать ловким свободным движениям стариков из его родной деревни, которые в годы его детства занимались изготовлением топоров, ножей, наконечников для стрел и дротиков, скребков и много чего другого, необходимого в повседневной жизни. Юность этих людей приходилась на те времена, когда в Киммерии не было еще появившихся позже стальных клинков из Аквилонии. Конан помнил, с какой изящной легкостью они работали. Казалось, им ничего не стоит заострить затупившийся скребок или придать нужную форму ножу с обломившимся кончиком. Кстати говоря режущая поверхность ножей и прочего намного острее стальной, хотя каменные орудия, конечно, несравненно более хрупкие. Тем не менее, каменный топор запросто разрубал даже относительно крупные кости, не говоря уже о любой самой толстой шкуре.

Конан очень старался, но ему явно недоставало умения. Уже под конец, когда работа была почти сделана, одним неловким ударом он уничтожил плоды нескольких часов труда. Проклиная всех известных и неизвестных богов, Конан вновь принялся обтесывать кремень, но гораздо быстрее и увереннее, чем раньше. То, что у него получилось в результате всех его стараний, лишь отчасти напоминало искусные изделия деревенских мастеров, но пользоваться топором можно — и это главное. Конан с сожалением посмотрел на свою дубинку. Пока что ему нечем было прикрепить топор к рукоятке. Придется бить им, держа в руке. Первый удар должен быть смертелен, потому что второй раз нанести его будет трудно: запачканный кровью камень скользит в руках.

Взяв топор, дубинку и осколок кремня, который мог сгодиться в качестве ножа, Конан отправился вниз по реке. Нести все это было неудобно, но он надеялся в скором времени приспособить для этой цели что-нибудь практичное. Выйдя на луг, Конан заметил кролика, который лакомился молодыми листьями одуванчика. Киммерийцу удалось подобраться к нему довольно близко, поскольку его шаги заглушало журчанье воды, но брошенная палка стукнулась о пустую кочку. Кролик ускакал, пока палка еще только летела по воздуху. Зато павлину с голубым хохолком на голове повезло гораздо меньше, его Конан подшиб прямо в воздухе.

Обглодав последнюю косточку, повеселевший киммериец двинулся дальше. Ему непрерывно попадались следы многочисленных животных, особенно много их оказалось в том месте, куда они ходили, по-видимому, на водопой: антилопы, буйволы, волки, медведи, рыси… Конан постарался побыстрее миновать этот опасный участок пути. Зато на опушке леса он обнаружил, что искал, — еще теплые катышки оленьего помета. Внимательно осмотрев все вокруг, Конан определил направление, в котором ушел олень, и побежал за ним, внимательно глядя под ноги, чтобы не сбиться со следа. Он не особенно спешил, потому что знал, что мало-мальски тренированный человек выносливее любого оленя. Разумеется, тот может бежать быстрее, но бежит он рывками, на относительно короткие расстояния, а потом устает и замедляет бег, а то и вообще останавливается, пока охотник опять не спугнет его. В конце концов олень либо в изнеможении упадет, либо решит принять бой, и тогда уже исход схватки решит сила, быстрота, ловкость охотника, ну и, конечно, оружие.

Пока же главным было не сбиться со следа, быть готовым к неприятным сюрпризам и, что важнее — не повредить ноги. Подошвы его ног, безусловно, достаточно огрубели за время работы в карьере, да и раньше ему приходилось немало ходить босиком, однако с бегу по всем этим камням и колдобинам он был еще не вполне готов. Поэтому ему приходилось не только замечать сломанные веточки, примятые травинки, вывернутые камни, но и непрерывно смотреть, суда поставить ногу.

Конан услышал оленя раньше, чем увидел. Должно быть, тот почуял его запах и резко

прибавил ходу. Когда киммериец выскочил на очередную лужайку, он увидел лишь качающиеся впереди на другом се конце ветки кустарника и уловил удаляющийся стук копыт. Судя по глухому тяжелому стуку и по размеру отпечатков копыт, перед ним был матерый самец.

Конан припустил вдогонку и через некоторое время удостоверится в правильности своей догадки: олень и вправду был очень крупным, с большими ветвистыми рогами. Завидев киммерийца, он устремился вверх по склону, прыгая через лежащие на земле стволы деревьев и с шумом продираясь сквозь кусты. На каменистом гребне холма Конан потерял его след. Руководствуясь скорее интуицией, чем какими-либо признаками, киммериец пустился бежать вниз по неглубокой ложбине. Спустя короткое время он услышал справа стук копыт о камень. Конан кинулся на звук, но больше ничего не было слышно, а перед ним оказалась большая каменистая осыпь. Киммерийцу пришлось остановиться, чтобы обследовать ее. Олень куда-то исчез, и следов не найти. Конан спустился по склону и очутился на широкой солнечной поляне. С первого взгляда казалось, что олень через нее не пробегал:,трава нигде не примята и едва заметно колышется под слабым ветерком. Конан призадумался. Олень мог войти в лес на противоположной стороне поляны, обогнув ее каким-нибудь краем, и для того, чтобы найти это место, понадобится время. Олень успеет отдохнуть, и его опять придется долго гнать, покуда он снова не устанет.

Внезапно в лесу застрекотала какая-то птица и перепорхнула с места на место: наверняка ее спугнул олень. Когда Конан опять догнал животное, пот катился с киммерийца градом, пряди черных влажных волос то и дело падали на глаза, грудь ходила ходуном, сердце гулко стучало в груди. Но и олень чувствовал себя не намного лучше. Завидев Конана, он поскакал прочь, но прыжки его были уже не такие легкие, как раньше, и он почти сразу налетел на небольшое деревце, что тоже говорило о его возросшей усталости.

Если откровенно, Конан не был вполне уверен в исходе завершающей схватки. Оленьи рога — грозное оружие, не говоря уже о тяжелых копытах и длинных крепких зубах. Конан ничуть не возражал бы, если бы олень не был таким большим. Или, на худой конец, у него был бы лук и он мог бы ранить его до того, как придется сойтись один на один. Но в прошлом ему удавалось справляться с подобными хоть и бывал он иногда вооружен лишь кинжалом. Так неужели сейчас он не одержит верх, имея дубинку и каменный топор, — когда это столь для него важно?

Олень карабкался на каменистый склон, оскальзываясь и спотыкаясь. Киммериец ощутил мускусный запах — запах страха, охватившего напуганное животное. Он был так близко от оленя, что даже подумал, не попробовать ли дотянуться и ударить его дубинкой по задним ногам, но не сумел подобраться вплотную и даже отстал немного. Олень оказался на вершине раньше его, мгновенно исчезнув из виду.

Конан преодолевал последние футы, от возбуждения он забыл про усталость. Внезапно сверху донесся какой-то хруст, короткий жалобный стон, и нечто огромное — Конану показалось, будто у него под ногами дрогнула земля, — метнулось в сторону. Однако киммериец не успел разглядеть, что именно

Когда он влез наконец на вершину, она была совершенно пуста. Олень словно сквозь землю провалился. Если бы не кровь, оросившая траву, можно было бы подумать, что его здесь вообще не было. Тщательно осмотрев все вокруг, Конан не нашел совершенно никаких следов. И крови больше нигде тоже не было. Уж не унесла ли его какая-то громадная птица? А если неведомый хищник преследовал оленя (а может, и его самого?), то почему он ничего не заметил? И сколько времени это продолжалось?

А вдруг это дело рук человека? Может, кто-то поставил хитрую ловушку и олень в нее угодил? Но нет, какая там ловушка! Ничего похожего рядом не было. Колдовство? Возможно… Конана прошиб холодный пот. Из охотника он превратился в дичь.

Теперь уже от него исходил запах страха. Нельзя допустить, чтобы кто бы то ни было почуял этот запах. Немедленно к реке мыться.

Глава V
ДЕНЬ НАРЕЧЕНИЯ

Тамсин заговорила на четвертый год своего пребывания в деревушке Содграм. Как ни удивительно, случилось это во время одного из бритунийских религиозных праздников, Дня Наречения. Если бы впоследствии дела пошли по-другому, вернувшуюся к Тамсин способность говорить можно было бы счесть благодеянием, оказанным самым почитаемым богом Бритунии Амалиасом несчастной сиротке.

С тех пор как родители Тамсин погибли, прошло уже много времени, и она сильно вытянулась, превратившись в стройного гибкого подростка Она была освобождена от работы в поле, на скотном дворе и в доме, хотя все ребята ее возрасти уже давно были приставлены к делу. Соседи считали, что Арнулф жалеет девочку. В свои двенадцать лет Тамсин ничем не походила на деревенских детей: кожа ее продолжала оставаться белой, руки не были обезображены работой на улице в любую погоду, походка сохранила грациозность. Она носила не грубые деревянные башмаки, а легкие туфли, которые достались ей от мачехи — та редко когда вставала с постели. Еще она отдавала Тамсин свои платья, которые были, конечно велики, но почему-то очень хорошо смотрелись на девочке. Волосы Тамсин из льняных превратившись в темно-рыжие.

Любителям совать нос в чужие дела всегда находилось что сказать о домочадцах Арнулфа.

— Жена-то у Арнулфа и не больна вовсе. Просто ей нравится изображать из себя хворую да попивать настойку из лотоса. А сам он хоть и заслужено прозывается Арнулф Праведник, но ведь дурак дураком, верит ей, а она и рада. Да еще с девчонкой не умеет справиться, боится он ее, что ли? Давно уже пора бы вправить мозги этой бездельнице.

Вскоре, однако, деревенские стали примечать, что если кто дурно говорил о домашних Арнулфа, на него либо нападали чирьи, а то вдруг, ни с того ни с сего, случались колики или еще что в этом роде. И постепенно сплетни утихли.

По всему было видно, что самой Тамсин, кроме платьев мачехи и лент, которыми она подвязывала волосы, ничего не надо. Зато если ей в руки попадалась какая-нибудь побрякушка, она непременно доставалась кукле, которую Тамсин по-прежнему везде таскала с собой. Она плела для нее венки и гирлянды из цветов, на шее у куклы висели бусы из дерева, камня и кости, а иногда и более дорогие украшения из сундучка с приданым ее мачехи. В деревне сначала насмехались над куклой, но печальный опыт быстроо отучил их от этого.

Тамсин, несмотря на свою немоту, была любознательным ребенком. Ее интересовало, как растут и зачем нужны разные растения, привычки диких и домашних животных, она следила, как сменяются времена года, и подолгу глядела в звездное небо. То, что она не говорила ни слова, казалось, еще сильнее обостряло ее наблюдательность. Течение деревенской жизни Тамсин тоже не оставляла своим вниманием. Она часами могла смотреть на то, как работают люди, и всегда слушала их разговоры.

Со временем соседи привыкли к этой ее манере и мирились с ней, главным образом, потому, что в присутствии Тамсин их дети вели себя тише воды ниже травы.

Больше всех помогал Тамсин получить ответы на интересующие ее вопросы старый деревенский знахарь Урм. С первых же дней жизни в Содграме девочку тянуло к нему как магнитом. Она увидела его впервые, когда он пришел навестить больную жену Арнулфа, и с тех пор не проходило и дня, чтобы Тамсин не зашла в его домик под соломенной крышей в конце деревни. Люди не раз видели, как Урм говорит и говорит ей что-то. Вдвоем — или втроем, если считать куклу, с которой не расставалась Тамсин, — они бродили по окрестным лесам и

болотам, собирали какие-то травы, выкапывали корешки, а потом в хижине Урма сушили, растирали, выпаривали — готовили целебные снадобья, и Тамсин была его неизменной помощницей. Разговаривала ли она с ним или молчала, как с другими, 'никто не знал, но Урм почему-то не сомневался, что она его понимает, и учил ее всем премудростям своего ремесла. Старик знахарь был единственным ее другом.

Но злой рок словно преследовал Тамсин: ее учитель сгорел в своей собственной хижине. Никто не знал, где была девочка, когда начался пожар, может, даже вместе с Урмом, но она успела вовремя выскочить, а он не сумел. А может быть, предчувствуя беду, она прибежала к его дому, когда было уже поздно. Один из соседей увидел в окно, как хижина Урма вспыхнула словно свечка. Он выскочил на улицу, а Тамсин уже стояла там, беспомощно глядя на пламя и прижимая к себе куклу лицом.

— Небось сначала высосала из него все, что он знал, а потом, паршивая девчонка, и подожгла сама, — высказала предположение одна старуха, но той же зимой ее принялась трепать лихорадка, и до весны она не дожила. И снов никто не осмеливался вымолвить слово против Тамсин.

Следует отдать девочке должное: после того как огонь угас, именно Тамсин пошла на пепелище (деревенские почему-то робели) и отыскала обгоревшие кости Урма. Она сложила их в сундучок из благородного кедра, и потом его долго можно было видеть в и сарае за домом Арнулфа, куда Тамсин стала приносить собранные ею травы. А еще она разыскала на пепелище ковчежец, который Урм всегда носил на шее, и с те: пор он всегда был на кукле Тамсин — еще одна дань памяти ее учителю и другу

Да, не зря Тамсин проводила столько времени со старым знахарем. Теперь, когда его не стало, она как-то очень естественно заняла его место. Ей не составило труда приготовить мазь и сделать лечебный пластырь для одной из соседок, когда ту замучил кашель. Она даже самая прилепила этот пластырь ей на спину, ловко управляясь одной рукой. Левой она держала свою куклу. А когда куница повадилась таскать кур у одного крестьянина, живущего на краю деревни, у нее нашлось все необходимое для составления ядовитой приманки, и эта приманка сделала свое дело

Лишь одним отличались ее методы от методов старого Урма: к удивлению всех, она никогда не брала платы за лечение сразу, она всегда выжидала какое-то время, пока снадобье не подействует, и лишь тогда являлась за вознаграждением. Ну, а свою мачеху она лечила, конечно, даром. Насобирала по болотам каких-то корешков, и вскоре новая микстура была готова Но что самое поразительное, ей удалось добился того, чего не сумел Урм: она таки вылечила несчастную. И при этом не покупала никаких порошков у проезжих торговцев, так что сэкономила Арнулфу кучу денег, в доме же наконец воцарился мир и покой.

Официальная религия проявляла гибкость по отношению ко всем этим бесчисленным целителям и знахарям, удовлетворяющим нужды темных невежественных крестьян. Разумеется, все они были обязаны признавать главенство величайшего из богов — бога Амалиаса, но в остальном предоставлены сами себе. У жрецов хватало забот и без них: войны, засухи, мор, а кроме того, толкование видений короля Тифаса, когда он излишне увлекался и бражничал днями напролет, после чего ему начинало мерещиться неизвестно что.

Вот почему жрецы лишь в исключительных случаях проявляли интерес к целителям из глухих деревушек, затерянных в лесах и болотах бескрайней Бритунии. И знахари, и их подопечные в общем и целом предпочитали своих местных богов главному богу страны — Амалиасу. Впрочем, некоторые из целителей для вида носили на себе амулеты и талисманы, наподобие тех, которыми пользовались столичные жрецы, а кроме того, использовали его имя в заклинаниях и заговорах. Другие не утруждали себя и этим, благодаря чему, если возникала

нужда, на них всегда можно было свалить любую неприятность и казнить в назидание прочим, для того чтобы отвлечь внимание бритунийцев от какой-нибудь насущной политической или религиозной проблемы. Удобно, когда есть под рукой человек, которого в любой момент можно отправить на костер или повесить.

Представители официальной религии, ее верховные жрецы снисходили до простого люда лишь во время традиционных ежегодных празднеств, одним из которых был День Наречения. В этот день в деревню приезжал жрец, благословлял всех детей, достигших соответствующего возраста, и вносил их имена в церковные регистры, после чего они считались достигшими совершеннолетия и могли впоследствии вступать в брак.

Когда в местности, где находилась деревушка Содграм, было объявлено о приближении Дня Наречения, законопослушный Арнулф внес имена своих детей, а также имя Тамсин в список. Девочка по-прежнему не разговаривала, поэтому трудно было узнать об ее отношении к этому событию, но, судя по всему, она не имела ничего против и была готова подвергнуться обряду Наречения вместе с другими детьми.

Верховного жреца, осуществляющего надзор над Содграмом и еще полусотней таких же убогих деревушек, звали Эпиминофасом. В его жилах текла кровь благородных коринфийских семейств, он имел бледное одутловатое лицо и смазывал волосы оливковым маслом. Эпиминофаас жил в городе Ерваш, столице провинции, и его очень мало волновало, что происходит за городским стенами. По мере того, как доходы его увеличивались, а состояние росло, он все реже и реже оправлялся в утомительные поездки по вверенной ему провинции. Но недавно до него дошел слух, что где-то в глухомани, в одной поднадзорных деревень, объявилась юная целительница, которая настолько молода, что даже еще не подвергалась церемонии Наречения. А кроме того, с интересом услышал Эпиминофас, что она поразительно хороша собой.

Что ж, ситуация самая обычная: либо эта новоявленная знахарка покорится и подтвердит свою приверженность догматам истинной веры, либо нет, тогда Эпаминофасу придется вразумить упрямицу.

И то и другое его вполне устраивало. В первом случае возвеличивалось имя Амалиаса, ну а во втором… что же, Эпиминофас ничуть не против наставить на путь истинный заблудшую красавицу девственницу, даже если на это понадобится много времени. Он, пожалуй, даже чувствовал в себе к этому призвание.

Поэтому почтенный служитель храма Амалиаса и решил самолично присутствовать на церемонии Наречения в этом отдаленном краю своей провинции. Его несли туда в позолоченном паланкине восемь прислужников, здоровых, крепких парней, натренированных не только для помощи при выполнении религиозных обрядов, но и способных защитить своего господина в случае возникновения каких-либо осложнений.

Местом для проведения ритуала был избран Аббас Долмиум, святое место, находящееся примерно на равном расстоянии от прочих деревушек. Но главным здесь было не удобное расположение храма, а именно его святость. Грубо обтесанные массивные глыбы-колонны стояли на обдуваемом всеми ветрами холме. Колонны эти были плотно подогнаны друг к другу и образовывали невысокую круглую башню с тростниковой крышей-шатром. Люди говорили, что этот храм-башня стоит здесь уже тысячу лет, а может, и больше, и появился он еще в те времена, когда о боге Амалиасе еще и слыхом никто не слыхивал. Но жрецы утверждали, что этот храм посвящен именно Амалиасу, и регулярно совершали здесь свои обряды.

Когда верховного жреца доставили к храму, почти все были уже на месте. Некоторые подошли только что, другие, из более отдаленных деревень, явились накануне и провели ночь в самом храме, согреваясь огнем, разведенным в очаге посередине башни. Земляной мол был

выстлан свежей травой, а крыша была починена. Прислужники верховного жреца принялись натягивать у алтаря красивый узорчатый полог, за которым Эпиминофас мог бы облачиться и соответствующее случаю одеяние.

Церемония Наречения проходила гладко. Одного за другим матери и отцы подводили к алтарю своих сыновей и дочерей. Некоторые выходили гордо и смело, другие смущались и робели. Их имена выкликались и, потом один из прислужников брал их за правую руку, верховный жрец ритуальным медным ножом делал на пальце надрез, кровь капала в плоский каменный сосуд, а второй прислужник макал в эту кровь перо и заносил имя ребенка в священные свитки, тем самым закрепляя за ним место в этом мире

Маленькую колдунью Эпиминофас, естественно, оставил напоследок. Он сразу догадался, кто именно из детей она, и по ее необычному виду, и по тому, как на нее смотрели другие. Но вот список, который лежал перед писарем, кончился, вернее, в нем осталось только одно имя. Девочку подвел к алтарю, по-видимому, ее отец. В храме воцарилась такая тишина, что Эпиминофас понял, что здесь нет человека, который бы не знал и не побаивался эту рыжеволосую красавицу. В отличие от других, она не была одета в белую холщовую рубаху до колен, какую принято надевать в День Наречения. Вместо этого на ней красовалось бледно-зеленое платье до пола, которое ей было явно велико. Но это-то еще куда ни шло, но вот то, что она держала в руках самдельную куклу, увешанную разными побрякушками, уже не лезло ни в какие ворота.

В первый момент Эпиминофас собирался указать нахальной девчонке на недопустимость такого поведения, но потом передумал. Если маленький колдунья захотела таким способом выделиться из общей массы, что ж, это вполне объяснимо. щ всяком случае, вид у нее вполне пристойный и, пожалуй, даже торжественный. Ну, а если она начнет выкидывать какие-нибудь фокусы, никогда не поздно поставить ее на место.

— Назови свое имя, дитя, — произнес жрец красивым глубоким голосом.

Последовала продолжительная пауза. Эпиминофас перевел взгляд на испуганное лицо обливающегося холодным потом дуралея, которого прочие дуралеи называли не иначе как Арнулф Праведник.

— Святейший, — сказал наконец крестьянин, — мне придется говорить за мою падчерицу. С того дня, как ее родители были убиты, она не вымолвила ни единого…

— Тамсин, — перебил его твердый чистый голос. — Запишите имя Тамсин.

Это произнесла сама девочка и протянула руку над алтарем. По храму волной пролетел возбужденный шепот. Жрец понял, что произошло что-то невероятное, и в тот же миг догадался: маленькая плутовка все эти годы изображала немую, а теперь взяла да и подарила ему возможность сотворить чудо.

— Тамсин… — жрец сделал внушительную паузу, — клянешься ли ты всегда исполнять волю Всевластного бога Амалиаса? — Он специально задал этот вопрос, чтобы уже ни у кого не осталось и тени сомнения, свидетелем какого события они явились.

— Да, я клянусь всегда исполнять волю Всевластного бога, — не задумываясь, ответила девочка.

И опять по храму прошелестел изумленный шепот. Голос Тамсин звучал отчетливо и звонко, нельзя было усомниться в том, что говорит именно она. Эпаминофас даже почувствовал восхищение перед тем, как ловко она одурачила всех. Он кивнул прислужнику, и тот повернул протянутую руку девочки ладонью вверх. Эпиминофас прикоснулся медным лезвием к пальцу. Он никак не мог потом понять, то ли ему это померещилось, то ли и впрямь капля крови появилась на пальце девочки до того, как он сделал надрез. Могла ли она незаметно спрятать где-нибудь нож? Или она способна заставить свою кровь течь одним лишь усилием воли? Нет,

наверно, его просто отвлек прямой немигающий взгляд этой девицы — и почудилось невесть что.

— Тамсин из деревни Содграм! — провозгласил жрец, и голос его почему-то дрогнул.

Прислужник-писец тут же взялся за свое гусиное перо и красивым почерком занес имя Тамсин на пергамент.

— Амалиас благословляет тебя! — произнес завершающую формулу ритуала Наречения Эпиминофас и почувствовал, что испытывает немалое облегчение оттого, что эта девица с пронзительными зелеными глазами перестанет наконец смотреть на него. Но она не сдвинулась с места.

— Теперь ты можешь идти, дитя. — И он выразительно глянул на ее приемного отца. По всему его виду было понятно, что он и рад бы оказаться отсюда подальше, но не мог себя заставить прикоснуться к девочке и увести ее. Жрец опять перевел глаза на Тамсин:

— Наречение окончено.

— Нет, не окончено, — прозвучал уверенный звонкий голос. — Осталась еще одна ненареченная.

— Еще одна? — с недоумением переспросил жрец. Он бросил вопрошающий взгляд на своего писца, который отрицательно покачал головой.

— Еще одна ненареченная — моя подруга, — заявила Тамсин. — Ее имя тоже должно быть занесено в священные свитки.

Жрец понял, что девочка имеет в виду, когда она протянула вперед свою ужасную куклу в пышном наряде. Она привычным жестом встряхнула ее.

— Нинга, — послышался трескучий голос, слившийся с шорохом сухих семян в тыквенной голове и бренчанием побрякушек, которыми она была увешана. Казалось, говорила сама кукла. — Нареки меня Нинга, Эпиминофас!

Жрецу и раньше приходилось слышать о таких трюках, но просвещенные служители Амалиаса никогда не прибегали ни к чему подобному. То, что изобразила здесь эта девица, — просто кощунственный розыгрыш, святотатство!

— Неблагодарная! — воскликнул Эпиминофас. — Амалиас, величайший из богов, не затем даровал тебе речь, чтобы ты насмехалась в святом храме над его служителем! — Он набрал в грудь побольше воздуха, чтобы полнее развить эту мысль, но Тамсин заговорила вновь своим собственным чистым голоском:

— Лучше давайте поговорим. — Она метнула быстрый взгляд на узорчатый полог, висящий за алтарем. — Наедине. Вы, я и Нинга. — И она пристально посмотрела на жреца.

После краткого размышления Эпиминофас решил согласиться на предложение Тамсин. Какой бы безумной эта девица ни казалась, она не была полностью лишена здравого смысла, так что, может быть, ему удастся-таки с ней договориться. Или же она настолько разоблачит себя, что немедленное суровое наказание окажется логическим завершение ее возмутительной выходки. А кроме того, он мог изобразить, что по-прежнему владеет ситуацией, что было тоже немаловажно.

Эпаминофас в сопровождении четырех прислужников повел девочку за узорчатый полог, другие четверо выстроились перед алтарем, не позволяя никому приблизиться, хотя никто об этом и не помышлял. Несчастный родственник девицы, Арнулф Праведник простерся ниц и в буквальном смысле трясся от страха.

— Вот что я скажу тебе, красавица, — строго проговорил жрец. — Здесь, в этой глухомани, я разрешаю тебе продолжать заниматься врачеванием, но лишь при одном условии: если будешь признавать главенство бога Амалиаса. Можешь ворожить, колдовать, произносить заклинания сама или от имени своей куклы — мне это безразлично. Но только здесь, в округе. Если

вздумаешь сунуться в Ерваш, попытаешься противопоставлять себя жрецам, порочить их или пятнать имя самого Амалиаса, — пеняй на себя. Тогда уж мы будем разговаривать с тобой по-другому. — Эпиминофас уселся на складной стул, помолчал и продолжил доверительным тоном: — От тебя требуется только официальное признание того, что ты придерживаешься той же веры, что и мы. Веди себя подобающим образом, соблюдай приличия, большего никто от тебя и не требует. А твоя идея внести имя твоей куклы в наши священные свитки не просто нелепа, она кощунственна. Подумай как следует — и ты сама откажешься от этой блажи.

Тамсин посмотрела на жреца с наивным удивлением

— Твоя речь — это речь человека, который ни во что не верит… Который не верит не только в только в собственного бога, но и во все божественные очертания, запечатленные в кругах поднебесного мира.

Эпаминофас был поражен гладкостью речи, да и самим выбором слов неграмотной деревенской девочки. Которая еще к тому же столько лет изображала из себя немую. Он рассмеялся, хотя ему почему-то стало неловко.

— Постой, дитя, не будешь ведь ты уверять меня, что сама веришь во все это твое так называемое колдовство? — Он посмотрел на Тамсин и покачал головой: — Кого ты пытаешься обмануть? Да я же тебе в отцы гожусь и, поверь, повидал на своем веку немало таких, как ты. Одумайся, дитя, смирись. От этого ты только выиграешь.

Он протянул унизанную кольцами руку, желая потрепать по плечу эту странную девочку-колдунью, но тут же отшатнулся как ужаленный: Тамсин сунула куклу ему прямо в лицо.

— Так, значит, ты считаешь, что наше волшебство такое же фальшивое, как и твое? — раздался трескучий голос. — Что ж, давай проверим!

* * *

Когда Тамсин со жрецом скрылись за узорчатым пологом, Арнулф, простершись перед алтарем, принялся молить Амалиаса о пощаде. Он боялся его гнева, боялся позора и сурового наказания, которое могло навлечь на всех них дерзкое поведение Тамсин. Но больше всего он боялся саму Тамсин. Арнулф тешил себя надеждой, что верховный жрец приструнит и обуздает своевольную девицу, которая забрала уже власть не только над его семьей, но и над всей деревней.

Тюмени совсем недолго пробыла за пологом, как вдруг в храме и вокруг него наступила какая-то странная тишина. Смолкло веселое щебетание птиц, скачущих по соломенной крыше, даже ветер улегся. Ожидающие выхода жреца и Тамсин селяне со своими детьми тоже притихли и стали с недоумением оглядываться по сторонам. И тогда ЭТО началось. Земля под ногами вздрогнула, а потом стала раскачиваться, сперва едва заметно, потом все сильнее. Массивные глыбы-колонны, из которых были составлены стены башни, принялись с ужасающим скрежетом тереться друг о друга. Селяне в ужасе замерли. Они и рады были бы убежать, но для этого им пришлось бы миновать узкий дверной проем, который на их глазах то и дело перекашивало. Уж лучше пусть им на головы свалится соломенная крыша да несколько жердин. Вот почему все, включая Арнулфа и даже четырех прислужников, сгрудились в центре храма.

Прошло немного времени, и раскачивание стало уменьшаться, скрежет трущихся глыб прекратился, и снова все сделалось как раньше. И тогда из-за узорчатого полога появились шестеро и разошлись по своим местам: жрец с прислужниками остановились у алтаря, Тамсин — в почтительной позе перед каменным сосудом, усеянным каплями засыхающей крови. Арнулф поспешил встать рядом с падчерицей и когда приблизился к ней, то увидел, что она

повелительным жестом протягивает вперед куклу.

— Нинга, — продребезжал все тот же неживой голос, и верховный жрец послушно повторил:

— Нинга.

Писец обмакнул перо в капельку крови, капнувшей из крохотного кулачка, и Арнулф заметил, что кровь эта черна как ночь. А еще он, да и не он один, заметил, что, когда Тамсин величественно повернулась к ним, на шее ее куклы блестело новое украшение — маленькие медные ножны, в которых хранлся священный ритуальный ножичек — обязательная принадлежность верховных жрецов Амалиаса.

* * *

После Дня Наречения слава Тамсин начала расти не по дням, а по часам. Благословение жрецов, распространившееся и на куклу, укрепило ее позиции. Тамсин приглашали теперь иногда даже далеко от дома. Она излечивала, ворожила, заговаривала и все равно уже не успевала помочь всем, кому нужна была ее помощь. Тогда она обучила своих названых братьев и сестер кое-каким простейшим приемам. Арлю, старшему из детей, больше всего пришлось по душе лечить домашний скот, а самая младшая, Гурда, умела готовить восхитительный сыр.

Однажды за Тамсин явился гонец из Фаландера: старейшины города просили ее приехать к ним и вернуть воду в иссохший источник, а если это невозможно, найти новый. Все знали, что Тамсин еще никогда такого не делала, но никто не сомневался, что она может все. И вот Тамсин на ослике, которого вел в поводу посланный, с куклой в руках отправилась в далекое путешествие на юг. На ночлег они останавливались в лучших постоялых дворах, и молодая колдунья не упускала случая сотворить между делом какое-нибудь чудо. Молва о ней разносилась во все стороны, а зачастую и опережала ее появление.

Случилось так, что город Фаландер был самым крупным из всех виденных ею до сих пор. На севере, где она жила, городов, в сущности, и не было, только небольшие поселения. Фаландер стоял на холме, и, хоть и не являлся городом-крепостью, его окружали стены, ограждающие имения знатных граждан города. Там даже имелась каменная арка, а за аркой, у подножия холма, теснились жилища простого люда.

Когда-то обильный, источник в последнее время давал все меньше и меньше воды, да и вкус у нее сделался горьковато-соленый. Состоятельные фаландерцы просто не знали, что делать. По всему выходило, что им придется оставить свои роскошные дома и землю, где они родились, и переехать в какой-нибудь из соседних городов. Те, кто победнее, были, конечно, легче на подъем, но и им не хотелось покидать родные места.

— Чего мы только не испробовали: до хрипоты читали заклинание, составленное специально для нас жрецами из Ерваша, — рассказывал Тамсин седоволосый глава старейшин города, встретившись с ней в таверне. — Наш местный жрец чуть ли не каждый день совершал обряды очищения источника, к нам приезжали жрецы из самой Саргоссы. — Он покачал головой, и золотой диск, знак его верховной власти в городе, негромко звякнул. — Все они твердят, что эта напасть со временем пройдет. Что, скорее всего, это наказание за наши великие грехи, и потому мы должны жертвовать храмам Амалиаса гораздо больше, чем мы делали это раньше. Мне кажется, они сделать ничего не могут, а только вымогают у нас деньги. — Он вздохнул и посмотрел на двух членов совета старейшин, присутствующих Ври разговоре.

— Что верно — то верно, — хмыкнул лысый городской казначей. — Им лишь бы выкачать из нас побольше, а толку от них все равно никакого.

— А вот о тебе, Тамсин, мы слышали лишь хорошее, — вступил в разговор дородный судья. — Все говорят, что ты умеешь делать то, что не под силу жрецам. Да одним твоим прелестным пальчиком ты способна сотворить чудес больше, чем все эти жрецы, вместе взятые.

— Истинно так, — елейно улыбаясь, закивал глава старейшин. — Вот поэтому, юная госпожа, если ты… я имею в виду, ты вместе со своей высокочтимой куклой, — поправился он на всякий случай, вспомнив дошедшие до них слухи, — могла бы вернуть в источник воду, мы бы щедро оплатили твой труд. Возврати нашему городу воду, сделай так, чтобы она текла круглый год напролет. А если старый источник иссяк, найди нам новый, мы готовы заплатить тебе и за это…

— Довольно! — перебила его Тамсин молодым звонким голосом. — Вы жалуетесь на жрецов, которые выманивают у вас деньги, не давая ничего взамен. Я же сначала делаю работу, а потом только прошу платы. Вы приготовили то, что мне потребуется?

Отцы города ничуть не возражали прекратить разговор о деньгах. В дверях появился посланник.

— Вот, юная госпожа, в точности как ты просила — только что срезанная ветка с хорошей здоровой рябины.

Лоза, которую принесли Тамсин, была тонкой, какой пользовались все лозоходцы: зеленый прут с развилкой, все три конца косо срезаны острым ножом. Молодая колдунья сунула куклу под мышку и, перекрестив руки, крепко взялась за два конца, образующие угол, направив острие третьего прямо перед собой.

— Идемте, — сказала Тамсин и решительно вышла из таверны.

Она направилась вниз по главной улице. Следующие за ней по пятам горожане не могли понять, ведет ли ее волшебная лоза, или она просто хочет подойти к городскому источнику. На дне каменного водоема, снабжавшего когда-то водой весь город, осталось лишь несколько лужиц, издающих резкий неприятный запах тухлых яиц.

— Этот источник проклят, — уверенно заявила Тамсин. — Его спасти уже невозможно.

Она повернулась и, по-прежнему держа перед собой лозу, пошла дальше, но теперь уже медленно, прислушиваясь к чему-то. Путь ее лежал вниз по мощенной булыжником улице, под аркой и затем по пыльной ухабистой дороге под холмом. За ней следовали старейшины и горожане. Дети весело скакали по обочине, радуясь развлечению.

Она спустилась с холма, как странно, — заметил одни лавочник. — Другие-то всегда поднимались наверх.

Не говоря ни слова, Тамсин продолжала идти, влекомая непонятной силой. Оказавшись среди бедных домишек, она оставила дорогу и шла теперь напрямик через небольшие садики и огороды, мимо сараев, курятников, сеновалов и навесов, где дубили кожи.

В очередной раз перепрыгнув через канаву, Тамсин остановилась среди пыльных рытвин, в которых валялись свиньи, и знаком попросила тишины. По приказу старейшины свиней отогнали в сторону и освободили для Тамсин пространство. В сосредоточенном молчании она принялась описывать по площадке все сужающиеся и сужающиеся круги, пока наконец не замерла около угла небольшого каменного дома. Лоза в ее руках согнулась, указывая в землю, с такой силой, что, казалось, вот-вот сломается.

— Здесь, здесь копайте! — послышались возгласы.

Те, кто захватил с собой лопаты и мотыги, тут же принялись долбить землю. Это оказалось длинной историей. Спекшаяся от зноя почва была тверда как камень. Люди обливались потом под полуденным солнцем, работая парами и часто сметы друг друга. Старейшины Фаландера терпеливо и невозмутимо наблюдали за происходящим, словно им приходилось видеть такое каждый день. Хозяин дома, напротив, был весь в волнении.

— Пожалуйста, поаккуратнее! — уже в который раз выкрикнул он. — Вы копаете прямо под мой дом! Нельзя ли немного левее?

— Тут корни! — сообщил один из землекопов, когда яма была уже в человеческий рост, и принялся обрубать их, потому что иначе копать стало невозможно.

— Наверно, они протянулись вон от той живой изгороди, — предположил другой, ткнув пальцем в сторону запыленных кустиков, и поднял со дна ямы обрубленный корень. — Смотрите-ка, какой он толстый и… и влажный!

— Появился гравий и мокрый песок! Нет, вода! Потекла вода, вы видите?!

Землекоп со счастливым смехом подбросил пригоршню воды в воздух. Началось всеобщее ликование, все лезли поближе, чтобы лично увидеть, как яма заполняется водой.

— Отличная вода в моем колодце! — воскликнул сияющий владелец дома. — А как ее много! Ее хватит на всех, и плату за нее я установлю чисто символическую. — Он просто не помнил себя от радости.

— Колдунье Тамсин удалось то, чего не сумели другие. Сразу видно, что Амалиас благоволит к ней, — сказал один из горожан.

— Да, она замечательная колдунья, — поддержал его другой. — Как она посрамила всех этих жрецов!

— Блистательная Тамсин! Позволь нам выразить бесконечную благодарность тебе и твоей достоуважаемой кукле! — провозгласил глава старейшин, простирая руки к Тамсин, но не рискуя прикоснуться к краю ее светло-голубого платья. — Могу ищи mi) тебя оказать мне честь и принять приглашение оглохнуть от твоих великих трудов в моем доме — тебя и твою достоуважаемую куклу. Я буду счастлив служить вам! А когда ты отдохнешь, то через день- два, после того как мы все убедимся, что новый источник продолжает давать воду, мы щедро ним тебе золотом и зерном… — Он бросил быстрый взгляд на казначея. — Насколько я помню, мы постановили заплатить тебе, э-э, пятьдесят золотых монет и тысячу бушелей зерна. — Он замолчал, предчувствуя, что сейчас нанется торг.

— Нет, старейшина, — возразила Тамсин, — мы не согласны. Твое золото и зерно нам не нужны.

— Вот как? — протянул тот и опять взглянул на казначея. — Ты не хочешь брать зерно, я это понимаю. Но, видишь ли, мы не так уж богаты и хотели попросить тебя согласиться на оплату натурой.

— Нас это устраивает, — заявила Тамсин. — Мы с Нингой тоже предпочитаем оплату натурой. — Она как-то совсем по-девчоночьи хихикнула. — Да, в некотором смысле это можно, пожалуй, назвать и так.

— Согласна со мной, Нинга? — Она сделала паузу, словно дожидаясь ответа, а потом продолжила: — За то, что мы нашли для НС новый источник, мы просим только одного — почитания.

— Почитания? — подозрительно переспросил старый интриган. — Какого такого почитания? Что ты имеешь в виду?

— За то, что мы нашли для вас новый источник, — невозмутимо повторила Тамсин, — пока из него будет течь вода, вы должны отказаться от старого бога Амалиаса и всем городом заявить, что отныне будете поклоняться новому божеству, которое возьмет вас под свое покровительство.

— Я не понял, — промямлил потрясенный глава старейшин. — Что ты нам предлагаешь? Кому мы должны теперь поклоняться? Тебе?!'

— Нет, не мне. — Тамсин подняла куклу над головой. — Божественная Нинга станет покровительницей Фаландера, а вы поклянетесь почитать ее как единственно истинную богиню.

— Кукла — покровительница Фаландера? Ты говоришь о кукле? — не веря своим ушам,

заикаясь, вымолвил глава старейшин. Вокруг него зашумели горожане, невольные свидетели их разговора. — Нет, не может быть! Ты, должно быть, шутишь.

— А что тут такого странного? — рассудительно спросила Тамсин. — Амалиас со своими жрецами ничего для вас не сделали, а я, призвав на помощь Нингу, помогла. Зачем же вам продолжать поклоняться бессильному и никчемному старому богу?

— Но ведь Амалиас все равно остается главным богом Бритунии, — нервно отозвался глава старейшин. — Бесчисленное множество жрецов служит ему, а что еще важнее, они всегда действуют в союзе с королем Тифасом. А кто ж не знает, как суров и быстр на расправу бывает король и какая у него мощная армия.

— Послушай старого человека, дитя мое, — вступил в разговор городской судья. — Даже если старый бог Амалиас потерял свою былую силу и не может поразить нас молнией с небес, неразумно портить отношения с наместниками бога на земле.

— Да-да, — поддержал его казначей, — очень неразумно. Чего доброго, еще объявят нас вероотступниками и зададут жару, чтоб другим неповадно было. Нужны нам эти неприятности!

— А как же источник, который отыскали для вас мы с Нингой? — Тамсин указала рукой на яму, вода которой уже давно перелилась через край и веселыми ручейками растекалась во все стороны. — Разве он не избавляет вас от кучи неприятностей?

— Тамсин, ты ведь не можешь… не станешь отбирать его у нас? — взволновался глава старейшин. — Давай поговорим разумно. Я вижу, твоя кукла Нинга — я не ошибся, ее зовут Нинга? — любит красивые вещи. Давай я подарю ей свой золотой диск — символ верховной власти в городе — в знак уважения к ее высоким достоинствам. — Он снял с шеи ленту, укоротил, сделав посередине узел, и надел диск на куклу. — Теперь Нинга поймет, что хоть мы и не можем поклоняться ей как богине, но любим и почитаем ее. Ты довольна, Тамсин? Я угодил тебе?

Не поблагодарив его за подарок, Тамсин резко повериулась к судье:

— А ты что скажешь? Тебе источник нравится?

— О да, разумеется, безусловно, — смешавшись от неожиданного вопроса, ответил судья. — Мы все искренне благодарны вам с Нингой.

— А тебе, казначей?

— Мне? А-а, ну да, нравится, конечно. Вода чистая, и ее много… пока. Вот если бы еще она вытекала откуда-нибудь с холма, тогда совсем было бы замечательно: мы могли бы провести ее прямо и наши дома. А так придется отряжать целую армию слуг, чтобы они носили воду наверх. Да еще как представишь, сколько сосудов они перебьют… Сплошные убытки. — Он посмотрел вокруг и поморщился. — Даже не знаю, как нам удастся сохранить источник в чистоте. Вон, поглядите, в нем свиньи купаются. Но я понимаю, что и самая лучшая колдунья может не все на свете… — Вдруг он заметил выражение лица Тамсин и ощутил неловкость. — Нет, я не жалуюсь, источник прекрасный, лучше и быть не может. И я совсем не имел в виду, что сомневаюсь в могуществе Нинги. Я очень ей благодарен за источник. — Казначей окончательно запутался.

Тамсин оглядела трех старейшин, горожан, продолжающих стоять вокруг…

— Сколько же вам надо колодцев? — проговорила она и вытащила из-за пояса лозу. Однако на этот раз она выставила перед собой куклу и держала лозу не своими руками, а руками куклы. Всем показалось, что какая-то сила властно потянула Тамсин за собой, так быстро и целеустремленно двинулась она в сторону холма. Горожане во главе со старейшинами заторопились за ней.

Тамсин шла обратно все той же неровной пыльной дорогой мимо убогих домишек простолюдинов, миновала арку и оказалась на мощеной главной улице, не задерживаясь,

оставила позади старый иссохший источник, все выше и выше поднимаясь на холм. По обеим сторонам улицы высились стены имений городской знати; толпа, следующая за Тамсин, делалась все больше. Старейшины не переставали шепотом спорить и никак не могли договориться, как им поступить. То ли пойти на то, чтобы признать Нингу полубогиней и согласиться поклоняться ей наряду с Амалиасом, то ли попытаться откупиться от опасной колдуньи еще каким-нибудь способом. Но это, разумеется, лишь в том случае, если Тамсин найдет им еще один источник.

А Тамсин все так же быстро шла дальше. Уже кончилась мостовая из булыжника (нужды в нем больше не было, настолько камениста была здесь земля), и до вершины холма оставалось совсем немного. Наконец Тамсин очутилась на круглой площадке — дальше дороги не было. Перед ней возвышался базальтовый утес, справа стоял большой красивый дом главы старейшин, слева — не менее красивый дом судьи, за спиной был город, а вокруг него голая, выжженная солнцем равнина. Так же как и в первый раз, Тамсин начала описывать круги, влекомая неведомой силой. Куклу она по-прежнему держала перед собой. Богатые горожане подмигивали друг другу и потирали руки в радостном предвкушении.

Вскоре волшебная лоза уперлась в основание наполовину вросшего в землю громадного валуна на краю площадки. Наклонившись, Тамсин поковыряла острым кончиком лозы каменистую почву, потом выпрямилась и топнула ногой. Тут же к ней подскочил селянин с киркой, желая поскорее начать копать. Он высоко поднял кирку, с силой опустил и крикнул от неожиданности: валун треснул от одного удара. Люди сгрудились вокруг, пытаясь разглядеть, что же все-таки произошло, но тут же отшатнулись. Из тонкой трещины слышалось шипение, оттуда струей вырывался пепел и гнусно пахнущий дым.

Шипение становилось все громче, затем внутри будто что-то разорвалось — и валун раскололся на части. Из зияющей трещины с невероятной силой выбросило пар. Босоногие дети принялись подрыгивать и плакать, так горяча стала земля у них под ногами, которая к тому же начала еще подрагивать. Трещина еще больше расширилась. Из нее летели камни.

— Что это? — в ужасе кричали отступающие все дальше и дальше горожане. — Как могло такое случиться? Это не источник с водой, это огненный зев! Это сам ад разверз свои уста! Тамсин, колдунья Тамсин! Сделай же хоть что-нибудь! Мы не хотели тебя ничем обидеть!

Но Тамсин отвернулась от них и пошла прочь со своей куклой. Волшебная лоза, которую она бросила на землю рядом с валуном, вспыхнула от жара и мгновенно сгорела. Спускаясь с холма, Тамсин ни разу не обернулась, даже когда за ее спиной подземный гул сменился ужасающими взрывами, заглушившими крики несчастных, которые уже не успевали спастись. С вершины холма ввысь рвался столб огня и дыма. Черный пепел покрывал все вокруг толстым слоем. Город горел.

Позже немногие из уцелевших жителей Фаландера рассказывали, что ничего не осталось от их красивого города на холме, и только огнедышащее жерло день за днем продолжает сыпать на землю черный пепел.

Глава VI
ОХОТНИК НА ХОЛМАХ

Газель вскинула изящную головку с длинными изогнутыми рожками. Над росистым лугом порхали бабочки, в кустах щебетали птицы, все было спокойно. Газель вновь принялась щипать мягкую траву.

Неожиданно одна из кочек изменила форму. Бронзовый от загара человек, с большими ажурными листьями папоротника на голове, бесшумно и быстро скользнул вперед. Ему удалось подобраться совсем близко к ничего не подозревающей газели.

Что-то все же ее встревожило. Скорее всего, это был отблеск луча солнца, отразившийся от грубо обработанной плоскости копейного жала. Пугливое животное сделало один прыжок, другой, но охотник оказался проворнее. Брошенное сильной рукой копье прервало стремительный бег газели. Она рухнула на спину и забила ногами, пытаясь подняться, но человек преодолел разделяющее их расстояние в несколько прыжков и прекратил ее мучения двумя мощными ударами каменного топора.

Зорко оглядевшись по сторонам, Конан нагнулся, выдернул копье и осмотрел наконечник. К счастью, тот не пострадал. Отложив в сторону копье и топор — позже он смоет с них кровь в ближайшем ручье, — Конан достал из-за пояса из кроличьих шкурок длинный, острый как бритва осколок обсидиана, которым он разделывал дичь, сделал аккуратный надрез и вывалил внутренности газели на траву. Не заботясь о том, чтобы хотя бы забросать их травой, он взвалил на плечо свою добычу и отправился к реке. Не стоит понапрасну рисковать и слишком долго оставаться на открытом пространстве. Конан не забыл, как несколько дней назад какое-то неизвестное существо похитило у него оленя прямо из- под носа.

Вообще-то тот олень был для него слишком велик. Вряд ли он смог бы даже поднять его целиком — с такими громадными ветвистыми рогами. Да и мяса было бы чересчур много. То ли дело небольшая газель, которую удобно нести на плечах. Из ее шкуры он сделает себе более приличную одежду, чем та, что на нем сейчас, найдет применение рожкам, костям и сухожилиям, не говоря уж о том, что вволю попирует. В свое укрытие Конан возвращался другой дорогой, чтобы не столкнуться ненароком с возможными преследователями.

Его лагерь был удобно расположен и относительно холошо защищен. Он находился на небольшом островке, на который в это время года, когда вода стояла невысоко, можно было легко перебраться через узкую протоку. Вода в ней была как раз по грудь Конану. Верхняя оконечность покрытого лесом острова была заметно выше остальных его частей, здесь вздымались скалы, которые Конан еще только собирался исследовать. Возможно, именно там он со временем и обоснуется. Ну а пока прибежищем ему служила неглубокая расщелина на самой опушке, пронизанной лучами яркого солнца, откуда он мог наблюдать за всей округой.

Конан вылез на берег, перекинул тушу газели через нижнюю ветку дуба и направился к скале, где у него хранился трут и щепки для растопки. Он положил на землю длинный плоский кусок дерева с небольшой выемкой на одном конце и натрусил вокруг нее немного сухого мха. Взял заостренную ошкуренную палочку толщиной в палец и специальный лук для разжигания костра. Тетива была сделана из двух скрученных узких полосок сыромятной кожи. Дважды обернув тетиву лука вокруг палочки, Конан вставил острие в лунку, где был мох, а верхний конец палочки прижал камнем с углублением посередине, чтобы острие не выскакивало и плотнее вжималось в лунку. Придерживая ногой плоский кусок дерева, Конан принялся двигать луком вправо-влево. От его быстрых ловких движений — он уже достаточно натренировался за

последние дни — палочка завертелась, и вскоре из-под ее острия выбился сизый дымок, а появившиеся вокруг острия коричневые опилки чернели на глазах. Когда дымок побелел и стал плотнее, Конан отложил в сторону лук и палочку, придвинул ближе мох и очень-очень осторожно начал дуть на едва заметные в свете солнечного дня язычки пламени, подкармливая его время от времени тонкими сухими веточками и щепками. Когда огонь разгорелся, он сунул в него заранее приготовленные толстые сучья н пошел к дубу, чтобы заняться своей добычей

Конан тщательно скреб шкуру острым осколком вулканического стекла. Его нелегко было удерживать в руках, запачканных кровью, но он тщательно выскоблил дюйм за дюймом всю поверхность шкуры и отложил ее в сторону. Теперь он занялся разделкой туши. Используя осколки различной формы, он отделил мясо от костей. Одну из задних ног Конан целиком повесил над огнем, проткнув ее вдоль тонкой палкой, и время от времени поворачивал, чтобы мясо запекалось равномерно и не горело. Впрочем, пламени как такового уже не было, лишь над грудой сияющих жаром углей метались голубоватые огоньки.

Остальное мясо он нарезал узкими полосами. Часть разложил на горячих камнях рядом с костром, часть — на плоских валунах под лучами жаркого солнца. Это вяленое мясо он будет есть когда дичи станет меньше. Или сможет совершить далекие путешествия, осматривая окрестности, и ему не придется тратить время на добывание пищи.

Конана поражало и радовало изобилие этой благодатной земли. Невероятное количество самой разнообразной дичи, буйная растительность — не то по родных горах далеко на севере, где природа была не в пример скупее этой. Человек мог бы жить здесь легко и привольно, но именно в этом и таилась опасность. Слишком уж хорошо было в нетронутых цивилизацией долинах, чтобы можно было надеяться, что люди оставят их в покое. Другая опасность исходила от хищников, которые чувствовали себя тут более чем вольготно. И еще то неизвестное, что так напугало его тогда, когда он охотился на оленя. Да, надо обязательно обследовать все вокруг, чтобы быть готовым к любым неожиданностям.

А еще невозможно догадаться, какая в этой местности зима, ведь он по-прежнему не имеет ни малейшего представления, где находится. Сейчас здесь много дичи, но киммерийцу приходилось видеть, как в преддверии зимы дикие животные уходят на юг почти в одночасье. И непонятно, что лучше: то ли заготовить побольше еды, выстроить надежное убежище и переждать зиму здесь, то ли уйти вслед за дичью. Этот вопрос предстоит решить.

Но в одном Конан был твердо уверен уже сейчас: ему совершенно не хочется возвращаться к суете большого мира. Хватит с него человеческой алчности, черствости и жестокости. В конце концов, он был рожден варваром и рос как варвар, и все, чему раньше научился, поможет ему выжить. Он никогда и нигде не изменял принципам, внушенным ему с детства, в какое бы противоречие они ни впадали с законами тех стран, где он успел побывать. Так зачем ему возвращаться? Он прекрасно обойдется без всех этих так называемых благ цивилизации. Что до него, то он век бы не ходил по грязным мостовым зловонных городов.

Мясо на вертеле покрылось золотистой корочкой, оставаясь внутри мягким и сочным. Когда Конан обглодал все кости дочиста, он съел испекшиеся в золе коренья, а завершил трапезу несколькими глотками воды из самодельного сосуда, который он сплел три дня назад из ивовых прутьев, обмазал глиной и обжег на костре.

Напившись, Конан поставил горшок на угли и соскреб в оставшуюся там воду спинной и головной мозг газели, потом бросил туда же сухожилия — ими он будет потом сшивать шкуры. Кости и череп он разложил сушиться рядом с костром. После этого он взял выскобленную шкуру и палку, которой он приспособился копать, и отправился к реке.

Шкура газели была еще слишком свежей, и пока с ней ничего больше делать было нельзя, поэтому Конан собирался закопать ее на несколько дней в мокрый глинистый песок, а пока

следовало заняться шкурой косули, которая уже достаточно там полежала. Он выкопал ее и сморщился от неприятного запаха: внешняя ворсистая сторона уже частично разложилась и начала отставать от внутреннего слоя, более крепкой кожи. Конан положил в ямку шкуру газели и зарыл ее.

Расстелив вытащенную из песка шкуру на гладком сосновом чурбаке, с которого облезла кора, он взял высохшее ребро и, как ножом, принялся соскребать короткую шерсть и отстающую кожу. Это заняло у него много времени, и, когда он закончил, день уже начал клониться к вечеру. Конан скинул в воду клочья шерсти и прочие ошметки и вернулся к костру с мягкой шкурой косули в руках.

В глиняном горшке уже давно нагрелась вода, в которую он до того бросил мозг и сухожилия газели. Теперь Конан, сняв горшок с остывающих углей, запихал туда и только что вычищенную им шкуру косули. За ночь шкура отбелится в крепком бульоне и будет пригодна для дальнейшей обработки. Утром он разомнет ее и натянет, чтобы сохла. А позднее провялит над огнем из ивовых веток, тогда она станет еще крепче и приобретет приятный коричневый оттенок.

Из выделанных таким образом шкур Конан сможет сшить штаны и куртку, а еще обувь. Добротная одежда защитит от ночного холода, укусов насекомых и острых камней. Но что гораздо важнее, у него появятся крепкие ремни, и он сделает себе более надежный топор и еще одно копье про запас. Еще он смастерит ловушки и западни для зверей, силки для птиц…

С каждым днем он будет жить все лучше и лучше, у него появятся запасы продовольствия, ему не придется каждый день заботиться о пропитании. Все это замечательно, за исключением одного "но": либо ему придется таскать постоянно на себе все добро, либо он должен найти место, где оно было бы в сохранности на время его отсутствия. Да, пожалуй, прежде всего надо заняться поисками надежного убежища и для себя, и для своих припасов.

После того как он съел на обед целую ногу газели, ужинать ему не хотелось, поэтому Конан ограничился тем, что сгрыз пригоршню лесных орехов и несколько маленьких диких яблочек. То и другое он собрал накануне в сплетенную им корзинку. Поев, он завернул в широкие листья полувысохшее мясо, которое лежало у него весь день на горячих камнях у костра, и закопал в сухой песок, придавив сверху плоскими глыбами. Солнце уже садилось, и Конан занялся изготовлением шила. Он расколол одну из костей, а потом принялся обтачивать и шлифовать самый подходящий обломок. Когда шило приняло удовлетворившую его форму, Конан улегся спать, Было уже совсем темно.

Свою постель киммериец устроил под нависшей скалой, с тем чтобы жар от костра отражался от нее вниз и дополнительно согревал его ночью. Еще у него было одеяло из кроличьих шкурок, которое с каждым днем становилось все длиннее. Костер горел до утра, давая тепло и охраняя его от хищников, и Конан время от времени просыпался, чтобы подбросить в него заранее приготовленные дрова.

Именно ночью посещали его тревожные смутные мысли. Лежа совсем один в тишине перед огнем и не видя за ним ничего в кромешной мгле, он начинал иногда сомневаться в реальности того, что с ним происходило. Эта бескрайняя дикая природа, окружающая его со всех сторон, — действительно ли она существовала в том же мире, откуда он явился? Действительно ли ее можно отыскать на карте Бритунии или какой-нибудь другой из хайборийских стран?

Или, бросившись в воды подземной реки, он покинул реальный мир, мир людей, мир тяжелого труда, корысти и насилия, и оказался вне времени и вне земных границ? Может, он находится в загробном мире? Может, он уже умер и пребывает в раю, небесном или подземном, куда там отправляет подопечных суровый северный бог его отцов Кром? Не должен ли он теперь расплачиваться за грехи и искупать свои земные грехи в этом, как как бы его правильно назвать,

своего рода чистилище? А что, если эта жизнь (или иллюзия жизни) растянется до беспредельности, превратится в вечность? Как долго сумеет он выносить ее, не сходя с ума?

Кое-кого подобные размышления и впрямь могли бы довести до безумия, но Конан старался не давать им воли и если уж думал о чем-нибудь, то о приятных и хорошо ему известных вещах, например о замечательном аквилонском эле или о сговорчивых красавицах танцовщицах из знойной Заморы.

Под утро Конан все-таки замерз Он быстренько вскочил и разжег почти угасшее пламя, потом отправился на перекат проверить нехитрую ловушку дли рыбы — вбитые в дно колья, образующие конусообразный загон. В ловушке плескалась средних размеров форель, она была слишком велика, чтобы протиснуться сквозь колья, и слишком молода, чтобы перескочить через них. Такой форели, под жаренной на костре, будет ему вполне достаточно на завтрак. Она стоит двух форелей, съеденных и сыром виде.

Сегодняшнее утро Конан решил посвятить поискам надежного убежища и исследовать свой остров. Несколько дней назад он всего лишь наскоро оглядел его с ближайшей скалы и знал только, что верхняя оконечность острова представляет собой высоченный куполовидный утес, обрывающийся прямо в реку. Его теперешний лагерь был удобен: близко от воды и от леса и в то же время выше того уровня, где ночами клубится стылый туман. Однако у этого места имелся серьезнейший недостаток: оно было слишком уж доступно для всех и вся, и оставаться на нем дольше — означало просто испытывать судьбу.

Конан обвязался поясом из кроличьих шкурок, взял нож, топор и дротик (от избытка оружия еще пока никто не пострадал, а вот от недостатка — частенько) и был готов отправиться в путь. Он легко прыгал вверх с камня на камень — вот это ему очень нравилось в своем острове: можно неделями ходить по одним и тем же местам и не возникнет никаких следов, на камне их не остается. И дым от костра мгновенно рассеивается на ветру, не то что в какой-нибудь тихой долине. Там он столбом поднимается к небу и стоит так часами. Конан все еще не заметил никаких признаков человеческого присутствия, но хотел узнать о нем раньше, чем будет обнаружен сам.

На полдороге к вершине утеса Конан обнаружил расселину, более или менее подходящую для жилья Она вся заросла густым кустарником, но его можно было бы частично срубить, освободив себе достаточное пространство, и отсюда открывался прекрасный вид на окрестности. Можно было бы соорудить на подходах разного рода западни для непрошеных гостей. Ловушки если даже и не остановят пришлецов, то, во всяком случае, дадут время подготовиться к встрече. Но нет, и эта расселина находится слишком уж на виду.

Конан поднялся уже почти до самого верха, так и не отыскав того, что ему требовалось. Ведь его остров, в сущности, очень мал, в ширину всего сотни полторы шагов, трудно надеяться найти здесь идеальное место… Видно, придется все-таки перебираться отсюда, и поскорее, пока он еще не оброс имуществом. Конан совсем уж было собрался повернуть обратно, как вдруг заметил узкий уступ, поросший кустами, который тянулся вдоль обрыва кпд рекой. Это было уже интересно: сверху и снизу к нему не подберешься, остается только одна узкая кромка. Впрочем, не такая уж и узкая, как обнаружил Конан, спустившись на нее. Справа от него нависала гладкая темная стена, покрытая пятнам и серовато-белесых лишайников, слева по краю обрыва густо росли кусты, уступ был приблизительно шести-восьми футов шириной и плавно уходил под уклон. Конан двинулся по нему, перепрыгивая через острые обломки породы. Уклон становился круче, а скала все больше нависала над головой. Потом уклон выровнялся, под ногами полнился песок. Просто отличное укрытие, лучше не придумаешь, особенно вон там, дальше, за той каменной плитой, упавшей на уступ в какие-то незапамятные времена.

Слишком поздно Конан осознал свою ошибку. Увлекшись, он не сразу обратил внимание на

множество белых костей, разбросанных перед плоской глыбой, загораживающей дальнейший проход. А когда заметил, его барабанные перепонки уже разрывал оглушающий рев пещерного медведя, который с остервенением продирался через узкую щель. Было даже непонятно, как такая махина может протиснуться в нее; Конан инстинктивно отступил на несколько шагов и остановился. Бежать бесполезно.

Он не помнил, чтобы еще когда-нибудь видел подобного гиганта. Густая волнистая шерсть темно-бурого цвета серебрилась на шее белым воротником, огромные когти скрежетали по камням, а когда он заревел еще раз (не рухнули бы скалы от его рыка, мелькнуло в голове у Конана), обнажились клыки в ладонь длиной.

Медведь был разъярен присутствием постороннего на своей территории, так близко от логова, в котором прятались сейчас медведица с медвежатами. И он собирался примерно, наказать наглеца, нарушившего его покой.

Только идиот мог попасться так глупо, подумал Кокан. Ему следовало бы сообразить, что все достоинства этого места могли показаться привлекательными не только ему. Он так хотел найти надежное убежище от хищников, что попал самому страшному из них прямо в лапы.

Но отступать нет никакого смысла: там дальше уступ расширяется, и медведю будет еще удобнее расправиться с ним. А здесь, в узком месте с нависающей сверху скалой, у киммерийца есть хотя бы маленькое преимущество. Больше всего ему хотелось повернуться и убежать без оглядки, но он даже не позволил себе об этом думать, ведь медведи бегают так быстро, что от них никто не может убежать. Броситься наутек в этой ситуации — верная смерть. Поэтому Конан поднял копье и, шагнув вперед, ударил медведя в переднюю лапу.

Зверь пришел в такое неистовство, что смотреть было страшно, а его рев мог бы разбудить и мертвых. Обезумев от ярости, он стремительно набросился на копье Конана, причинившее ему боль, но второпях не рассчитал и налетел головой на выступ скалы. Сильный удар оглушил медведя. Он остановился и потряс головой, совсем как человек. Конан еще раз ударил копьем и слабо ранил его в плечо. Изо всех сил он старался, чтобы медведь не схватил копье лапами, потому что ему было бы тогда не удержать его в руках, и чтобы зверь не поймал копье пастью. После этого и щепок было бы не собрать, такие v него челюсти. Потому Конан лавировал и уворачивался, пытаясь нанести удар посильнее и в тоже время избежать острых, как бритва, когтей свирепого хищника.

Сопротивление Конана и легкие раны, которые тот нанес, не только не образумили медведя, а заставили его наступать с еще большим бешенством. Когда же Конан сделал ложный выпад, целясь в брюхо вставшего на дыбы зверя, он и вовсе разъярился. Как раз в этот момент Конану удалось наконец, нырнув под переднюю лапу медведя, вогнать ему в бок копье. Наконечник застрял в шкуре, копье сломалось, а Конан, потеряв равновесие, упал. Зверь взмахнул лапой, прочертив на спине едва успевшего откатиться Конана кровавые полосы. Киммериец мгновенно вскочил на ноги, выдернув из-за пояса топор.

Медведь пошел на Конана, прижимая его к кромке уступа. Мощный удар топором по голове не задержал его ни на миг. Силясь избежать смертельных объятий, Конан отступал все дальше, но медведь достал его длинной лапой, и от этого скользящего удара, вырвавшего у него из бедра кусок мяса, Конан повалился на камни, почти теряя сознание. Он не успел даже попробовать уклониться, как медведь навалился на него всей массой. Конан почувствовал, что неимоверная тяжесть расплющивает его, он задыхался, не имея возможности вздохнуть. Когда медведь перекатился через него, тяжесть ослабла, но от объятий стальных лап кости варвара трещали, а кожа лопалась там, где в нее впивались страшные когти.

Он находился уже в полуобморочном состоянии, когда что-то вдруг изменилось: хватка зверя ослабла — и все вокруг завертелось, земля и небо закружились в сумасшедшем вихре, удар

следовал за ударом; Конан оторвался от медведя и только тогда понял, что оба они летят с головокружительной высоты в реку.

* * *

Киммериец пришел в чувство на отмели, куда его выбросила река. Он был еле жив от потери крови и холода. С трудом заставив себя приподняться, он ощупал руки и ноги. Кости вроде целы. По-видимому, он опять потерял сознание и река унесла его неизвестно куда. Острова нет и в помине, этих берегов он никогда не видел. Что случилось с медведем, можно только гадать.

Впрочем, какая разница? Ему снова придется начинать все сначала. Только теперь у него нет сил даже для рыбной ловли. Единственное, что ему сейчас остается, — это найти укромное местечко и отлежаться там, пока его раны хоть немного не затянутся. О еде, одежде и оружии он побеспокоится позднее.

Конан огляделся по сторонам. Это место было мало похоже на то, где он был ранее. Ни холмов, ни лужаек, ни подлеска. Вокруг него стояли деревья-вели-каны, чьи кроны терялись в вышине. Темная река медленно струила свои тяжелые воды между крутых девственных берегов. Солнечные лучи едва пробивались сквозь густую листву. На всем лежала печать многовековой древности: казалось что у реки нет конца и нет начала, мощные гладкие стволы уходили в поднебесье, словно колонны величественного храма. Конан постарался путь с себя наваждение, вызванное, скорее всего болезненным состоянием. Таинственность и загадочность леса волновала его не слишком, сейчас ему надо найти какую-нибудь нору, по возможности сухую и поближе к воде, потому что он уже ощущал первые признаки надвигающейся лихорадки.

Еще раз оглядевшись и не заметив ничего угрожающего, Конан двинулся вниз по реке. Ковыляя по узкой галечной полоске вдоль кромки воды, он с удовольствием отметил, что здесь он не оставляет никаких следов. Через некоторое время впереди послышался шум небольшого водопада. Конан приободрился: это было именно то, что нужно, — подняться повыше над уровнем воды, оставаясь в непосредственной к ней близости.

Пройдя еще немного, Конан вышел к широкой мелкой заводи. Падая с высокого уступа, серебристый поток дробил ее зеркальную гладь и вливался далее в реку. Невероятная волшебная картина предстала глазам Конана. Обнаженная юная девушка стояла под сверкающими струями, подняв кверху тонкие руки. Конану она показалась прекрасной. Блики солнца, отраженные от воды, играли на ее гладкой коже. Длинные темные волосы перевивались на узкой спине — девушка стояла отвернувшись от Конана, — почти касаясь упругого изгиба бедер. Грациозно повернувшись, она поставила длинную стройную ногу на камень и принялась обмывать ее водой. Обмыв вторую ногу, она повернулась и неожиданно вышла из-под серебряных струй. Ее глаза скользнули по дальнему краю заводи. И остановились на киммерийце.

Конан стоял неподвижно, завороженный дивным зрелищем. Он был настолько потрясен, что в голове у него не осталось никаких мыслей. Он забыл о своих ранах, забыл, что, так же как и на девушке, на нем нет и клочка одежды. Он просто стоял и молча смотрел.

При виде незнакомца девушка не вскрикнула и даже не вздрогнула, не попыталась прикрыть наготу руками. Так же как и Конан, она замерла, рассматривая его. Ее темные глаза разом охватили его статную могучую фигуру, свежие раны, черную гриву прямых волос, резкие черты открытого лица.

Трудно сказать, что именно нарушило их оцепенение. Может, где-то треснула ветка или какая-то птица издала резкий крик, но девушка шагнула и сторону и внезапно бросилась бежать

через мелкую заводь прочь от Конана. Совершенно непроизвольно Конан кинулся за ней, даже не вспомнив, что только недавно едва волочил ноги, плетясь вдоль реки и мечтая лишь о том, чтобы поскорее лечь" В нем вдруг проснулась огромная первобытная сила, он скорее бы умер, чем позволил скрыться неведомой лесной деве, таким странным образом возникшей у него на пути. Конан знал, что никакие быстрые ноги и не спасут ее и он догонит ее, чего бы это ему ни стоило.

Однако спустя некоторое время одна здравая мысль мелькнула у него в голове. Эта девушка но может жить в лесу совсем одна, у нее наверх есть родные, семья, племя, в конце концов. Нельзя допустить, чтобы она позвала их на помощь, тогда его могут схватить, замучить пытками, убить, даже съесть, как это принято у некоторых диких племен, например пиктов. То, что она бежала молча, отчасти успокаивало его: значит, поблизости нет никого из ее племени. Что именно он сделает, когда поймает и каким образом убедит, что не причинит ей зла и что ей не следует его бояться и звать на помощь, — обо всем этом, нагоняя проворную беглянку, он не думал совсем.

Один раз, взбежав на пригорок, девушка остановилась и обернулась. Она тяжело дышала, пот тек с нее ручьями, но, что поразило Конана, в ней не было заметно ни малейших признаков страха. Она показалась Конану прелестной: в ее лице по-северному крупные черты оживлялись яркими южными красками.

Пауза не продлилась и секунды. Гонка возобновилась вновь. Конан был уже настолько близко, что ощущал запах ее разгоряченного тела. Осталось совсем немного, еще одно последнее усилие… Они бежали через дубовую рощу, под ногами мягко стелился ковер прошлогодних листьев. Впереди деревья слегка расступались. Стараясь выбрать путь покороче, девушка нырнула под раскидистые ветви тысячелетнего дуба, Конан ринулся следом, вот-вот он схватит ее…

Сила, с которой Конан ударился головой о низко свисающую толстую ветку, вполне могла бы убить нормального человека. Но и его самого этот удар почти доконал. В глазах Конана почернело, шатаясь, он сделал один неуверенный маленький шаг, ноги у него подогнулись, он упал на колени. Кровь из рассеченного лба стекала по лицу и капала на грудь. Его качнуло, и, теряя сознание, он рухнул на землю.

Последнее, что он запомнил, перед тем как свет окончательно угас перед глазами, — это склонением лицо лесной девы и неожиданный резкий удар в бок.

Глава VII
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

Зубчатые стены баронского замка, казалось, упирались в серое низкое небо. На них копошились каменщики — ремонтировали и надстраивали, верхняя, новая часть стен выделялась на фоне старое потемневшей от времени. Зима уже наступила, мм работа кипела по-прежнему: слышался скрип промерзшего ворота, звон зубила, окрики надзирающих за работами десятников.

Молодая колдунья Тамсин еще никогда не была в Урбандере — столице самой северной провинции Бритунии. Это был город-крепость, здесь привыкли отражать нападения воинственных соседей из Пограничного Королевства. Тем не менее Урбандер процветал, здесь велась оживленная торговля своим и привозным товаром, а кроме того, жители Урбандера и сами бывали не прочь совершить набег на то же Пограничное Королевство или Гиперборею. Нравы здесь царили суровые, и посему необходима была твердая рука. А вместе с этим король Тифас предоставлял городу больше свобод, нежели другим более южным и более близким к Саргоссе провинциям.

— Господин барон примет тебя немедленно, я в этом уверен, — сказал бритунийский высший офицер, выпрыгнув из заляпанной грязью дорожной кареты, и повернулся, чтобы помочь выйти молодой девушке. — Сейчас уже почти полдень, господин барон, вероятнее всего, уже проснулся после вчерашнего… э-э… пиршества. В это время дня он обычно больше всего нуждается во врачевателях.

— Я поняла вас, лорд Исэмбард. — Пренебрегая протянутой рукой седовласого офицера, Тамсин по-девичьи легко выпрыгнула из кареты. Как всегда, с ней была кукла, вся увешанная блестящими побрякушками. — Не сомневаюсь, Нинга будет так же счастлива познакомиться с бароном Айнхолцем, как и я.

— Господин барон чрезвычайно нуждается в помощи, — серьезно заметил Исэмбард. — В последнее время ему… э-э… нездоровится. — Он повернулся к начальнику караула: — Пригласите приближенных барона в его покои и поставьте у ворот стражу. Видите, уже собирается толпа. — Он указал рукой на зевак, прослышавших о том, что в замок привезут знаменитую колдунью, и желающих взглянуть на нее хоть одним глазком.

Отдав последние указания, Исэмбард с Тамсин и двумя сопровождающими их стражниками поднялись по широким ступеням и вошли под арку главного входа в замок. Тамсин, выросшей в бедной деревушке, он показался великолепным. Искусные резчики по камню из южных стран покрыли изнутри его стены причудливой резьбой. Убранство было ню мужским: ряды пик и алебард, луки, блестящие шлемы и каски, вороненая сталь доспехов, по обеим сторонам зала головы кабанов, лосей, медведей и горных козлов. Во всем этом ощущалась какая-то дикая прелесть.

Перед жарко пылающим очагом в большом кресле окруженный полудюжиной слуг и двумя приближенными, сидел сам Айнхолц. В нем мало что осталось от того крепкого плотного здоровяка, каким он был когда-то, барон будто высох и скрючился, но воспаленные глаза пронзительно смотрели из-под косматых седых бровей. По тому, как он неловко полулежал в кресле, можно было догадаться, что его мучают боли. На болезненно-желтом лице застыло недовольное брюзгливое выражение.

— Мой господин, — с поклоном обратился к нему Исэмбард, — по вашему приказу я доставил целительницу Тамсин, которая, без сомнения, сумеет облегчить ваши муки. Во всей

Бритунии не найдется колдуньи, способной сравниться с ней. — Исэмбард повернулся к девушке и почтительно склонил голову. — Целительница Тамсин прибыла в наш город из своей деревни близ Ерваша и ожидает вашею благосклонного внимания.

— Ожидает моего благосклонного внимания, — повторил старый барон и саркастически усмехнулся. — Если это и вправду так, долго же ей придется его дожидаться. По меньшей мере до завтрашний вечера, и то не наверняка… Если, конечно, она не сумеет вылечить меня раньше. — Барон явно находился не в духе. Его грубоватая шутка вызвала вежливые смешки приближенных. — Впрочем, целительница, дозволяю тебе приблизиться, чтобы я мог видеть тебя, не выворачивая шеи. Она у меня и так болит. О-о, да ты совсем еще дитя! — воскликнул он, слегка оживившись. — Что ни говори, Исэмбард неплохо изучил мой вкус за все эти годы. Ты мне определенно нравишься!

— Господин милорд, — натянуто произнес верховный офицер, — перед вами — известная всей Бритунии целительница и колдунья, а вовсе не то, что вы имеете в виду.

— Да знаю я! — нетерпеливо оборвал его барон и снова обратился к девушке: — Тебя ведь зовут Тамсин? Да, да, конечно, именно Тамсин. Слышал я о тебе всякие россказни, но не слишком-то я доверчив. Чего только люди не наболтают. — Он хмыкнул. — Возможно, разумеется, если уж очень сильно припрет, так и поверю. Короче говоря, должен сказать, что я перепробовал уже все: взывал ко всем богам подряд, к бритунийскому Амалиасу, моим собственным немедийским богам — ведь я вообще-то немедиец, — а про этих наших здешних шарлатанов-знахарей я уж и не говорю. Ни один не смог помочь мне даже самую малость! Осталась одна надежда на тебя.

— Господин барон, — Тамсин изящно поклонилась, — мы с Нингой к вашим услугам.

— Какая такая Нинга? Ах да! Ты же та самая девочка-колдунья, которая играет в куклы. — Он скрипуче рассмеялся. — Знала бы ты, чего мне только про твою куклу не наплели! Какая она у тебя волшебница и даже разговаривать умеет! Послушай, Исэмбард, — обратился он к верховному офицеру, — ты действительно не зря привез сюда Тамсин. Она со своей куклой привела меня в веселое настроение, — Тяжело, с присвистом дыша, он вновь откинулся на спинку кресла. — Ну ладно, смех смехом, а скажи мне, девочка, как же ты собираешься помочь мне со своей маленькой подружкой?.. Исэмбард! Что это за шум? Что случилось? — В зал один за другим входили приближенные барона и становились полукругом у очага. — Что случилось, я вас спрашиваю? — повторил барон раздраженно. — Кто вас звал?

— Не гневайтесь, господин барон, — выступил вперед Исэмбард. — Я позволил себе пригласить их от вашего имени, чтобы они явились свидетелями вашего исцеления. Ведь колдунья Тамсин действительно творит чудеса, и я подумал, что будет лучше, если это увидят десяток-другой ваших верных друзей. Тогда в будущем они смогли бы поведать об этом другим… или опровергнуть ложные слухи, если вдруг таковые возникнут.

— Это очень разумно и очень предусмотрительно с твоей стороны, Исэмбард. — И впрямь, лучше иметь свидетелей, да и лишняя пара рук тоже может пригодиться, случись что. — Он бросил подозрительный взгляд на Тамсии. — Да вот, кстати, я сейчас припоминаю, какие-то мне недавно страсти рассказывали, если, конечно, им можно верить, будто эта самая Тамсин со своей куклой наслала на какой-то южный город огненный смерч и превратила его в развалины, потому что жители отказались платить ей за работу. Ответь мне, колдунья, было ли такое?

— Господин барон, не тревожьтесь, подобная участь вам не грозит, — ответила Тамсин, глядя ему прямо в глаза. — Мы с Нингой не причиним вреда прекрасному городу Урбандеру и не сделаем ничего помимо того, о чем просил нас ваш верховный офицер. Разве не так, Нинга? — Тамсин заботливо пригладила кукле растрепавшиеся волосы. Ее жест был по-детски невинен и трогателен. — А что касается платы за наши услуги, вам тоже совершенно не о чем

беспокоиться. Мы не возьмем с вас ничего. Наградой для нас является уже одно то, что вы, такою знатный и могущественный, прибегли к нашей с Нингой помощи.

Непосредственная, искренняя речь Тамсин чем-то не понравилась барону. Непонятно отчего, но он почувствовал в ней угрозу.

— Тебе, значит, не нужна моя плата? — прогремел он. — Не нужна так не нужна, ты ее не получишь. Но смотри, колдунья, если ты не сумеешь меня вылечить, тебе самой придется за это расплатиться! — Он выпрямился и неожиданно ловким для немощного с виду старика движением выхватил из-за пояса саблю. — Не знаю уж, какими магическими силами ты обладаешь, но как бы моя верная сабля не оказалась сильнее. Почему, ты думаешь, они подчиняются мне? — Широким небрежным жестом он обвел присутствующих. — Вот именно, все дело в стали. Сталь непреодолима. Она победит любое волшебство, надо только уметь с ней обращаться, и уж кто-кто, а я умею. И не говори потом, что я тебя не предупреждал!

Тамсин смиренно склонила голову:

— Да, господин барон, мы с Нингой часто слышали о вас и знаем, что вы не только замечательный воин, но и увенчанный лаврами военачальник. А о вашей удали и отваге, когда вы командовали отрядом немедийских наемников, люди вспоминают до сих пор. Это было еще до того, как король Тифас жал вам титул барона и вы стали правителем этой провинции. Но многие еще помнят те давние мыс времена, правда, Нинга?

Айнхолц подозрительно посмотрел на Тамсин и, вкладывая саблю в ножны, сдержанно проговорил:

— Не стану отрицать, времена поистине были тогда героические. Что же до того, что король сделал меня правителем Урбандера… Он, видишь ли, он просто отблагодарил меня за помощь в войне с коринфийцами, когда я скорым маршем прибыл к нему с целым войском отчаянных ребят, хотя без нас он нипочем бы не победил. — Старый вояка воодушевился и явно решил воспользоваться случаем, чтобы произнести речь перед своими приближенными. — Король Тифас всегда знает что делает. Ему нужен был человек, твердый и решительный, на которого он мог бы положиться, для защиты северных пределов Бритунии, и он нашел такого человека! Так что Тифас совсем не зря отдал мне Урбандер и сделал меня бароном. — Айнхолц выразительно постучал пальцем по массивному нагрудному знаку из чистого золота, приколотому на его впалой груди. — Да-а, хлопот у правителя этой северной окраины всегда хватало. Если бы только одни набеги! А сколько раз за последние годы возникала опасность крестьянских волнений! Эти простолюдины вечно чем-нибудь недовольны. — Он замолчал и прислушался. — Ну вот, накаркал, называется. Слышите, как расшумелись? Из-за чего бы это они сегодня? Или опять из-за налогов? Разогнать немедленно, а кто будет сопротивляться — в каталажку, на хлеб и воду! Ишь вздумали у меня бунтовать!

— Нет, нет, господин барон, это не бунт, — поспешил успокоить Айнхолца верховный офицер. — Это всего-навсего несколько горожан, которые собрались, чтобы увидеть знаменитую колдунью, и которые надеются иметь возможность отпразднован, ваше счастливое избавление от мук. На всякий случай я приказал стражникам не спускать с них глаз, но уверен, что даже это лишняя предосторожность. Пусть себе пошумят немного, вреда от этого никому не будет. А попозже, когда Тамсин вас вылечит, мы можем даже послать им вниз бочонок вина, чтобы

они как следует повеселились.

— Гм, ну ладно, я не возражаю. — Барона утомила его собственная длинная речь и последующее волнение, он тяжело откинулся на спинку кресла и переключил внимание на Тамсин. — Итак, девочка-колдунья, вернемся к тому, с чего начали. Как же ты собираешься меня лечить?

Тамсин уставилась на него сосредоточенным пристальным взглядом, свою куклу она держала перед собой.

— Сперва надо определить, чем вы страдаете, господин барон. Думается мне, вы подвержены паралитической трясучке.

— Что верно, то верно, совсем меня замучила, проклятая, — подтвердил барон. — Только эль мне и помогает от нее, а по утрам ну просто никакой мочи нет. — После секундного колебания он поднял руку и показал, как дрожат пальцы.

— Запущенный случай, — констатировала Тамсин. — И, без сомнения, болезнь усугубится, если не начать лечения немедленно. Такая вот трясучка бывает обычно, если человек любит пображничать и не знает меры в ночных кутежах. — Она наклонилась и негромко сказала что-то своей кукле, потом помолчала, будто слушая ответ, и задала следующий вопрос: — Господин барон, а подагра у вас тоже есть?

— И подагра есть, — охотно признался Айнхолц. — Сейчас, правда, ничего, терпимо, но временами, особенно осенью, когда собирают урожай, и во время празднования зимнего солнцестояния, бывает, ноги так распухают, что я почти ходить не могу. — Он скинул одну туфлю и через шелковый чулок стало заметно, что сустав несколько увеличен в размере.

— Да, мы с Нингой видим. Подагрой человек расплачивается за чревоугодие. Разумеется, мясо на вашем столе появляется гораздо чаще, чем в простых домах, как оно и подобает человеку вашего звания, Но за это приходится платить здоровьем. А скажите мне, господин барон, болят ли у вас кости?

— Еще как болят! — воскликнул барон, успев позабыть, что поначалу ему не очень хотелось распространяться о своих хворях в присутствии такой толпы народа. — Особенно сильно болят поздней ночью и перед рассветом. Я испробовал все обычные средства: ставил у самого ложа раскаленную жаровню, выпивал перед сном большую чашу горячего крепкого вина с пряностями, две деревенские девки согревали мне постель, перед тем как я ложился в нее, — ничего не помогает. Если ты, колдунья, сумеешь сделать что-нибудь, облегчить мои муки… я готов передумать, взять свои слова обратно, и тебе не придется жаловаться на мою скупость.

— Мы поняли вас, господин барон. — Продолжая держать перед собой куклу, Тамсин на минуту задумалась, глядя на изборожденное глубокими морщинами землистое лицо Айнхолца, мешки под красными воспаленными лазами, тонкие бесцветные губы и неожиданно крупный шишковатый нос с сизыми прожилками. Все так же не сводя с барона глаз, Тамсин наконец прервала молчание: — Должна огорчить вас, господин барон, ваша болезнь очень трудно поддается лечению. Болезнь эта, поразив человека однажды, уже больше не желает выпускать его из своих когтей, она точит его изнутри, истощает, разрушает мозг и плоть. Можно заболеть ею еще в молодом возрасте, а потом десятки лет недомогать, не зная причины.

— Постой-ка, колдунья, что-то я тебя не пойму, — обеспокоенно перебил ее Айнхолц. — О чем это ты толкуешь? Ты не знаешь, как вылечить меня, или просто набиваешь цену? До чего же расшумелись эти негодяи, будь они прокляты! — Он наклонил голову, прислушиваясь к многоголосому гомону и крикам, доносившимся из-за высокого стрельчатого окна, выходящего на ворота и внутренний двор замка.

— Болезнь ваших органов, господин барон, наружных и внутренних, сопротивляется лечению, потому что она пропитала вас насквозь, став вашей сутью. Она естественное следствие ваших привычек и образа жизни. Вспомните свои молодые годы: стремительные марши, когда вы сутками не сходили с коня, ночевки под открытым небом, жестокие сражения, кутежи и оргии, распутство и блуд, грабежи, насилие, необузданность и жестокость — все то, что вознесло вас на вершины власти. Что же удивительного в том, что теперь у вас костоломка? А подагра и паралитическая трясучка — следствие как раз последних шести-семи лет, когда вы, в

соответствии с рангом, получили законное право насладиться всеми прелестями жизни — вкусно и много есть и пить сколько душа пожелает. Как же мы с Нингой, обладая даже всеми нашими способностями и талантами, можем вылечить вас, не изменив полностью вашей сути?

— Ты что позволяешь себе, дерзкая девчонка?! — вскипел старый воин. — Как смеешь ты утверждать, что я, барон Айнхолц, и есть причина моей болезни? Что я кровожадный изверг, беспробудный пропойца, обжора и развратник? Ты у меня поплатишься за свою наглость, и немедленно!

Вне себя от ярости, барон вскочил с кресла, молниеносно выхватил саблю и… тут случилось нечто необъяснимое. Стальной клинок, блеснувший в свете пламени очага, внезапно засиял словно пылающее солнце, и сияние это делалось все сильнее и сильнее. Находящиеся в зале закрывали лицо руками и отворачивались, а барон, оказавшийся ближе всех к источнику ослепляющего света, упал на колени и выронил саблю, которая тут же начала тускнеть.

— Я ничего не вижу! О, мои несчастные глаза, они как раскаленные угли! Какая нестерпимая жгучая боль! — Айнхолц на несколько мгновений отнял руки от глаз и, моргая, пытался понять, окончательно ли он лишился зрения. Присутствующие с ужасом увидели его опаленное неземным жаром лицо и совершенно белые глазные яблоки. — Стража! — вскричал он. — Сию секунду зарубить, злодейку-колдунью, а ее труп бросьте на растерзание диким псам, чтобы и воспоминания от нее не осталось! И… и посадите меня обратно в кресло, — неожиданно жалобно закончил он.

По напряженной тишине, царящей в зале, Айнхолц понял, что никто не двинулся с места, чтобы выполнить его приказ. Вместо этого раздался спокойный, размеренный голос Тамсин, как ни в чем не бывало продолжавшей свои обличения, словно и не было никакого перерыва.

— Как мы уже объяснили вам, господин барон, ваши физические недуги являются не только результатом, но и неотъемлемой частью вашей порочной, греховной жизни и посему не поддаются излечению. Однако мы с Нингой, учитывая, что вы обратились к нам, моля о помощи, готовы оказать ее вам, насколько это в наших силах, и избавим ж вас от логического завершения ваших недомоганий — смерти. Мы даруем вам вечную, нескончаемую жизнь!

С этими словами колдунья шагнула вперед и маленькой ручкой своей куклы легко коснулась плеча барона. Айнхолц дернулся, как от удара, по его телу пробежала дрожь, обхватив себя руками, он, беспомощно сотрясаясь, повалился на каменные плиты, словно терзаемый какой-то злой силой.

— Ну вот, господин барон, теперь вы можете перестать тревожиться: какие бы боли ни терзали вашу плоть, как бы ни изнуряла и ни мучила вас ваша болезнь, она не приведет вас к смертельному исходу, потому что теперь вы никогда не умрете. Даже от такого удара, как этот. Исэмбард!

Повинуясь повелительному окрику и жесту верховный офицер обнажил свой меч и пронзил сжавшегося от страха Айнхолца прямо в сердце. Барон издал душераздирающий вопль, изо рта у него потекла кровь, но, когда Исэмбард выдернул клинок, барон по-прежнему продолжал дышать, его пальцы непроизвольно сжимались и разжимались от боли, а на шелковой рубашке расплывалось небольшое алое пятно.

— Видите, господин барон, вы получили неопровержимое доказательство того, что я вас не обманула. Надеюсь, вам по душе наш с Нингой дар, во всяком случае, вы сможете насладиться им сполна, времени у вас теперь хватит. Ну а мы хотели бы получить от вас в знак вашей благодарности маленький, чисто символический подарок — вот этот. Тамсин нагнулась и, избегая слепо шарящих вокруг себя рук барона, сорвала с его груди знак его баронского достоинства. — Я думаю, вам он больше не понадобится, ведь здоровье ваше ухудшается прямо на глазах. — Продолжая говорить, она приколола запятнанный кровью золотой знак на нарядное

платье своей куклы, и без того увешанной побрякушками. — Пожалуй, вам стоит удалиться на покой, в какое-нибудь тихое спокойное место, а делами провинции займется пока ваш верховный офицер Исэмбард, что, я не сомневаюсь, будет с радостью воспринято всеми присутствующими.

Бывшие верные друзья и слуги Айнхолца разорились приветственными возгласами, славя своего нового господина, который немедля занял кресло барона. По его команде двери распахнулись и в зал ввели десяток горожан, отобранных из тех, кто только что горланил под окнами. Недавние возмутители общественного порядка почтительно преклонили колени перед свежеиспеченным правителем, который мановением руки приказал им убрать продолжающего корчиться на полу барона Айнхолца. Они с готовностью уволокли его с собой и вскоре крики под окнами зазвучали с новой силой.

— Воля народа исполнена, — провозгласила Тамсин, — злодей получит по заслугам. Его можно вешать, колесовать, четвертовать — он никогда не умрет, я ручаюсь за это. Наш добрый друг и ваш повелитель Исэмбард будет управлять провинцией под моим покровительством. В дальнейшем, когда он присягнет божественной Нинге, она позаботится о том, чтобы годы его правления не омрачались смутами и волнениями черни. Сегодня великий день, — продолжила Тамсин, — и, чтобы скрепить наш договор, осталось только одно — совершить жертвоприношение. С согласия Нинги я поклялась, что их будет лишь трое.

Исэмбард встал со своего кресла и подошел к Тамсин.

— Всем встать в круг! — распорядился он.

Колдунья неторопливо повернулась, обводя взглядом неловко застывших воинов, составлявших ранее ближайшее окружение барона Айнхолца.

— Да, вот так хорошо… Для начала я выберу исполнителей моей воли. — Она пристально вгляделась в лица. — Ими будут… ты… и ты. — Те двое, на кого она указала, послушно вышли из ряда и встали за ее спиной. — Ну а теперь будем искать. После стольких лет это очень непросто. Казалось, Тамсин забыла обо всем и разговаривай сама с собой. Погруженная в свои мысли, она медленно начала обходить круг, держа перед собой куклу. — Да, это очень-очень непросто, — повторила она.

Под ее пронизывающим взглядом все чувствовали себя неуют но вскоре стало понятно, что немногих из присутствующих здесь дам Тамсин проходит без остановки, всматриваясь лишь в лица закаленных в боях воинов.

— Твоя память острее моей, Нинга, — бормотала колдунья. — Смотри внимательно, помоги мне, укажи тех, кого мы с тобой видели тогда лишь издалека. Все это было так давно, но мы должны узнать их… А вот и первый! Хватайте его!

То ли на самом деле кукла кивнула головой, издав какой-то звук, то ли у Тамсин непроизвольно дернулась рука, никто не смог бы сказать с уверенностью, но по ее приказу двое шедших за ней воинов схватили ошеломленного офицера, чье лицо украшало немало боевых шрамов, и отвели его в сторону, чтобы приковать у стены. Когда они вернулись, Тамсин вновь возобновила поиск.

— Смотри внимательно, Ниига, не пропусти, — приговаривала колдунья. — Я уверена, здесь должны быть многие из тех, кто когда-то воевал под его знаменами и проходил мимо нашего дома… — Через минуту раздался полузадушенный вскрик, и еще одну сопротивляющуюся жертву отволокли к стене. — Хорошо, Нинга, маленьких лисичек мы с тобой поймали, осталось поймать волка. Конец круга все близок… Нам нельзя его пропустить.

Тамсин действительно уже почти завершила круг. Внезапно офицер по имени Богемунд, который когда-то был командиром отряда, где служили те двое, кого Тамсин велела приковать у стены, потерял самообладание и закричал:

— Да что же мы — овцы, чтобы безропотно ждать, когда нас поведут на заклание?! Почему

мы должны подчиняться этой безумной колдунье с ее отвратительной куклой?!

Он выхватил саблю так резко, что она зазвенела о ножны, но звук этот вместо того, чтобы естественным образом утихнуть, наоборот, стал усиливаться, оглушая всех и каждого. Люди пытались заткнуть уши, а Богемуид бросил саблю на каменные плиты отчего какофония лишь усугубилась. Богемунд пал на колени, зажимая уши, из которых струилась кровь, и выл от боли. Так же неожиданно, как начался, пронзительно-резкий металлический звук прекратился. Те, кто находился рядом с Тамсин услышали, как она говорит своей кукле:

— Ну вот и славно! Теперь, я надеюсь, все убедились, что сильнее, сталь или колдовство, правда, Нинга?

Троих несчастных, включая оглохшего, полубезумного от боли Богемунда, разоружили, сорвали с них доспехи, заковали в кандалы и отдали бушующей у ворот толпе.

Когда истошные крики жертв прекратились, колдунья вышла на балкон, чтобы произнести речи перед теснящимися у ворот, возбужденными только что пролитой кровью горожанами. Четыре головы были насажены на колья, и одна из них беззвучии шамкала и кривила в невыносимой агонии рот. Речь Тамсин была коротка и по существу:

— Вы отомстили кровопийце Айнхолцу, чьи бесчисленные преступления ничто по сравнению с беззаконием, творимым королем в далекой Саргоссе. Ваш новый правитель, — она указала на Исэмбарда, которого толпа приветствовала бурными криками восторга, — объявил себя преданным приверженцем богини Нинги и ее союзником в походе против старой религии и тирании короля Тифаса. Отныне в и нашей стране начинается новая эра. Ваше восстание закончено, но в Бритунии оно только начинается! Да здравствует Нинга!

Глава VIII
ТОПОР СПРАВЕДЛИВОСТИ

Как это уже не раз случалось и прежде, смерть не желала выпускать Конана из своих пылких объятий. Она манила его черными бархатными далями, прельщала тишиной и умиротворенностью, нашептывала ночами сладкие сны, сулящие вечный покой. И как же хотелось Конану поддаться этим нежным уговорам, позволить увлечь себя потоку мглистой реки забвения и никогда больше уже ни о чем не заботиться.

Но нет, не было ему покоя! Кто-то беспрестанно мучил его, кто именно, Конан никак не мог понять, ни нот кто-то, казалось, не отходил от него ни на шаг, особенно терзая, когда он уже готов был провалиться в блаженство вечного забытья. Не тут-то было. Каждый раз чьи-то жестокие руки безжалостно хватали его и заставляли вернуться назад, в мучительное полубессознательное состояние. Они лили ему и рот что-то горькое, брызгали на него холодной водой, светили в лицо омерзительно-ярким светом, чем-то шершавым растирали его руки и ноги. Хуже всего было, когда они нарочно копались в его горящих ранах, заставляя его буквально корчиться от боли. Ему было так плохо, что он даже не мог ругаться. А иногда на него напускали какой-то пахучий дым, крутили трещотки и монотонно твердили над ним странные непонятные слова. И всем этим мукам не было видно конца.

Однако же настал день, когда Конан открыл глаза. Это стоило ему неимоверных усилий, веки словно свинцом налиты. Конан так устал, что засомневался, хватит ли у него когда-нибудь сил снова закрыть глаза.

А пока прямо перед ним ослепительным светом сиял голубой круг. Смотреть на него было больно и из глаз Конана потекли слезы. В расплывчатой дымке он различил какое-то движение, и наверху возникло чье-то лицо в обрамлении темных волос. По телу Конана пробежала дрожь. Ему показалось, что он уже однажды видел эти небесные черты, никак не мог понять, какому народу принадлежит эта красавица. Ее до смешного скудный наряд не помог разгадать ему эту загадку. В волосы девушки были вплетены деревянные птички, вырезанные из светло-коричневого дерева, на обнаженной груди висели три ожерелья, составленные из тщательно отполированных зубов диких животных, кусочков костей и мыльных камней, на тонкой талии красовалась круглая золотая пластинка, а бедра едва прикрывала символическая юбочка, вернее сказать, бахрома из полосок кожи разной ширины и разных оттенков.

Девушка показалась Конану невыразимо привлекательной. Высокая, гибкая, с благородной осанкой, она встревоженно склонилась над ним, заметив, что он открыл глаза. Конан вдохнул аромат ее бронзовой загорелой кожи, и вновь ему почудилось, будто ему знаком ее запах. В девушке странным образом сочеталась сила и стать северных женщин со смуглым очарованием их южных сестер. По телу Конана вновь пробежала непроизвольная дрожь.

Девушка схватила какой-то сосуд у изголовья Конана, нажав пальцами на челюсти, принудила его открыть рот и влила туда отвратительную горькую жидкость. Конан с омерзением выплюнул ее.

Незнакомая дева отступила на шаг и с возмущением уставилась на Конана.

— Ювала! — воскликнула она громко.

Конан ожидал, что на ее крик в хижину войдет мужчина, которого она только что, без сомнения, позвала. Вместо этого девушка наклонилась над пленкой, нетерпеливо порылась там и вытащила пучок несколько подвявших листьев. Повернувшись обратно, она раздраженно потрясла этим пучком перед носом у Конана, повторив три или четыре раза:

— Ювала! Ювала!

Конан смущенно припомнил, что вроде это растение действительно используется иногда в каких-то медицинских целях. Его настаивают, а то и просто жуют, так что ничего страшного в нем нет, просто обычное народное средство спорных достоинств. Еще раз выразительно помахав листьями, девушка взяла один листок, смяла его в маленький комочек и засунула Конану в рот. Киммериец принялся покорно жевать его и через некоторое время проглотил, и не без труда. Девушка тут же подала ему напиться холодной ключевой воды, наливая ее в громоздкую ложку, изготовленную из бутылочной тыквы.

С тех пор он начал доверять Сонге, ибо таково было ее имя, как он выяснил во время ее бесконечных бдений у его ложа. У Сонги оказался легкий, приятный характер, она философски относилась к его временной беспомощности, без лишней суеты обивала его воспаленные, гноящиеся раны и с завидным терпением относилась к тому, что он при каждом удобном случае пытался дотронуться до нее. И только когда он, слегка окрепнув, начал хватать ее за руки, притягивая к себе силой, она начала давать ему более серьезный отпор, решительно отталкивая его, а как-то даже стукнула по голове сосудом из тыквы.

Но даже это получалось у нее весело и не обидно. Усевшись вне досягаемости рук Конана, она спокойно и методично учила его своему языку, показывая на предметы окружающей обстановки и называя их по нескольку раз, чтобы он лучше запомнил.

Сонга с явным уважением относилась к его ранам, сознавая, что нанесены они каким-то опасным хищником. Она с гордостью показала ему шрамы от когтей рыси у себя на бедре.

Родные Сонги и люди из ее племени, по всей видимости, не возражали против того, что она выхаживает чужеземца. Время от времени в дверях конусообразного шатра (напоминающего чум северных кочевых племен), где лежал Конан, останавливался высокий человек, чьи черты смутно напоминали черты Сонги, и заглядывал внутрь. Однако он никогда не входил и ничего не говорил, разве что бурчал себе что-то под нос. От Сонги Конан узнал, что его зовут Аклак.

Если судить по звукам, доносившимся извне, здесь жили не меньше двух-трех десятков людей. Когда Конан попробовал узнать у Сонги, сколько именно, рисуя на земле рядом со своим ложем человечков, чтобы она поняла, о чем он спрашивает, девушка с готовностью принялась декламировать нескончаемый перечень труднопроизносимых имен: Орпа, Эмда, Урга, Экдус, Амавак, Пиливак, Фнан… Конан довольно быстро разобрался, что с числами больше пяти у Сонги начинаются нелады.

Впрочем, она могла нарочно изображать непонимание, потому что хотела скрыть от него действительное количество людей в племени. Когда же она расспрашивала его о том, откуда он пришел, Конан при всем своем желании не мог ей этого объяснить. Он неопределенно махал руками куда-то вдаль, пытался звуками воспроизвести шум реки, которая принесла его.

Сонга поняла его.

— Таргокан, — произнесла она, кивнув головой.

С тех пор Таргока — речной человек — стало вторым именем Конана для соплеменников Сонги.

Язык, которому она учила его, не походил ни на один из тех, что он знал. В нем не было ничего общего с восточными диалектами, в частности с туранским и гирканским языками, посему он не давал Конану ни малейшей подсказки в отношении того, где живут люди, среди которых он очутился. Судя по всему, племя Сонги никак не было связано с внешним миром, откуда он явился. К удивлению Конана, это его обрадовало. Насколько он мог понять, народ, к коему принадлежала Сонга, называл себя попросту "атупаны" — люди. Сонгу не особенно интересовали слова, которым в свою очередь учил ее Конан, и даже его собственное, данное при рождении имя. Скорее всего, она искренне считала, что на свете нет других языков, кроме их

языка, и что Конан, пока не появился у них, не умел разговаривать, а объяснялся жестами и нечленораздельными звуками.

Даже если и так, Конан не собирался ее разубеждать. Он вовсе не хотел привносить цивилизацию в какой бы то ни было форме в эти мирные свободные края. Насколько Конан мог судить по доносившимся до него звукам хозяйственной деятельности, по той еде, которую ему приносили, по виду гордых мужчин и веселых хихикающих женщин, жизнь атупанов была легка и приятна. Он словно вновь вернулся во времена своего детства, в родные киммерийские горы.

С малолетства обученный тому, как уцелеть в любых условиях, Конан не ударил в грязь лицом, оказавшись выброшенным в чем мать родила на дикий берег. Все шло отлично, пока он не схватился с пещерным медведем. А эти люди, из поколения в поколение передавая накопленный опыт и не зная никакой другой жизни, довели свое умение выживать до уровня искусства и теперь могли бы и Конана поучить уму-разуму. Хотя нельзя забывать, что в горах Киммерии климат намного суровее здешнего, да и дичи тут не счесть, и растительность куда как богаче и разнообразнее. Так что относительное благосостояние атупанов вполне объяснимо.

Нельзя сказать, чтобы Конан осознанно размышлял обо всем этом, скорее, в нем бродили смутные ощущения, не оформляясь в законченные мысли. Да ему вовсе и не хотелось ни о чем думать. Выздоровление его шло полным ходом, раны постепенно затягивались, Конан лежал в хижине и наслаждался покоем. К нему постепенно возвращался его когда-то очень острый слух и способность различать запахи. И то и другое он совершенно осознанно подавил в себе, когда ему пришлось жить в шумных смрадных хайборийских городах.

Теперь Конана интересовали лишь самые простые вещи: жидкая кашица из растертых кедровых орехов, сдобренных душистым медом, миски, полные лесных ягод, горшки с тушеной зеленью и, наконец. и мясо — оленина, которую он пока еще с усилием, но уже мог понемножку жевать и глотать.

Удовлетворив свои самые насущные потребности, Конан обращался к более высоким целям. Постоянно маячившие перед ним соблазнительные формы Сонги возбуждали в нем аппетит уже другого рода. На все его поползновения Сонга отвечала мягким, но решительным отпором, стараясь без особой надобности не приближаться к его ложу По мере того как слабость оставляла Конана, росла и его настойчивость, хотя не в его обычаях было нагло приставать к женщине, домогаясь ее взаимности. Конан предпочитал, чтобы ему с готовностью шли навстречу. Но лукавая Сонга (и где только она этому научилась?!) ухитрялась отказывать ему в такой форме, что у него всегда оставалась надежда, раз ему казалось, что еще чуть-чуть — и нет упрямиться, однако время шло, а все оставалось по-прежнему.

— Сонга! — позвал ее как-то Конан. — Иди сюда лежать. — Он похлопал рукой по циновке. Ему катастрофически не хватало слов. — Ты лежать со мной. Давай любить-любить. Будет хорошо.

— Нет, Таргока, — рассеянно отозвалась она, несколько раз горизонтально помахав рукой из стороны к сторону — атупанский жест, выражающий категорическое несогласие. По привычке она выговаривала слова медленно и отчетливо, словно разный с ребенком. — Лежать с тобой нет. Таргока больной. Любить-любить нет. Будет плохо.

— Таргока не больной, Таргока здоровый, — упрямо возразил Конан, тыкая пальцем в свой бок, который покрылся наконец толстой коричневой коркой засохшей крови. Он пытался придумать, как бы ему сказать, что, если Сонга не ляжет с ним, вот тогда то ему и будет плохо, но, так и не придумав, неуклюже закончил: — Будет хорошо.

— Лежать с тобой нет, — еще раз повторила Сонга. — Таргока сильно больной. Туда идти тоже нет. — Она мотнула головой в сторону двери. — Таргока тут — Аклак не убивать Таргоку. — Для наглядности она изобразила удар топором. — Потом Таргока не больной.

Таргока идти туда — Аклак убивать. Потом будем любить-любить.

— Что?! — У Конана волосы встали дыбом. Ом судорожно силился сообразить, что бы все это значило. — Аклак убивать Конан… Таргока? — уточнил он.

— Да, Аклак убивать Таргока. Таргока убивать Аклак. — Сонга пожала плечами, явно не придавая итогу схватки никакого значения. — Потом Таргока любить-любить Сонга.

Конан временно выкинул из головы проблему, каким образом ему удастся "любить-любить Сонгу" если Аклак его убьет, и задал следующий животрепещущий вопрос:

— Сонга любить-любить Аклак?

— Нет!!! — Безо всякого предупреждения Сонга, которая, разговаривая с ним, толкла земляные орехи в сосуде из выдолбленной тыквы, запустила в Конана тяжелым деревянным пестом. Сонга нет любить-любить оонка! Таргока говорить плохо!

— Что значит оонка? — беспомощно спросил Конан.

— Оонка — это оонка! — раздраженно отрезала Сонга. Нагнувшись, она нарисовала на земляном полу двух больших человечков и двух маленьких, Затем, чтобы стало еще понятнее, она показала, как достает из своего чрева ребенка и кормит его грудью. После этого она повторила всю пантомиму и сделала вид, будто кормит второго младенца другой грvдью. — Оонка, — повторила она.

— Ах вот что, оонка значит брат, — догадался Конан. — Аклак — оонка. Аклак нет любить-любить Сонга. — Он энергично покивал головой, давая понять, что всецело одобряет это табу. Потом спохватился и подтвердил свое полное согласие с этим основным принципом, помахав рукой вверх-вниз на уровне подбородка, на атупанский манер. Но другой вопрос по-прежнему продолжал волновать его. — Оонка убивать Конан?

— Да убивать. — Сонга принялась бойко размахивать кулаками, и у Конана гора свалилась с плеч. Он уразумел наконец, что слово, которое, он полагал, означает "убивать", на самом деле значит "драться" или "бороться". Что ж, он не против.

Сонга тем временем заговорила вновь: — Таргока видеть Сонга голая. — Она приняла добродетельно-оскор-бленный вид. — Много плохо-плохо. Аклак убивать Таргока. Плохо-плохо уходить. Потом Таргока украсть Сонга. — Она скромно потупила глаза и принялась расправлять бусы на обнаженной груди.

Во время этого разговора Конан не сумел полностью разобраться в тонкостях брачных обычаев атупанов, однако, возвращаясь к той же теме в последующие дни, многое, если не все, стало яснее. Племена, обитающие в окрестностях реки Таргокан, имели обыкновение добывать себе жен у своих соседей, что было очень разумно, если не забывать об их малой численности и строгом запрете на кровосмесительные браки. Конану приходилось встречать людей с признаками вырождения в небольших поселках, где подобного табу не было, и он понимал жизненную необходимость таких жестких правил. Похищение женщин, как рассказывали Конану, в прежние времена практиковалось и в Киммерии, хотя в годы его детства это сплошь да рядом оказывались не женщины из соседних племен, а томные холеные южные красавицы, отбитые у пришельцев с юга.

В атупанских племенах, как выяснил Конан, существовала негласная договоренность оставлять девушек, достигших брачного возраста и не нашедших мужа в своем племени, в определенных местах в известное время, где они совершали ритуальны, омовения. Девушки предпочитали, чтобы их похищали не поодиночке, а целыми группами, так было легче пережить неизбежное расставание со своими близкими. Поскольку принято было красть лишь незамужних, никаких недоразумений, не говоря уже о войнах, среди этих племен никогда бывало, тем более что им до сих пор оставалось неизвестным такое "благо" цивилизации, как рабство.

Что же касалось самой Сонги, то здесь случай был в некотором смысле исключительный. Подходящей для нее пары в племени не нашлось, а она решительно отказывалась уходить в чужое племя, потому что была очень привязана к брату и матери Отца она лишилась еще в детском возрасте, когда он погиб во время охоты на бизонов.

В тот день, когда Сонга впервые увидела Конана, она совершенно не ожидала встретить в лесу (где, насколько ей было известно, не должно быть никаких других племен) израненного чужеземца и уж тем более быть похищенной им. Когда же он потерял сознание, она позвала своих соплеменников, которые и принесли киммерийца в шатер. Только теперь Конан понял причину веселья женщин, то и дело заглядывающих в дверь: их смешило, что Сонга "украла" у чужого племени такого могучего воина.

Нагота девушек во время ритуального омовения не имела ничего общего с наготой Сонги, когда он ненароком увидел ее. По непонятным для Конана мотивам, в одном случае это почему-то считалось нормальным, а в другом — страшным грехом, который следовало искупить.

Не менее нелепым Конан находил представление атупанов о приличиях. По его мнению, одетая Сонга мало чем отличалась от раздетой. Ее смехотворная юбчонка из полосок оленьей кожи не столько скрывала, сколько подчеркивала ее прелести. Конан готов был хохотать над этим, вот только боялся, что у него раскроются его едва зажившие раны. Однако, судя по всему, в скором времени его ожидал поединок с Аклаком, желавшим непременно удовлетворить свои оскорбленные чувства брата. Конан объяснял такое отношение яростной ревностью.

И последнее время поведение Аклака становилось все более задиристым. Иногда он нарочито громко пенял сестре, что та берет для чужеземца слишком много еды, иногда останавливался у шатра и делал Сонге замечание, если считал, что она проводит с ним чересчур много времени. А однажды вечером во время очередного урока языка Аклак просунул голову в открытую дверь и, насколько Конан сумел его понять, сказал приблизительно следующее: "Учи его получше, сестра, чтобы он смог молить меня о пощаде, когда я начну превращать его в рыбью икру, перед тем как бросить обратно в реку!"

Терпение Конана лопнуло. Он сорвался со своего убогого ложа и ринулся к двери. Как бы не так — Сонга раскинула в стороны руки, заслоняя выход и строго велела Конану немедленно ложиться обратно. Спорить с ней было бесполезно. Конан огляделся, выбрал наименее прочную с виду стенку, прошиб ее плечом и оказался снаружи. Сломанные и вывороченные из земли жерди шатра попадали в разные стороны.

Перед киммерийцем стоял дюжий дикарь, разинув от изумления рот. Помимо набедренной повязки на Аклаке были сандалии из грубой бизоньей кожи, бусы и какая-то металлическая безделушка, усыпанная самоцветами.

Не в привычках Конана было медлить и раздумывать перед схваткой, тем более что он надеялся обойтись без оружия и таким образом уменьшить вероятность смертельного исхода для дорогою братца своей возлюбленной. Поэтому Конан без лишних слов занес кулак, чтобы свалить того наземь.

К его немалому удивлению, Аклак оказался проворнее. С непостижимой быстротой он увернулся, н не только увернулся, а левой ногой сумел нанести Конану ощутимый удар в бок. У киммерийца почернело в глазах от острой боли, пронзившей его, — Аклак угодил пяткой совсем рядом с еще не вполне зажившей раной. Но времени приходить в себя не было, Аклак сам бросился в атаку. Его ноги, руки и сжатые кулаки слились в одно стремительное движение. Все выпады совершались будто сами по себе казалось, этот бой для него — простая забава, он прыгал туда-сюда, как кузнечик. Жесткие сандалии еще больше увеличивали силу удара. Проведя целую серию таких ударов, причем добрая их половина достигла цели, торжествующий Аклак весело ускакал к костру. Вокруг собралось уже едва ли не все племя, громкими криками

приветствовавшее каждый удачный выпад. Конан стоял пошатываясь, и ощущал тошноту и слабость, но не собирался сдаваться.

И вновь Аклак, приплясывая, вился вокруг него, налетая то с одной стороны, то с другой, успевая достать Конана ногой, коленом, кулаком… В какой-то момент Конан сумел перехватить инициативу, и Аклак потерял некоторую долю своей жизнерадосности.

На этот раз ему понадобилось больше времени чтобы возобновить атаку, но и Конан успел лучше подготовиться. Он поймал Аклака за ногу, не дав ему нанести удар в свой раненый бок, но гибкий как ящерица, дикарь резко откинулся назад и каким-то чудом вывернулся из рук киммерийца, который успел-таки вдогонку поддать ему ногой. Не дожидаясь, пока Аклак восстановит равновесие, Конан накинулся на него с кулаками. Точный удар заставил Аклака пошатнуться. Воспользовавшись этим, великан-варвар обхватил его руками и сжал в могучем объятии. Но Аклак еще не исчерпал все свои резервы, он резко двинул головой — и Конан так прикусил себе язык, что у него рот сразу же наполнился кровью. Однако киммериец был уже настолько привычен к боли, что ни на мгновение не ослабил кольцо своих сжатых рук. Разозлившись всерьез, он поднял Аклака и с силой швырнул его через костер, около которого они дрались, на сооружение из кольев и жердей, где сохли выделанные шкуры. В поднявшемся гомоне киммериец безошибочно различил ликующий возглас Сонги. Это кричала она, он не мог ошибиться.

Употребляя неизвестные Конану проклятия, но, судя по выражению его лица, ругаясь на чем свет стоит, Аклак выбрался из мешанины жердей, шкур и неизвестно откуда взявшихся глиняных горшков. Поднимаясь на ноги, он подобрал с земли нечто заслуживающее внимания — большой каменный топор на длинной рукоятке, вполне пригодный для охоты иа кабана или быка. Издавая воинственные кличи, Аклак направлялся вокруг костра к Конану, вращая над головой свой ужасный топор.

Киммериец наскоро осмотрелся, но не нашел ничего подходящего для обороны, поэтому он остался стоять на месте, понимая, что может рассчитывать только на свою реакцию. Никто из атупанов не собирался ему ничем помочь, но Конан не собирался спасаться бегством. Он приготовился к худшему, все его мышцы были напряжены, а мозг работал как никогда четко. Вдруг чья-то женская рука твердо взяла его за плечо, удерживая на месте. Неужели Сонга в последний момент решила помочь брату расправиться с ним и вероломно предала его?..

Тем временем Аклак, остановившись в нескольких шагах от Конана, продолжал с бешеной скоростью вертеть топором, но вдруг он сделал неуловимое движение рукой — и топор полетел прямо в костер, воткнувшись в толстое полусгоревшее бревно и рассыпав при этом несметное множество искр. Дикари вокруг Конана радостно взвыли, подскочили к нему и принялись дружелюбно хлопать, по спине, выражая свой восторг. Несмотря на то, что тумаки эти были достаточно ощутимы, киммериец воспринял их правильно, как поздравление с победой.

Теперь он понял наконец, что кричат атупаны.

— Аклак сжег свой топор! Речной человек прощен! Он прощен и свободен!

Такое событие, разумеется, следовало отметить. В одну минуту соплеменники Сонги и Аклака натащили к костру всевозможной еды, поставили на огонь воду для чая и разложили на земле подстилки, чтобы можно было удобно сидеть. Пока женщины занимались всем этим делом, мужчины и дети собрались в кружок, обсуждая различные моменты только что состоявшегося боя и даже изображая его в лицах. То и дело они принимались хохотать и опять хлопали по спине Конана и Аклака.

Конан стоял среди веселых смеющихся людей, скрывая боль от растревоженных ран и неимоверную усталость. Эта схватка исчерпала его пока еще невеликие силы. Он тихо радовался, что племя Сонги приняло его к себе, что его откармливали не для того, чтобы съесть

во время какого-нибудь праздника, что они не собираются принести его в жертву своим кровавым богам. Можно надеяться, теперь с большим основанием, что у них и богов-то таких нет. В общем, все хорошо, что хорошо кончается.

Аклак и статная седая женщина подвели к Конану Сонгу, которая выглядела очень скромно и застенчиво. Но как только она разглядела, что рана у Конана опять открылась и оттуда сочится кровь, она гневно повернулась к брату, сказала ему что-то резкое и даже ударила его в бок твердым кулачком. Аклак поймал ее за руку и в первый раз обратился прямо к Конану.

— Сонга чересчур груба и слишком много себе позволяет, — сказал он торжественно-печальным тоном. — Она не умеет уважать настоящего охотника, мужчину. Она сердила тебя, потому что плохо обращаласьс тобой. — Аклак скорчил на удивление ханжескую физиономию. — Ударь ее, чтобы она знала свое место и вела себя в дальнейшем прилично, как подобает женщине.

Слушая его, люди примолкли и обратились во внимание. Сонга смотрела на Конана настороженными глазами. Он чувствовал, что все это неспроста, но не мог догадаться, какого ответа от него ждут. После некоторого колебания он сказал:

— Много дней Сонга ухаживала за мной. Она к вылечила меня и научила вашему языку. Она обратилась со мной как нельзя лучше. Я не могу упрекнуть ее ни в чем.

— Чепуха, — возразил Аклак. — Она плохо обращалась с тобой. Это все знают. Она пнула тебя ногой в тот день, когда вы встретились, перед тем как позвала людей, чтобы они принесли тебя сюда. Она сама рассказала об этом.

Конан упрямо тряхнул черной гривой:

— Все равно я не ударю ее. Я обязан ей жизнью.

Аклак бросил ему с насмешкой:

— Речные люди боятся своих женщин. Посмотрите на него, он боится Сонги!

Атупаны начали хихикать и подталкивать друг друга локтями. Неожиданно в разговор вступила Сонга.

— О да! Таргокины братья позволяют своим женщинам обижать их, — язвительно проговорила она. — Мужчины его племени никогда не бранят их, даже когда они провинятся. Вот, глядите, я покажу, — Приблизившись к Конану, она ударила его несколько раз в грудь. — Видите, он боится меня! — Она подняла руку и сильно царапнула его ногтями по щеке.

Легким молниеносным движением Конан ударил ее по лицу, но, как ни слаб был удар, он сразу остановил ее. Сонга покачнулась и, обняв Конана за плечи, прижалась щекой к его груди.

В толпе раздалось:

— Он ударил ее! Теперь они муж и жена. Так говорили мужчины. Женщины были более эмоциональны:

— Он любит ее! Все видели, он доказал это!

Аклак с широкой улыбкой на лице обнял Конана и продолжающую прижиматься к нему Сонгу:

— Добро пожаловать, брат!

Вот теперь праздник начался по-настоящему. К костру вышли танцоры. Они изгибались, притоптывали ногами и подпрыгивали на месте. Конин и Сонга сидели на почетных местах, и им приходилось пробовать из каждого блюда, прежде чем его передавали другим. Когда все насытились, певцы-сказители принялись петь о том, как духи животных сотворили небо и землю. Конан плохо понимал их пенье, хотя ничего странного в самой идее для него не было. В Киммерии почитали Крома, но детям рассказывали примерно такие же сказки про зверей.

Еда была прекрасной, атупаны веселились вовсю. Сонга очень счастливой, она нежно прижималась к Конану и не сводила с него глаз.

Когда огонь стал угасать, люди начали расходиться по своим хижинам. Этой ночью Сонга так же мало обращала внимание на ужасные раны Конана, как и ее брат несколько часов назад.

Глава IX
ОГОНЬ И КРОВЬ

Подобно взбесившейся реке, толпа хлынула на улицы столицы. Нет, даже не река, скорее, потоки бурлящей лавы, нечто вроде того священного огня, который всемогущая богиня Нинга очистила и уничтожила погрязший в неверии южный город Фаландер. Эти людские потоки, как и любое другое стихийное бедствие, оставляли на своем пути опустошение и разорение: алчное, всепожирающее пламя, руины и обуглившиеся трупы упорствующих в своем заблуждении. Быстрее огня распространялось священное пламя восстания по Бритунии, от родной долины Тамсин до Урбандера и сотен маленьких городков и деревень, а теперь с неотвратимой неизбежностью оно охватило и Саргоссу. Раздуваемое ветрами смуты и недовольном старыми богами, священное пламя грозило уничтожить теперь и храм Амалиаса, и императорский дворец, и даже легендарный Трон Грифона, с восседающим на нем королем Тифасом Лукавым. Беснующаяся толпа ворвалась на площадь, и в центре ее в легкой коляске ехала хрупкая девушка в свободном бледно-зеленой платье с роскошно разодетой куклой в руках. Ее окружал дин ряд копьеносцев, а сзади прикрывали всадники. Коляска с ее вооруженной охраной свободно перемещалась среди всего этого хаоса, фанатичные приверженцы новой веры с обожанием и страхом смотрели на девушку, ведь это была сама Тамсин, великая и непогрешимая верховная жрица, а в руках всемогущая богиня Нинга. В толпе не было человека, который бы не слышал о том, что именно хранится в новом, посвященном Нинге храме, об этом красноречивом доказательстве ее всесилия — отрубленной голове, из которой не текла кровь, которая не дышала; но тем не менее жила, претерпевая ежесекундно нечеловеческие муки, на которые обрекла ее Нинга… И никогда-никогда не умирала…

Во всей Бритунии остался неразрушенным один храм Амалиаса, главный храм столицы последний и самый мощный бастион старой веры, его верховный жрец поклялся остановить вздымающуюся волну ереси… а если понадобится — вступить в единоборство с самой ведьмой Тамсин.

Именно здесь король Тифас разместил своп лучшие войска. Еще до появления Тамсин вблизи столицы он заявил своим генералам: "Пусть беснуются, сколько хотят, пусть перебьют друг друга в хмельном раже, пусть даже разрушают на своем пути храмы. Мои гвардейцы сумеют их остановить, очистив от этих негодяев главную площадь, сокрушат их окончательно".

И все же королевские гвардейцы с алебардами в руках продолжали ожидать приказа смести зарвавшихся мятежников с лица земли. Тифас, со свойственной ему практичностью, не хотел рисковать армией, когда, возможно, и одного человека окажется достаточно. Он стоял на самой высокой башне своего дворца, прилегающего к храму, и наблюдал за происходящим внизу. Рядом с ним неподвижно замерли двое сигнальщиков с флажками.

Двери храма рама распахнулись, и перед толпой, запрудившей площадь, появился белобородый Эпиминофас, верховный жрец сильно изменился с тех пор, как несколько лет тому назад впервые встретил Тамсин. Его широкая борода поседела, он заметно осунулся, лицо потеряло былую холеность и пухлость, ы в нем появилось даже какое-то аскетическое благородство. Легкими уверенными шагами он прошел вперед и остановился у края верхней ступени. Вместо расшитых золотом риз, которые он носил раньше, на нем было простое серое одеяние без каких-либо украшений.

Эпиминофас не стал спускаться вниз и подвергать себя риску быть схваченным буйными приверженцами новой веры. За его спиной выстроился ряд опоясанных мечами воинов, вполне

достаточное прикрытие, если толпа вздумает штурмовать ступени. Сами ступени, для того чтобы подчеркнуть величие Амалиаса и показать ничтожность поклоняющихся ему, были высотой в половину человеческого роста, и взобраться по ним стоило немалого труда. Эпиминофас стоял на верхней, десятой ступени, откуда ему была видна вся площадь, в то же время не подвергая себя непосредственной опасности.

Смотреть отсюда — и то было страшно: море голов угрожающе колебалось, вздымались руки, потрясая самодельным оружием, реяли на ветру знамена. Кроме того, здесь было несколько транспарантов, которые несли человек двадцать, а то и больше. На этих транспарантах было изображено разрушение Фаландера огнедышащими вулканами, сцены избиения фанатичными поклонниками Нинги непокорных жрецов и подобные леденящие кровь картины. Однако они казались вполне уместными на фоне разграбленном пылающего города.

На дальнем конце площади появилась коляска, в которой ехала Тамсин, но Эпиминофас не стал дожидаться ее приближения.

— Дети Амалиаса! — Его званый голос перекрыл грозный рокот толпы и эхом отразился от зданий, окаймляющих площадь. — Заблудшие сыновья и дочери, приветствую вас у стен обители вашего Отца и его слуг.

Мятежники, пораженные его приветливым тоном, смолкли и начали прислушиваться, вскоре установилась тишина, нарушаемая лишь конским ржанием и шарканьем ног по мостовой. Эпиминофас достиг того, что казалось абсолютно невозможным: его согласились выслушать.

— Знаю, что некоторые из вас потеряли веру в священное могущество своего Доброго Отца Амалиаса и, как неразумные дети, отказываются покориться и выполнить волю своего родителя. Другие желали бы сровнять с землей сию святую обитель — его храм. Многие позволили сомнению и ереси проникнуть в их сердца. — Эпиминофас широким жестом обвел рукою площадь, показывая, что взывает ко всем присутствующим. Не обращая внимания на шиканье и улюлюканье, он продолжил: — Вот почему я рад, что вы пришли сюда. Из толпы заорали:

— Нинга — наша богиня!

Будто не слыша, Эпиминофас повторил:

— Я рад, потому что Добрый Отец Амалиас излечит ваши пораженные сомнением души и примет вас в свои объятия. Его храм — обитель мира и благости. Никто не знает этого лучше, чем я… ведь еще недавно я ничем не отличался от вас! Я тоже страдал неверием!

Услышав такое небывалое признание, смолкли последние буяны. Верховный жрец не преминул воспользоваться наступившей тишиной:

— Узнайте же, братья бритунийцы, что мой грех и моя вина намного больше вашей, ибо даже тогда, когда я внутренне отвергал Отца нашего Амалиаса, я продолжал облачаться в священные одежды его слуг и преклонять колени у его алтарей. Не было веры, но я не заявил об этом открыто, а скрывал сию тайну под покровом благочестия. Я лицемерно притворялся, будто следую заповедям Амалиаса, а сам боялся лишь одного — лишиться своего положения, власти и накопленных богатств.

Снизу кто-то закричал:

— Каков каналья! Да ты и сейчас делаешь то же самое! Зачем притворяться?

Его поддержал другой:

— Все они нас обкрадывают! На костер их!

Эпиминофас воскликнул:

— Да, мои проповеди были пусты! Мои цели — пусты, признаю! — Его искренняя страстность заставила крикунов умолкнуть. — Моя двуличность способствовала тому, что в ваших душах были посеяны семена ереси. Я скорблю об этом! Я горько скорблю об этом!

— Нинга — наша богиня! — вновь послышалось с площади.

Эпиминофас переждал, пока стихнут крики, и заговорил опять:

— Что же преобразило меня? Выслушайте, бритунийцы, мой рассказ. Видя силу врагов Амалиаса, я задал себе вопрос: воистину ли велика их сила? Я спросил себя и теперь спрашиваю, братья, неужели этот грандиозный храм, — театральным жестом жрец указал на исполинские стены за своей спиной, — основан на ложной вере? Неужели заблуждались бесчисленные поборники сей веры.

— Да, заблуждались! — закричали внизу.

— Нет, не заблуждались! — горячо возразил Эпиминофас. — И я докажу вам это! Но для начала я спрошу вас, возможно ли, что все учение Амалиаса, его заповеди, пророчества и откровении не что иное, как пустые бредни? Возможно ли, что из поколения в поколение мы учили своих детей мнимым истинам? — Предусмотрительно не дожидаясь ответа, верховный жрец со всей убедительностью провозгласил: — Нет, этого не может быть! И если боги существуют, значит, существует и Амалиас — величайший из богов! Бритунийцы, говорю вам, я спускался в катакомбы, тайные подземные кладбища, изучал там петроглифы, корпел в хранилищах над пергаментами, столь древними, они рассыпались под моим взглядом. Я докопался до самых глубинных корней нашей с вами религии и я торжественно заявляю вам: Амалиас был, есть и будет!

— Чушь! Чепуха! Вздор! — завопили мятежники. — Хватит нести околесицу!

— Это наша Нинга вернула тебе веру, а не твой старый мертвый бог! — прокричал кто-то из первых рядов.

— Готов согласиться, — откликнулся Эпиминофас, — я в долгу перед колдуньей Тамсии и куклой Нингой за то, что они доказали мне существование магических чародейских сил, во что я уже и верить-то перестал. Мы все в долгу перед ними за то, что они пробудили нас ото сна…

—Смотрите на него хорошенько, приверженцы истинной веры! — перебил его какой-то насмешник. — Именно благодаря ему наша Нинга прошла обряд Наречения! Запомните его — он трус!

По толпе прокатился хохот, но Эпиминофас не собирался сдаваться.

— Да, запомните меня, потому что я первый понял божественный промысел Амалиаса, который решил вот таким путем очистить и возродить наше религиозное рвение. Настанет час — и Амалиас явит свое могущество. Вот тогда Нинга и все другие боги содрогнуться и отступят. Знайте же, бритунийцы, вам на роду написано оставаться в старой, чистой вере, а не прельщаться суесловными посулами колдуньи — Он направил указующий перст на легкую коляску, которая наконец приблизилась и остановилась у ступеней храма. — Поймите, бог — не истрепанная метла, которую бросают в огонь, когда она отслужит свой срок, и заменяют новой! Подумайте, чего вы лишитесь, отказавшись от заступничества Амалиаса, и что приобретете, поклоняясь омерзительной кукле, возникшей неизвестно откуда, словно поганка на навозной куче!

Толпа заревела от ярости, услышав последнюю фразу жреца. В него полетели камни, но он находился слишком высоко и далеко и посему не мог пострадать от них серьезно. Вся масса людей разом прихлынула к храму, так что некоторые оказались даже придавлены, другим удалось вскарабкаться па первую ступень, и они полезли вверх, воодушевляемые воинственными криками своих сограждан.

— Он оскорбил Божественную Нингу! — орал какой-то фанатик. — Смерть богохульнику!

Эпаминофас не обращал на них внимания. Преклонив колена, он принялся истово молиться.

— О небесный Отец наш Амалиас! О величайший из великих! — взывал он, простирая руки к грозовым тучам над головой. — Если слышишь ты своего смиренного слугу, будь милостив ко

мне, ничтожному, подай знак, пошли на землю дождь!

— Смерть ему! — слышалось из толпы. — Заткните ему глотку! Хватит морочить нам головы мертвым продажным богом!

Но именно в этот момент, будто отвечая молитвам верховного жреца, над площадью глухо прогреми гром. Звук был слабый и отдаленный, словно где-то далеко в вышине открылась какая-то небесная дверь. Спустя несколько мгновений закапал мелкий робкий дождик, потом он усилился, и на землю полились прямые тяжелые потоки. Вдали опять приглушенно загрохотало, но мятежники ничуть не оробели.

— Эй, старый болван! Мы тебе все равно не верим! Это наша Нинга принесла дождь, а не твой никчемный Амалиас! Наша Нинга сильнее всех богов, вместе взятых! Она смеется над тобой!

Не слушая их, Эпимииофас воскликнул:

— О благодарю тебя, всемилостивый Амалиас, за твой знак! Я просил тебя о дожде, и ты послал дождь, ты ответил мне! Запомните же, люди сей великий день! А теперь, молю тебя, о величайший из великих, яви нам еще раз свое могущество, пусть грянет гром и сверкнет молния!

Едва Эпимииофас успел договорить, как на западе вновь глухо зарокотало, в отдалении блеснула молния, потом еще раз, уже совсем рядом. Гроза приближалась к городу.

— О всевластный Отец наш! — возвысил голос верховный жрец, впадая в священный экстаз. — Заклинаю тебя, помоги мне открыть глаза сомневающимся! Заклинаю, сразу неверующих!

Но ничто уже не могло образумить неистовствующую толпу. Бешеная атака на храм не только не прекратилась, стала еще более ожесточенной. Мятежники добрались до верхней ступени и напали на воинов. охраняющих Эпиминофаса.

— Шарлатан! Обманщик! — кричали мятежники. — Твой немощный Амалиас только и годен на то, сверкнуть в небе раз-другой какой-то убогой молнией, а наша Нинга топит города в море огня!

Восставшие еще больше воспряли духом, когда длинные широкие транспаранты с нарисованными картинами победоносного шествия Нинги и Тамсин по Британии опустились. Защитникам храма попятно теперь их назначение: транспаранты скрывали собой шеренги всадников в полном вооружении. В них не сложно было угадать отборных солдат наместника северной провинции, тем более, что почти сразу над ними взвился стяг с гербом мятежного лорда Исэмбарда.

— Виват кавалерии! — послышались крики. — Нинга или смерть!

— Ха-ха, умирающий бог послал дождь, думает, оружие наших бойцов заржавеет! — проорал какой-то шутник, но не успел его голос смолкнуть, как дождь стал затихать, а вскоре и вовсе прекратился.

— Великий Амалиас! Настала минута, когда… а-а-а!.. — Договорить верховный жрец не успел. Стрела арбалета со свистом пронеслась над толпой и вонзилась прямо в его сердце. Эпимииофас рухнул как подкошенный и умер на месте.

— Радуйтесь, британийцы! Лжепророк мертв! Наша Нинга опять победила! — И, словно подтверждая эти слова, где-то далеко замолкли последние ополоски грома.

Король Тифас, стоя на башне со своей немногочисленной свитой, увидел, как погиб верховный жрец. Немедленно прозвучал приказ, и замелькали семафорные флажки. Уже спустя несколько секунд гвардейцы короля выдвинулись вперед и заняли позиции, преграждая путь ко дворцу.

Кто же победит в этой битве? Отлично обученные, дисциплинированные гвардейцы на прекрасных лошадях, с великолепным вооружением и огромным опытом подавления уличных

беспорядков или относительно малочисленные, но не менее закаленные северные воины, за спиной у которых бушевало море разъяренных фанатиков? Никто не решился бы предугадать исход такого сражения. Зато любому было ясно, какой ущерб будет нанесен дворцу, храму, садам и всем прилегающим усадьбам знатных горожан. И король Тифас предложил Тамсин заключить временное перемирие.

Парламентером был послан командующий дворцовой стражей, который пригласил Тамсин и Исэмбарда пожаловать во дворец на переговоры с королем. С ними отправился названый брат Тамсин Арль и трое знатных вельмож с севера, приближенных Исэмбарда.

Толпу, оставшуюся на площади перед храмом обуревали смешанные чувства: ликование, разочарование, подозрительность и страх. Гроза, вызванная Эпиминофасом, ушла к югу. Большинство мятежников втайне радовались, что Нинга удовлетворилась простой арбалетной стрелой, а не своим наводящим ужас колдовством и великой битвы между старым богом и новой богиней не состоялась. Другие же были несколько разочарованы, лишившись такого эффектного зрелища, и считали, что их попросту надули. Правда, еще неизвестно было, чем закончатся переговоры во дворце, возможно, схватка между бойцами-северянами, сторонниками Тамсин и королевскими гвардейцами еще возобновится. Пока же те и другие выжидали, стоя друг против друга в полной боевой готовности. Ну, а толпа меж тем развлекалась, бесчинствуя в храме: срывала со стен расшитые золотом драгоценные ткани, опрокидывала статуи и вылавливала немногих оставшихся жрецов — ведь вскоре должны были состояться публичные казни тех, кто откажется отречься от старого бога Амалиаса.

Беспокоились бунтовщики лишь об одном: как бы подлый и коварный король Тифас, несмотря на всю защиту Божественной Нинги, не захватил в плен Тамсин с ее маленькой свитой. А ведь он может попытаться даже убить ее! Или, что тоже вполне вероятно, вдруг они опрометчиво согласятся пойти на какой-нибудь непродуманный компромисс с тираном и все их восстание окажется напрасным? Но нет, это невозможно, Нинга ни в коем случае не допустит такого несчастья…

Маленькая процессия во главе с Тамсин переступила порог дворца. Они шли по запутанному лабиринту коридоров, с поднимающимися при их подходе заградительными решетками, через вестибюли с множеством дверей, ведущих неизвестно куда, пока наконец не пришли в главный Тронный зал. Король специально выбрал его для данного случая, желая поразить мятежников его великолепием. В гигантских сводчатых палатах под восьмиугольным окном изумительной красоты, составленным из десяти тысяч разноцветных прозрачных драгоценных камней, вставленных в тончайшую металлическую решетку, стоял знаменитый Трон Грифона.

Во всей Бритунии не нашлось бы человека, который не слышал о нем. Трон был высечен из единой глыбы черного как ночь камня в виде крылатого льва с орлиной головой, сидящего на задних лапах. Клюв его был из чистого золота, острые когти вырезаны из громадных изумрудов, рубиновые глаза горели кроваво-красным пламенем. Полураспростертые платиновые крылья покрывала мозаика из перламутра. Король сидел на пышной подушке между передних лап чудо-зверя, которые упирались в задние, и над ним, словно балдахин, нависала орлиная голова с золотым клювом.

Сам король в простом пурпурном камзоле, отделанном узким золотым кантом, с золотой перевязью для сабли и тонким золотым обручем-короной на лысеющей голове выглядел гораздо менее внушительно, чем его трон. Тифас погрузнел в последние годы: когда-то стальные, мускулы стали дряблыми, обветренная бронзовая кожа ветерана многих кампаний побледнела, в лице появилась одутловатость, прямая выправка победителя сменилась сутулостью, естественной для человека, которому приходится подписывать бесчисленное множество указов

и целыми днями просиживать на приемах и советах. Однако быстрый, цепкий взгляд короля говорил о том, что Тифас отнюдь не потерял своей былой изобретательности и энергии.

Когда Тамсин в сопровождении своих сторонников и одного из вельмож вошла в зал, придворный церемониймейстер торжественно объявил:

— Ваше величество! Первый советник королевства Бритунии испрашивает вашего милостивого разрешения представить вам мятежного лорда Исэмбарда, нынешнего правителя северной провинции и Урбандера, объявленную вне закона колдунью по имени Тамсии, ее названого брата, колдуна по имени Арль, и трех объявленных вне закона лейб-гвардейцев из северной провинции.

— Пусть приблизятся.

Повинуясь жесту короля, церемониймейстер подвел Тамсин, Исэмбарда и первого советника к подножию трона. Арль с лейб-гвардейцами остался стоять в небольшой толпе придворных и верховных офицеров короля. Приблизившись к возвышению, на котором находился трон, первый советник преклонил колено и низко поклонился — этим знаком уважения и покорности мятежники подчеркнуто пренебрегли.

— Мы вынуждены упрекнуть нашего придворного церемониймейстера, — любезным тоном произнес Тифас, — впрочем, наверное, его следует сварить в масле, как это стало модным в последнее время, — за то, что он по преступной небрежности не упомянул среди присутствующих имя богини Нинги. Я исправлю его ошибку: привет тебе, Нинга, вдохновительница восстания северных провинций, восстания столь грандиозного, что оно даже привлекло наше королевское внимание.

По выражению лица Тифаса невозможно было догадаться, то ли он иронизирует, то ли, по своему обыкновению, ведет какую-то хитрую игру. Церемониймейстер, судя по мертвенной бледности блестящего от пота лица, склонен был серьезно отнестись к словам своего господина и повелителя. Подозрительный и обидчивый лорд Исэмбард неуверенно посмотрел на Тамсин, не зная, как расценить слова короля.

Тамсин же, в отличие от него, нисколько не колеблясь, ответила сразу:

— Благодарю тебя, Тифас, за то, что ты первым го окружения воздал должное Нинге. Твои подданные уже давно осознали ее божественную сущность.

На короля ее прямой бесхитростный ответ произвел должное впечатление. Он поморгал, приходя и все так же приветливо произнес:

— Сидя во дворце, за высокими стенами, не всегда легко угадать, чем может кончиться волнение, охватившее какой-нибудь далекий маленький город.

— А хоть бы и так, — вмешался в разговор Исэмбард, явно желая вставить и свое слово. — Довольно-таки, знаете ли, неудобно королю заявлять, будто он ни о чем не догадывается, когда в стране происходят невиданные чудеса, исполняются древние пророчества, сотрясаются троны — и старого, никчемного бога сменяет новая, единственно истинная богиня.

— Лорд Исэмбард, я требую, чтобы вы проявляли подобающее почтение, разговаривая…

Король махнул рукой, приказывая своему первому советнику замолчать. Он терпеливо ответил Исэмбарду, не проявляя ни раздражения, ни гнева.

— Когда простолюдины начинают рассказывать о невероятных происшествиях, трудно относиться к этому серьезно, ведь они необразованны и простодушны, любой при желании может их одурачить. Нам ли этого не знать, — усмехнулся Тифас. — Ну, а что касается сотрясающихся тронов, то, уверяю тебя, мой так называемый наместник, тебе незачем беспокоиться о троне Бритунии, он не про твою честь и стоит так же незыблемо, как и раньше. Мы призвали вас на эти переговоры исключительно тому, что нам так удобно, а не потому, что боялись за свою королевскую власть. А вот тебе, Исэмбард мы бы посоветовали быть

поосторожнее, чтобы ненароком не лишиться того, что ты имеешь сейчас.

— Король осознает божественную сущность Нинги, но сомневается в том, что она способна творить чудеса, — заметила Тамсин. — Мне это странно. Знай же, Тифас, Нинга не жалует маловеров.

— Полно, госпожа колдунья, — непринужденно улыбаясь, обратился к ней король, — не пытайся убедить нас в том, чего просто не может быть! И не морочь нам голову россказнями о сверхъестественных силах, якобы присущих твоей кукле, мы тебе, извини, не поверим! Да если бы я принимал все это за чистую монету, мы сейчас не беседовали бы тут так мирно, да тебе бы и нужды в этом не было, разве не так? Будь же благоразумна и выслушай, что я скажу. За годы моего правления, когда мне постоянно приходилось иметь дело со жрецами Амалиаса, я успел неплохо разобраться в том, что они собой представляют, так что не будем дурачить друг друга, а поговорим здраво. Я уверен, мы сможем договориться.

— Если ты хочешь сказать, что Божественная Нинга ничем не лучше этого слабого, никчемного Амалиаса, — снова вмешался Исэмбард, — тогда ты оскорбляешь нашу веру!

— Нет, нет, ничего подобного я не имел в виду, — спокойно ответил ему Тифас, продолжая не сводить глаз с Тамсин. — Как может идти речь о какой-либо слабости, когда ваши сторонники разгромили уже не один город и стоят буквально на пороге моего дворца. Нет, я прекрасно сознаю, что Нинга очень и очень сильна. Именно этим она мне так нравится. Однако, — продолжил король, — можете не признать, что во время недавнего диспута с ныне покойным верховным жрецом Эпаминофасом богиня Нинга проявила изрядный здравый смысл, понадеявшись больше на стальной наконечник стрелы арбалета, чем на чудодейственные силы. Она не превратила храм в груду развалин своим взглядом, не сожгла небесным огнем и не развеяла прах по ветру. Вместо этого она приказала арбалетчику целиться получше. В итоге была истрачена всего одна стрела. Мне по душе такая бережливость! Вот почему, перед лицом неопровержимых фактов, свидетельствующих как об уме, так и о могуществе богини Нинги, — король вновь заговорил официальным тоном, — мы предполагаем воспользоваться всей силой королевской власти, дабы поддержать новую истинную веру и сокрушить окончательно неблагоразумных почитателей старого бога Амалиаса, если таковые обнаружатся. Мы готовы незамедлительно объявить народу о принятом нами решении и лично принять участие в отправлении соответствующих религиозных обрядов, естественно при условии, что они не будут унижать наше королевское достоинство. Богиня Нинга станет главной среди богов Бритунии.

Находящиеся в зале слушали речь короля в полном молчании: стражники с непроницаемыми лицами, придворные настороженно, некоторых верховных офицеров явно обуревали двойственные чувства, церемониймейстер и первый советник просто не могли прийти в себя от изумления. Исэмбард, несколько минут тому назад кипевший от ярости, теперь злорадно усмехался. И лишь Тамсин не утратила своей безмятежности, — казалось, она ничуть не удивлена.

— Итак, Тифас, ты предлагаешь Божественной Нинге занять место старого, скверного бога Амалиаса, а бритуиийцам по-прежнему остаться под твоим гнусным правлением, вместо того чтобы начать новую светлую и добродетельную жизнь. Я тебя и правильно поняла?

Приближенные короля буквально ахнули, услышав столь дерзкую речь, Тифас же только едва заметно помрачнел.

— Выбирай выражения, жрица!.. Впрочем, трудно было бы ожидать чего-то другого от тебя, раздувшей весь этот мятеж. — Он покачал головой и нахмурился — Но я готов сделать вид, что ничего не слышал и попробовать еще раз обратиться к твоему разуму. Вынужден напомнить тебе, что в своем нежном возрасте ты не имеешь никакого представления о том, как трудно управлять таким обширным королевством, как Бритуния. Для этого нужен, в первую очередь большой опыт,

и то постоянно возникают проблемы столь сложные, что даже у искушенного государственного мужа голова может пойти кругом. — К королю, в жизни которого еще не было случая, чтобы он не сумел повернуть дело к собственной выгоде, вернулось самообладание, и Тифас даже улыбнулся Тамсин. Уж кто-кто, а Тифас умел владеть собой. — Пойми, дитя, как бы ты не жаждала власти, это бремя не для твоих слабых девичьих плеч, хотя ты, конечно, уже успела проявить себя незаурядным стратегом и тактиком. Нет, Тамсин, такой юной прелестной девушке, как ты, вовсе ни к чему мой жесткий, неудобный трон, он будет тебе в тягость.

— Да, ты прав, — неожиданно для всех поддакнула королю Тамсин. — Твой трон уродлив. Такой тяжелый, черный… он совсем не годится для этого красивого зала, ты согласна со мной, Нинга? И вид у него какой-то угрожающий…

Завороженные странными словами колдуньи, все уставились на Трон Грифона и обомлели от неожиданности: живой огонь вспыхнул в рубиновых глазах чудо-зверя, он втянул свои жуткие когти и снова выпустил их, его передние лапы пришли в движение.

— Да, этот Грифон мне положительно не нравиться, — объявила Нинга. — Пусть уберется отсюда… вместе с тобой, Тифас!

Король, пребывавший до этого момента в непонятном оцепенении, встрепенулся и хотел соскочить с трона, но не тут-то было: крылатый лев уже сжимал его каменными лапами, острые изумрудные когти все сильнее и сильнее впивались в грудь несчш короля, который принялся отчаянно кричать:

— Тамсин, пощади! Великая богиня Нинга, я хотел тебя обидеть, отпусти меня! Ай! Ой! Ой!

Стражники, стоящие по обеим сторонам от трона выхватили мечи и набросились на Грифона, пытаясь спасти своего короля, но что могли они сделать с каменным чудовищем! Один лишь удар длинного хвоста — и оба покатились кубарем, звеня мозаичный пол своими доспехами.

Не выпуская извивающегося, вопящего Тифаса из когтистых лап, Грифон расправил платиновые крылья. Перламутр засверкал на них всеми цветами радуги в бликах, падающих из восьмиугольного окна-витража. Затем произошло и вовсе невиданное: лев с орлиной головой взмахнул крыльями другой, поднялся в воздух и сделал круг над онемевшими от ужаса людьми, а затем устремился прямо в окно, обсыпав стоящих внизу миллионом разноцветных осколков.

Толпящиеся на площади перед храмом мятежники увидели невиданное зрелище: из дворцового окна вылетел страшный черный демон, похожий на священного Грифона, в когтях он нес самого короля Тифаса, который не переставая кричал, потому. острые когти и клюв терзали его плоть даже на лету. Грифон поднимался все выше и выше, пока не исчез за тяжелыми свинцовыми облаками.

А в это время придворные и стражники в Тронном зале не смели двинуться с места, опасаясь, что Тамсин, а вернее, богиня Нинга еще не окончила своих кровавых забав. Первый советник после секундного колебания упал на колени и склонил голову, демонстрируя свое смирение и покорность. Лорд Исэмбард пребывал в нерешительности чуть дольше, с трудом отвел глаза от лежащей на полу королевской короны и последовал примеру первого советника.

Тамсин не обратила на них никакого внимания. Она тоже заметила корону, легкими шагами подбежала к ней и схватила, воскликнув с детской непосредственностью:

— Ой, Нинга, ты посмотри только, какая красивенькая!

И с той же непосредственностью она водрузила золотой обруч — олицетворение королевской власти — на свою светлую головку, а не на тыквенную голову куклы.

Глава X
ПОЖИРАТЕЛЬ ДЕРЕВЬЕВ

Находясь среди атупанов, Конан скоро позабыл, что жил когда-то другой жизнью. Он любил бродяжничать и всегда был легок на подъем. Таковы были и атупаны. Они часто кочевали с места на место, перемещаясь вслед за мигрирующими стадами. В прежние годы в своих многочисленных странствиях Конан как-то даже и не успевал, тосковать по родине, но сейчас ему казалось, будто он вернулся домой, настолько близки были ему веселые, дружелюбные атупаны, настолько нравилась простая и естественная жизнь, в которую он окунулся.

Конану пришлось перенести настоящий допрос на совете старейшин, куда он был призван. В самой большой хижине собрались мудрейшие из мудрых, а также сказители, которые тоже считались достойными этой чести. Посередине горел огонь, в который время от времени подбрасывали пахучие травы, дабы еще больше увеличить остроту и так всеми признаваемого ума высокого собрания. Была здесь и Нуна, мать Сонги, которая когда-то не уступала лучшим охотникам племени.

Старейшины одобрительно хмыкали, разглядывая Конана, им понравился этот рослый богатырь, способный постоять за себя, и они с уважением отнеслись к его шрамам, однако, когда они принялись задавать ему вопросы, для того чтобы оценить его знания о происхождении земли и тому подобных вещах, веселью их не было предела. Старейшины хохотали до слез, слушая, как он запинается и путается в самых простых, по их мнению, ответах. Конан злился и краснел, но вытерпел эту процедуру, потому что сознавал, что его собственные соплеменники отнеслись бы к чужестранцу примерно так же кроме того, Сонга была рядом с ним и то и дело клала ему на плечо добрую ласковую руку. Поэтому киммериец стойко вынес допрос и согласился разобраться в священных для атупанов небесны демонах и духах зверей, сотворивших леса и землю.

Конан легко и естественно вошел в жизнь племени. Терпеливо сносил стишки-дразнилки, которыми его любили преследовать юные девицы, еще не нашедшие себе пары. Они относились к киммерийцу с большим интересом, явно завидуя Сонге. Малолетки, если только не играли во что-нибудь или слушали истории сказителей, тоже не оставляли его своим вниманием. Он ходил на охоту, помог делывать шкуры, иногда принимал участие в забавах молодых атупанов, всегда готовых помериться силой и ловкостью. В этих развлечениях не последними были охотницы, включая нескольких недавно украденных девушек из соседнего племени.

Атупаны хорошо относились к Конану. Они довольно скоро привыкли к его иноземному облику и снисходительно посмеивались, видя его прямо-таки ненормальную любовь к Сонге. Правильнее сказать, их настолько забавляла, что в стойбище им было никуда не деться от любопытных глаз. Конан же в Киммерии привык к более сдержанным и скромным манерам, а также более солидным стенам из бревен, — впрочем, не исключено, что его испортили годы, проведенные в цивилизованных странах. Так или иначе, Конан частенько отправлялся вместе с Сонгой на весь день на охоту. Когда они в сумерках возвращались домой, вид у них был счастливый, но похвастаться им, как правило, было нечем: несколько рыбешек или небольшая связка вот и все, что они приносили. Атупаны улыбались и молчали.

Благодаря природной силе и смекалке Конан без труда завоевал себе уважение. Ему уже было известно многое из того, что необходимо для жизни в лесах, и он с готовностью учился новому. Конан узнал, где и как добывать соль, кремень, глину для горшков, красящие вещества, твердую древесину, луб, лыко, он выучил названия и мог распознать десятки съедобных и

целебных растений. Атупаны показали неведомые ему способы делать ловушки, строить жилища, разводить огонь. Чем больше он узнавал, тем большим уважением проникался к новым соплеменникам.

* * *

Однажды в лесу он вспомнил о том, что его давно тревожило, и спросил у Аклака, предводителя их маленького отряда: кто бы это мог украсть из-под носа матерого оленя и не оставить после себя никаких следов. Зверь или демон?

Аклак, который до того спокойно сидел опершись на громадный валун, пробурчал что-то невнятное, встал на ноги и внимательно осмотрелся, втянув в себя несколько раз воздух. Сонга и два молодых охотника, Глубал и Джад, глядели на него тревожными глазами. Наконец Аклак заговорил, в голосе его звучала покорность судьбе:

— Об этом нельзя спрашивать, это нельзя вспоминать или называть по имени, иначе всех нас постигнет ужасный конец. Потому лучше молчи.

Конан, уже привыкший к простой жизни среди атупанов, приспособился и к их простым законам, одним из главных среди которых являлось беспрекословное послушание старшему. Посему он, не говоря ни слова, пожал плечами и отправился вслед за другими. Правда, теперь он шел еще осторожнее, чем раньше.

Сегодня, как сказали Конану еще утром, предстояло нечто совершенно исключительное. Конан так и не понял, что именно. Путь был неблизким и атупаны не обращали внимания на крупную дичь, попадавшуюся им по дороге, подстрелив только пару птиц да нескольких белок, которые, можно сказать, прямо шли в руки, и только последний болван стал бы упускать легкую добычу. Ну, а средних размеров антилопа беспрепятственно скрылась в лесу, ведь убив ее, пришлось бы вернуться в стойбище. Конан подумал, что дело, ради которого они идут, должно быть действительно чем-то особенным, раз они пропустили такую отличную антилопу.

Их путь лежал через неглубокие лощины и пологие холмы. Если бы они продолжали идти на восток достаточно долго, то они дошли бы до более крутых и высоких гор, видневшихся на горизонте. Кругом простирались леса. Иногда деревья росли очень густо, главным образом на дне лощин и на вершинах холмов, иногда на каменистых осыпях пропадали совсем, но везде дорога была очень плохая: подлесок, лежавшие на земле стволы, множество валунов. Если бы не звериные тропы, продираться сквозь заросли было бы еще труднее.

В привычном молчании людей, привыкших к долгой и быстрой ходьбе, маленький отряд двигался к неизвестной Конану цели. Через несколько часов пути они дошли до подножия высокой скалы, сложенной базальтами. Пока они огибали ее, Конан все время подозрительно посматривал наверх. Ему казалось невероятным, что все эти многогранные столбы, четко вырисовывающиеся на фоне неба, могли образоваться без участия человеческих рук. Слишком уж у них был правильный вид, хотя, с другой стороны, никакие люди не смогли бы обтесать такое множество столбов, да и зачем? Скорее, тут не обошлось без богов. Конану очень не нравились ни сами столбы, ни массивные шестиугольные плиты, потрескавшиеся от времени. Если такая махина, соскользнув сверху, врежется в дерево — снесет любое.

Выбравшись из очередного бурелома, Конан взглянул вперед и буквально обомлел. Прямо из чащи леса к небу поднималась высокая круглая башня, сужающаяся кверху. Она была светлая, намного светлее серых базальтовых скал и, по всей видимости, не имела к ним никакого отношения. Приглядевшись, Конан заметил под обвивающими ползучими растениями сплошную каменную стену. Ни окон, ни бойниц на башне видно не было.

— Кром! — вырвалось у Конана. Посмотрев на своих товарищей, он понял, что для них странная башня не явилась неожиданностью. Скорее, их интересовала его реакция.

— Дивись, речной человек! — Аклак покровительственно улыбнулся киммерийцу. — Перед тобой Великое Каменное Дерево, его сотворил дух белки Шуксы, чтобы прятать орехи, украденные у барсука Твика. А Твик сделал подкоп и забрал все орехи, но он сильно рассердился и запретил Шуксе спускаться на землю. С тех пор все белки живут только на деревьях. Однако Каменное Дерево он не сломал, а оставил как напоминание. Пошли, подойдем поближе, я покажу тебе кое-что.

Они начали продираться сквозь густую поросль. Какое-то слабое подобие тропинки указывало на то, что люди хоть и редко, но все же здесь бывали, если только это не звериная тропа. Вполне вероятно где-то тут находились еще и другие руины, но лес разросся так густо, что найти их было уже невозможно. Кроме того, Конану пришло в голову, что нельзя оценить также истинную высоту башни, ведь она стояла у самой скалы, и неизвестно, сколько обломков свалилось сверху и на какую глубину завалено ее основание. Если судить по тому, что никакого входа в башню не было видно, так оно, скорее всего, и случилось.

— Видишь стену? — спросил Аклак, подведя Конана к самой башне. — Любой охотник — любой смелый атупанский охотник — может взобраться по ней наверх.

Оглядев повнимательнее поверхность стены Конан лишь хмыкнул. Для него, прирожденного скалолаза, влезть даже на столь высокую башню не составит особого труда. Задачу облегчают стыки между камнями, из которых она сложена, выпуклая резьба, крепкие плети каких-то вьющихся растений, похожих на лианы. Пожалуй, это будет легче, чем взобраться на дерево такой же высоты.

Аклак заговорил вновь:

— Каждый атупанский юноша, а при желании и девушка, подвергаются этому испытанию. Только тогда они считаются настоящими охотниками — или гибнут, если оказываются недостаточно ловкими и сильными. Духи зверей всегда наблюдают за ними в сей великий час.

Конан выслушал своего сводного брата, посмотрел сначала на Глубала и Джада, потом перевел взгляд Сонгу. Та кивнула:

— Мы все туда взбирались, и я тоже. И моя мама, — добавила неизвестно зачем.

Аклак подвел итог разговора:

— Ты поднимешься на башню, спустишься внутрь до самого низа и принесешь нам оттуда что-нибудь в доказательство, что ты там был. Мы будем тебя здесь, а если ты упадешь, отнесем домой твой труп.

На этот раз Конан лишь посмотрел на Аклака и промолчал. Он положил на землю копье и топор, сбросил сандалии, подошел к каменной стене и с силой подергал свисающую плеть, чтобы определить ее прочность. Конан ни на секунду не сомневался в своей способности забраться на башню, зря, что ли, он столько лазил в детстве по скалам, однако киммериец прекрасно понимал, что тяжелое испытание на силу и ловкость атупаны держали еще в отроческом возрасте, когда были легки и проворны, как обезьяны. Его же собственный вес могучего воина может только помешать: не так уж прочны эти лозы, да и выветренный от времени и непогоды камень может запросто обломиться. Хотелось бы знать, понимают ли истинную опасность его новые друзья и Сонга. Выкинув из головы эти праздные, бесполезные мысли, Конан шагнул вперед и поставил ногу на выступ.

Лезть, как он и предполагал, оказалось не так уж сложно. О том, что башня обвалится, он не так уж беспокоился. Уж раз она сумела выстоять столько веков, пережила бури и штормы, сезонные колебания температур, то и его вес она как-нибудь выдержит. Резьба — хоть Конану и было трудно разглядеть что-либо отчетливо, прикасаясь к ней чуть ли не носом, — несомненно,

сделана руками искусных мастеров. Сохранилась она великолепно, иногда Конан даже чувствовал остатки полированной поверхности. Но это не могло обмануть киммерийца: башня, безусловно, воздвигнута в невероятно древние времена, просто ее построили из прекрасного и чрезвычайно прочного камня. Карабкаясь все выше и выше, Конан поглядывал иногда вокруг. Его не переставал мучить вопрос: как же это изумительное сооружение вообще могло очутиться здесь, между базальтовой скалой и лесом? Даже если считать, что деревьям не надо слишком много времени, чтобы вырасти, то уж скала-то выглядела так, словно была здесь всегда, а башня казалась тут ну просто ни к селу ни к городу. Весь ее облик был фантастичен и не сочетался абсолютно ни с чем. Да и манера резьбы, сколько Конан ни напрягал память, даже смутно не напоминала ничего из виденного им в хайборийских странах.

Вне всякого сомнения, башня была возведена в честь какой-то победы. В самом низу на всех без исключения камнях изображались разнообразные батальные сцены с участием либо сухопутных войск, либо кораблей, пылали города, захватывались крепости при помощи таранов и осадных машин, тонули корабли… Конану все эти картины сражений казались странными и нелепыми, может быть, правильнее сказать, чуждыми — настолько был он сейчас от того мира, где происходили подобные вещи, настолько глубоко проникся он простой и естественной жизнью обитателя лесов, охотника и рыбака.

Конана очень интересовало, что его друзья-атупаны думают по поводу этих картинок из камня, если, конечно, их нетренированные, вернее, не привыкшие к такому глаза способны были в них разобраться. Где уж по младенчески невинным дикарям понять, что значат эти, с их точки зрения нелепые, уродливые сооружения, ведь они никогда не видели ничего похожего. Наверное, они кажутся им какими-то диковинными узорами и все, а всадники на конях — кем или чем могут казаться они? Может быть, неизвестными насекомыми? В любом случае, даже если они бы они и поняли, что в настенных изображениях люди убивают людей, какой бредовой несообразной глупостью сочли бы они саму эту идею.

Конан поднялся достаточно высоко, картинки исчезли, сменившись грубым геометрическим узором. Впрочем, действительно, какой от них прок, если их невозможно разглядеть с земли? Конан старался не смотреть больше вниз, чтобы не закружилась голова. Здесь, у самого верха, лиан стало значительно меньше, а их стебли сделались, а их стебли сделались тоньше. Теперь Конан если и рассматривал каменные узоры, то лишь с другой точки зрения: куда лучше поставить ногу и за что лучше ухватиться рукой. Хорошо еще, что не оправдались его худшие опасения насчет крепости камня, он продолжал оставаться прочным и надежным.

Вскоре Конан оказался над кронами деревьев, и на освещенной ярким солнцем стене стало попадаться все больше и больше цветущих растений. Потом Конан сообразил, что жужжание, которое он уже некоторое время слышит, издают множество пчел, перелетающих с одного цветка на другой. Конана даже в пот бросило, когда он представил себе, что с ним будет, если они всем скопом на него налетят но, к счастью, пчелы занимались своим делом и не обращали на великана-варвара никакого внимания. Как он будет спускаться вниз, Конан старался не задумываться.

Ну, а пока он был уже совсем близко от вершины башни, и вот уже ее зубчатый, полуобвалившийся край очутился прямо над его головой. Конан встал поустойчивее и, держась одной рукой за выступ поднял свободную руку и взялся за массивный с виду камень, пробуя его надежность. Совершенно неожиданно тот легко подался, выскользнул из своего гнезда и сорвался вниз. Конан едва успел отшатнуться, и камень пролетел мимо, лишь слегка ободрав бедро. С земли послышались веселые ободряющие крики — Сонга и остальные атупаны, по-видимому, радовались тому, что он уже почти у цели. По счастью, никто из них не пострадал от упавшего камня.

Еще осторожнее, чем раньше, Конан предпринял новую попытку подняться наверх, и ему это удалось. Как он и ожидал, стена здесь была совсем тонкая и потому непрочная. Конан посмотрел по сторонам — нигде никаких признаков других руин. Внутри башни ничего видно не было. Сидя верхом на ее краю, Конан не торопился спускаться. Кто знает, какие еще сюрпризы его там ожидают: напуганные мечущиеся птицы, летучие мыши, громадные пауки, а может, и духи строителей этой башни. Впрочем, торчать здесь без толку смысла тоже не было. Со слов Аклака Конан понял, что каким-то образом слезть вниз все-таки можно, поэтому он нащупал ногой выступ внутри башни и со вздохом перенес туда же вторую ногу.

Спустившись на несколько футов, киммериец помедлил, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку. Прежде тут была винтовая лестница, еще и теперь сохранились ее остатки, ступеньки шириною в ладонь, а иногда и побольше. Скорее всего, она обвалилась, когда обрушилась крыша и верхняя часть стен. Начав осторожно спускаться, Конан вскоре обнаружил, что в некоторых местах ступеньки отсутствуют. Временами ему приходилось повисать на руках, нащупывая следующую. Опять он подумал о том, что обратный путь будет труднее. Так или иначе, спуск занял у него мало времени, и немного погодя он уже стоял на груде битых камней. Тьма здесь стояла кромешная, и Конан обругал себя, что не догадался захватить мешочек с кремнем и огнивом. Киммериец сполз по куче вниз, у противоположной стены оказалась полуразрушенная арка, которая вела куда-то еще глубже. Конан не мог понять, находится ли он уже на уровне земли или еще нет. Наконец каменное крошево под ногами превратилось в подобие более или менее ровного пола. Конан потихоньку пробирался вдоль стены, раздумывая, что делать дальше.

Внезапно на сводчатых стенах и потолке возникли непонятные и от этого пугающие желтоватые блики. Киммериец выхватил из-за пояса обсидиановый нож, с которым не расставался никогда, и замер. Холодящие кровь душераздирающие крики разорвали тишину… и вдруг сменились неудержимым хохотом. Сонга, Аклак и молодые воины выступили из бокового коридора с факелами в руках.

Сжав зубы, Конан терпеливо ожидал окончания приступа веселья атупанов: они разве что не катались от смеха. Усилием воли он заставлял успокоиться свое бешено бьющееся сердце. Больше всего ему хотелось задать этим взрослым детям хорошую трепку. Если бы они только могли представить себе, какой невыразимый ужас приходилось ему переживать в местах, подобных этому.

Конан прерывисто вздохнул и сунул нож обратно за пояс. Пусть их, ведь они ничегошеньки не знают ни о войнах, ни о колдовстве, и уж кто-кто, а Конан не собирается просвещать их.

— Ты, Конан, хороший охотник, — выговорил наконец Аклак, утирая слезы. — Ты не позволил страху овладеть тобой. За это тебе полагается награда. Посмотри вокруг и выбери, что больше понравится.

Сонга подошла к мужу и виновато обняла его продолжая всхлипывать от смеха. Она подняла факел повыше, и лишь теперь Конан разглядел, что в стены вделаны кристаллы драгоценных камней. Вернее, не сами кристаллы, а кристаллы, вправленные в металлические пластины. А в одном углу украшения были свалены просто в кучу. Киммериец поманил за собой Сонгу и принялся перебирать ожерелья, кольца, разного рода амулеты, талисманы, которые вывалились из разбитых каменных сосудов, стоявших, по-видимому, когда-то вдоль стен на низенькой полочке. Здесь не было привычных Конану рубинов, сапфиров и изумрудов. В красновато-желтый металл, напоминавший по виду червонное золото, были вставлены полупрозрачные, главным образом дымчатые опалы. Сами по себе все эти украшения производили какое-то странное впечатление, то ли манерой исполнения, грубой, но в то же самое время выразительной, то ли… Конан даже не поверил сначала глазам: мало того, что браслеты и

кольца были намного больше размером, чем руки и пальцы у нормального человека, они отличались еще и формой — ярко выраженной овальной формой! Да кто же они, те, что строили башню и носили эти украшения? Может они и не люди вовсе?

— Да тут настоящий склад, — недоверчиво проговорил Конан. — Почему он все еще здесь?

Аклак не понял вопроса:

— Как почему? Видно, того хотят великие духи. Почему растут деревья, почему течет вода?

— Да нет, я не о том… — Конан запнулся, он не знал, как выразить свою мысль, поскольку в языке атупанов не существовало слова "богатство". — Сюда легко забраться. Вы ведь без труда пробрались внутрь через какую-то дыру? Так почему же никто не пришел и не завладел всем этим добром?

— Ты, что ли, не понимаешь? — не выдержала Сонга. — Аклак же объяснил тебе: мы все приходили сюда и все брали эти украшения. Вот, посмотри! — Она выразительно покачала бедрами, круглая пластинка с молочно-голубо-ватым опалом заколыхалась у нее на животе. — Каждый охотник нашего племени один раз в жизни проделывал то, что ты сделал сегодня, и каждый выбрал себе амулет, в знак того, что посвящен в охотники.

— Другие племена тоже знают это место, — подтвердил Аклак, — они почитают его, как и мы.

— Наверно, вы имеете в виду… — Конан даже потряс головой, ему никак было не найти нужных слов. — Наверно, на этой башне лежит проклятье, и поэтому никто не смеет взять больше одного амулета. Иначе кто-нибудь наверняка бы утащил все укращения.

— Проклятье? — недоумевающе переспросил Глубал. — Какое еще проклятье?

— У тебя, Таргока, видно, что-то с головой случилось, пока ты лез на башню! — воскликнул Аклак. — Ты сам подумай, ну зачем одному охотнику все украшения? Что он будет с ними делать? Разве один охотник станет убивать всю дичь в лесу, ведь он же не сможет ее съесть. Разве одно племя захватит себе гору, где мы все берем обсидиан, ведь им же столько не надо. — Аклак даже засмеялся, такой нелепой показалась ему мысль. — И что же тогда делать другим, если у них кончится обсидиан?

— А еще, — вставил юный Джад, — зачем человеку больше одного амулета? Если их будет два, они же начнут биться друг о друга и стучать. Того и гляди, дичь распугаешь. Да и потом, от ведь никакого проку! Они не согреют тебя, если будет холодно, и не накормят, когда ты захочешь есть.

Конан так и сел, потрясенный простодушием атупанов.

— Поверьте мне, в мире есть люди, которые хотели бы заграбастать все, что тут есть, и владеть этим, не делясь ни с кем. А если бы для этого понадобилось бы убить нас, они, не задумываясь, убили бы.

На Аклака серьезный тон Конана произвел сильное впечатление.

— Я не притворяюсь, будто знаю, где есть такие люди, о которых ты говоришь. Но, поверь мне, они безумцы.

В конце концов Конан выбрал себе пояс из круглых золотых пластин. В самую крупную из них были вставлены темно-красные камни неправильной формы, напоминающие сердолики. Сонга сама надела пояс на Конана, вид у был чрезвычайно торжественный, но потом она не удержалась и крепко обняла его. Остальные тоже горячо поздравили Конана. Затем они прошли по коридору и выбрались наружу через полузасыпанный вход, заросший высокой травой. Значит, помещение, в котором они только что были, находилось ниже нынешнего уровня земли.

Когда они возвращались домой, Аклак с молодыми охотниками решили поохотиться на оленя. Конан и Сонга, не сговариваясь, повернули в сторону реки. Они уже давно облюбовали там одно местечко, где в сравнительно безлесной долине было много песчаных кос, а мелкие

перекаты чередовались глубокими заводями. Им нравилось там, потому что они могли издалека заметить приближение человека или хищника.

Конану и Сонге было привольно в этой райской долине. Они купались, лежали на горячем песке, разговаривали обо всем на свете, а когда проголодались, подбили двух жирных голубей и поджарили их на костре. Кроме того, Сонга накопала съедобных клубней, а потом они ели ягоды, в изобилии росшие на склонах долины.

После обеда они почему-то очень развеселились и принялись гоняться друг за другом по берегу. Быстрая Сонга, вначале довольно ловко уворачивающаяся от Конана, когда поняла, что ей не убежать, обернулась и, неожиданно обхватив его руками, уронила вместе с собой в воду. Выбравшись на берег, они улеглись на песок, не размыкая объятий. Солнце светило уже не так жарко, близился вечер.

— Над нами будут смеяться и говорить, что мы плохие охотники, — заметил Конан немного позже, стряхивая с себя песок. — Сегодня я впервые надел амулет охотника и не хочу возвращаться с пустыми

— Не беспокойся, — утешила его Сонга, отправляясь к реке, чтобы умыться. — Я скажу им, что ты неутомимо гонялся за своей дичью и сделал все, что мог. — Она засмеялась тихим счастливым смехом.

— Так-то оно, может, и так, но предъявить им будет все-таки нечего.

— Это не имеет никакого значения, — откликнулась Соига, выходя из воды и начиная одеваться. — Ты уже поймал хитроумную быструю дичь, за которой многие охотились, но она никому не далась в руки. — Соига подошла к Конану и прижалась к нему всем телом. — Тебе и так многие завидуют.

Конан любовно и нежно обнял ее. Ему очень не хотелось уходить из этой мирной долины, но пора было отправляться в стойбище, чтобы не пришлось потом спотыкаться в темноте.

— Никто не сомневается в том, что ты замечательная охотница, — сказал Конан, — но вот мне лучше бы поскорее как-то проявить себя, пока атупаны не решили, что я даром ем хлеб.

— Случай представится, — уверила его Сонга, привязывая к ногам сандалии. — Я тоже хочу поохотиться на крупную дичь, поточу что собираюсь стать такой же великой охотницей, как и моя мать.

— Не сомневаюсь, что ты на это способна, Рыбачка. — Прозвище "Рыбачка" прямо-таки прилепилось к Сонге, после того как она нашла киммерийца у реки. — Но ведь Нуна завоевала славу великой охотницы уже после гибели твоего отца, когда вы с Аклаком уже подросли.

— Да, потому я так хорошо и помню это, — подтвердила Сонга.

— Но как же ты собираешься охотиться, когда у тебя будет большой живот, а потом маленькие дети, которых надо все время кормить грудью? — в недоумении спросил Конан.

— Какой ты глупый, Конан, — рассмеялась Сонга. — Из какой страны ты пришел, что не имеешь понятия даже о самых простых вещах? Неужели никто никогда не объяснял тебе, что маленькие дети рождаются от Луны — духа Совы? Если женщина не ляжет с мужчиной под полной Луной, никаких детей у нее не будет. — Она мягко погладила его по плечу. — Ты только подумай, что было бы, если бы женщины этого не знали. Они все время ходили бы с толстыми животами, а в лесу детей стало бы больше, чем деревьев.

— Ты уверена, что это правило действует? — недоверчиво спросил Конан.

— Ну, разумеется, действует! — снисходительно усмехнулась Сонга. — Это известно всем атупанам. — Она подняла голову и посмотрела на поднявшийся над горизонтом огромный диск луны в ее третьей четверти. — Вот почему в стойбище есть специальная хижина для замужних женщин, где в конце каждого месяца ночуют те, кто не хочет сейчас иметь детей. — Ты знаешь, Конан, — она еще раз взглянула на луну, — через несколько дней и мне придется туда

отправиться. — Она робко подняла на него глаза. — Давай пока не будем заводить детей. Сначала я хочу вдоволь поохотиться и вместе с тобой добиться славы.

— Как скажешь, Сонга. Если ты этого хочешь, значит и я хочу. А сейчас пошли-ка поскорее домой, пока ночь не настала.

* * *

Следующий месяц в племени атупанов почти не отличался от предыдущего. Дичи в лесах и лугах было много, и нужды менять место стоянки не возникало. Охотники из соседнего племени похитили трех атупанских девиц, когда те совершали ритуальные омовения в небольшом озерце, довольно далеко от стойбища. "Несчастные кричали, сопротивлялись и звали на помощь" — так, во всяком случае, с негодованием говорили друг другу охотники, обсуждая у вечернего костра это событие. (Ночью Сонга по секрету рассказала Конану, что одна из девушек находилась в тайном сговоре с юношей из другого племени и уговорила своих подруг отправиться к озерцу вместе с ней.)

Как бы то ни было, пять молодых охотников, пылая праведным гневом, решили незамедлительно отомстить за честь племени и уже на следующее утро, разукрасив соответствующим образом щеки и грудь красной глиной, отправились в поход. Через несколько дней они вернулись, с торжеством ведя за собой четырех девиц, самый молодой юноша прогулялся напрасно, на этот раз ему жены не досталось. По виду девиц из чужого племени трудно было предположить, что они огорчены своей судьбой, каждая принесла какие-то свои вещички, связанные в узелок. Вскоре девицы уже весело щебетали у костра, ничем не отличаясь от других женщин племени.

Как это ни странно, но теперь Конан чувствовал себя у атупанов еще лучше, чем раньше. По-видимому, оттого, что теперь, когда все становище дышало молодой любовью, его собственная страсть уже не так бросалась в глаза. После того как в племени появились четыре новые женатые пары, они с Сонгой уже гораздо реже удалялись в лес, чтобы вдали от всех насладиться близостью друг друга, а намного больше времени проводили вместе с молодежью. Это были тихие прекрасные вечера, когда они все вместе лежали у костра на мягких пушистых шкурах, смеялись и дурачились, предвкушая интимные радости грядущей ночи.

Однажды все стойбище пришло в волнение: на холмах приметили некое существо, которое называли югвубва. Сначала Конан даже не понял, обрадовались атупаны этому сообщению или испугались. Сонга объяснила ему, что грядет великая охота, и если она будет удачной, то им удастся сделать большой запас мяса на зиму. Ну, а кроме того, каждый принявший участие в этой охоте имеет шанс покрыть себя на веки вечные неувядаемой славой. Однако Сонга так и не сумела растолковать ему, как этот самый югвубва выглядит.

Идти собрались не только все взрослые охотники, но и молодые ребята, которые должны были помогать выслеживать зверя. Как всегда, Аклака назначили главным. Охотники несли с собой по два копья. К одному из них была привязана небольшая шкура, этим копьем подавали друг другу сигналы, а также отвлекали зверя.

Отряд, состоящий из двух десятков мужчин и нескольких женщин, вышел из становища на рассвете. Впереди налегке бежали юноши, которые разведывали дорогу. Двигаясь быстрым темпом, охотники шли и шли. Остановились лишь тогда, когда солнце поднялось уже высоко. Именно где-то здесь и видели югвубву. Местность представляла собой плоскую возвышенность, изрезанную глубокими оврагами и ущельями.

Аклак отвел в сторону старших по возрасту охотников, чтобы посоветоваться. Вернувшись,

он разделил отряд на две части, отобрав себе нескольких юнцов (включая Джада и Глубала), желавших прославиться во что бы то ни стало, двух молодых женщин, похищенных у чужого племени, и Конана с Сонгой. Велев всем молчать и смотреть в оба, он повел их напрямик через плато, забирая немного влево. Вскорек ним подбежал один из юношей-развед-чиков и повел их за собой. На опушке молодого леска он показал им свежий и помет — большую плоскую лепешку, примявшую высокую траву.

— Что же это за чудище такое? — воскликнул Конан, подойдя поближе. — Клянусь Кромом, ваш югвубва, должно быть, сам размером с гору, раз способен наложить этакую кучу!

— С виду — югвубва, — серьезно проговорил разведчик, который привел отряд на это место. Он сел на корточки и приложил ладонь к лепешке. Потом отковырнул кусочек коричневатой массы и, растирая ее между пальцами, глубокомысленно понюхал. — По запаху — югвубва.

— Да, да, — согласились с ним присутствующие, морща носы и отворачиваясь.

Разведчик лизнул пальцы и, подняв глаза к небу, задумчиво почмокал языком.

— На вкус — югвубва. Значит, югвубва, — объявил он наконец.

— Ты уверен? — не удержался от шутки Конан, но осекся, потому что разведчик, не поднимаясь с колен, зачерпнул полную горсть полужидкого помета и бросил прямо в грудь Конана. — Ты… да ты что это… — рванулся вперед Конан, вне себя от ярости, но почему-то все бросились туда же, к куче, еще далее чуть раньше его, принялись черпать из нее пригоршнями и кидаться друг в друга. И тут Конан сообразил, в чем тут дело: охотники отбивали свой собственный запах этим старым, испытанным способом, заодно превратив малоприятное занятие в веселую забаву.

Конан позволил Сонге натереть себя пометом и великодушно оказал ей ту же любезность. Когда он кончил, все уже начали выстраиваться в цепочку, для того чтобы двигаться дальше. Разведчик тронулся первым. Вскоре, однако, его острые глаза и быстрые ноги уже не были нужны. Из небольшого леска, лежащего у них на пути, послышался хруст и треск, что ошибиться было невозможно — они нашли-таки югвубву. Конану показалось что зверюга не просто обламывает ветки, а валит и рушит сами деревья.

Аклак повел их в обход, чтобы подобраться к югвубве с тыла. Через прогалины в леске Конану удалось несколько раз увидеть зверя. Он был неимоверных размеров, выше самого высокого стигийского слона, хотя и не такой грузный и неуклюжий. Массивные ноги — не ноги, а толстые бревна! — поддерживали мускулистое тело, покрытое пучками грубых рыжих волос. Шкура зверя напоминала кору старого дуба, она показалась Конану непроницаемой ни для оружия, ни для острых зубов хищников. Задние ноги были значительно длиннее передних, снабженных короткими загнутыми когтями.

— Это отшельник, — прошептал Аклак. — Югвубва в расцвете сил. Ни самок, ни детенышей. Да, эту охоту мы будем долго вспоминать.

В этот момент раздался жуткий треск: югвубва, который терзал в этот момент очередное дерево, расщепил его вдоль и с новыми силами набросился на кусок ствола, лежащий на земле. Конан увидел теперь его голову, уродливую, плоскую, почти без шеи переходящую в туловище. На широкой тупой морде возвышался не один и не два рога (в Куше Конану приходилось видеть носорогов), а целых шесть. Их основания, сросшиеся воедино, образовывали сплошную пластину, по краям которой блестели злобные подслеповатые глазки.

— Будь осторожен, — шепнул Аклак Конану, — югвубву легко рассердить. Мы будем действовать так, — продолжил он, обращаясь к остальным, — постараемся ранить его, а потом будем заманивать в ловушку, туда, где находятся остальные охотники. Мы с Конаном начнем. Да помогут нам духи животных.

Югвубва уже покончил с куском ствола, лежащего на земле, и принялся объедать ветки, оставшиеся на расщепленном дереве. Стоя на задних ногах, зверь тянулся к самым верхним веткам, но что-то его, по-видимому, раздражало: короткий хвост с кистью темно-бурых волос на конце непрерывно подергивался.

Конан с Аклаком осторожно подобрались к югвубве на расстояние броска копья. Их товарищи следовали за ними справа и слева, прячась в зарослях кустарника. Медленно-медленно Аклак выпрямился, держа наготове дротик, и в тот момент, когда югвубва, словно заподозрив опасность, начал поворачивать голову в их сторону, с силой метнул его, целя в глаз зверя. Наконечник копья разлетелся вдребезги, попав в край роговой пластины. Конана также постигла неудача. Ему показалось, что складки кожи на том месте, где должна быть шея, наиболее уязвимы, однако его копье ударилось в широкую грудь животного, не причинив ему особого вреда.

Конан решил сначала, что югвубва даже не почувствовал ударов, но, видно, все-таки наконечник копья Конана, застрявший в грубой шкуре (само копье сломалось), сердил зверя, потому что он издал дикий рев и бросился на обидчиков.

— Беги, Конан! — прозвенел испуганный крик Сонги откуда-то справа.

У Аклака и Конана оставалось еще по копью, но использовать их по назначению пока не представлялось никакой возможности, и оба охотника стремглав бросились наутек, преследуемые разъяренным животным. Молодые атупаны тоже бросили в югвубву по копью, но зверь не обратил на них никакого внимания, он не замедлил бега и не свернул в сторону, его интересовали лишь Аклак с Конаном. Вскоре те выбежали из леса и оказались на просторном зеленом лугу.

— Это и есть твой план? — задыхаясь от быстрого бега, спросил Конан. — По-твоему, это называется "заманивать"?

— Все идет как надо, — шумно дыша, отозвался Аклак. — Мы должны привести его туда, откуда пришли. Если он перестанет гнаться за нами, раззадорь его вторым копьем.

Последнее замечание Аклака прозвучало для Конана смехотворно, учитывая слепую безрассудную ярость, с которой зверь их преследовал. Может быть, скорость чудовища и была чуть поменьше, чем у кушитских носорогов (те все же значительно уступали ему в весе), но даже на открытом пространстве удирать приходилось что есть мочи. Один раз обернулся и увидел, что все, кроме Сонги, начали отставать. Его это ничуть не удивило, ведь страхолюдина не наступала им на пятки, угрожая каждую секунду растоптать.

Конан довольно смутно представлял себе, куда они должны заманить югвубву, поэтому он старался держаться поближе к Аклаку, который, судя по всему, знал эти места. Однако, когда они очутились в зарослях кустарника, им волей-неволей пришлось разделиться. Как Конан и предвидел, быстрота их продвижения вперед резко снизилась, чего нельзя сказать о югвубве. Ведь ему не приходилось огибать кусты или подныривать под их ветки, он бежал напролом. По какой-то причине, возможно, потому, что Конан из-за своего высокого роста был заметнее, зверь последовал именно за ним. Земля содрогалась от громового топота, ужасающий треск сучьев становился все ближе. Прямо перед Конаном возникла такая густая полоса кустов, что не было смысла искать прохода, не говоря уже о том, что не было времени: югвубва дышал ему буквально в спину.

Киммериец вжал голову в плечи и, как таран, врезался в заросли… В следующую секунду земля ушла у него из-под ног, и он, уже падая, успел ухватиться за свисающий вниз толстый корень, избежав тем самым участи югвубвы, который с ревом рухнул прямо с крутого откоса, чуть-чуть не задев Конана. По зверю не было заметно, что он пострадал при падении, скорее, оно разъярило его окончательно. Ловко поднявшись на ноги, югвубва как безумный вновь

кинулся на Конана, который торопливо карабкался обратно на край обрыва. Осыпающийся песок помешал зверю успеть поддеть Конана рогом, под неимоверным весом склон обрушился, и югвубва съехал обратно на дно глубокого оврага, куда, по-видимому, и хотел заманить его Аклак. Атупаны радостно вопили, потрясая копьями, а Сонга подбежала к Конану, у которого тряслись ноги от пережитого напряжения.

— Конан! Я так боялась за тебя с Аклаком! — Она порывисто обняла его. — Какое жуткое чудовище, правда? — Сонга нагнулась и заглянула в овраг. — Я убью его, клянусь всеми звериными богами, я убью его!

— Надо убить его поскорее, пока он не нашел дороги наверх, — подтвердил Аклак. — Если он захочет выбраться, колите его копьями! — крикнув он, обращаясь к охотникам.

Как могли, атупаны выполняли его приказание, хотя смешно было даже предполагать, что их копья способны остановить обезумевшее чудовище. Если бы не рыхлый осыпающийся песок, не дающий югвубве никакой опоры, охотникам пришлось бы совсем плохо. Ну, а кроме того, исступленное бешенство не давало животному осознать, что вовсе незачем кидаться на этот крутой склон, когда так легко выбраться из оврага с другой стороны. На ровном месте люди лишились бы своего единственного преимущества.

— Сюда, югвубва! Ко мне, югвубва! Попробуй, укуси меня! — кричали молодые охотники, желавшие показать, какие они смелые, в то время как люди постарше выжидали момента, чтобы поразить зверя в какое-нибудь из немногих уязвимых мест. Некоторые бросали в югвубву свои копья, но каменные наконечники лишь слегка царапали его шкуру,

Глобал, стараясь поточнее попасть зверю в шею, высунулся слишком далеко над краем и тут же чуть не поплатился за это жизнью: югвубва поддел своими рогами несчастного, чей воинственный крик сразу превратился в жалобный вопль, и, дико взревев швырнул обмякшее тело в заросли кустов.

— Убийца! — вскричала Сонга. — Иди сюда, я тебе покажу! — Она взгромоздилась на камень, нависающий над оврагом, и размахивала копьем, пыталась обратить на себя внимание югвубвы. Ей это удалось, более того, ее позиция оказалась очень удачной, потому что зверь, как ни старался, не мог достать ее, однако она не подумала о другой опасности: стремясь добраться до своей мучительницы, которая изо всей силы тыкала копьем ему в морду, юквубва подрывал стену оврага как раз под камнем. Конан заметил это и крикнул:

— Осторожно, Сонга!..

Однако было уже поздно. Камень начал оседать, Сонга отпрянула назад, но глыба увлекла за собой ту часть склона, и смелая охотница исчезла в клубах пыли, поднятых обвалом.

— Айа-а! — взревел Конан.

Пущенное могучей рукой копье вонзилось в загривок, из ранки вытекла тоненькая струйка крови. Зверь фыркнул и мотнул головой. Конан тем временем метался как безумный в поисках другого оружия. Его взгляд упал на остроугольный обломок, торчащий из земли на кромке обрыва. Варвар раскачал и вывернул его, затем он прижал несколько шагов вдоль полуобвалившегося края и, очутившись над югвубвой, прыгнул на спину, не выпуская из рук увесистого облом ни камня. Крепко сжимая коленями его бока, киммериец продвигался к голове зверя, который принялся метаться из стороны в сторону, пытаясь сбросить своего седока.

Удержаться на спине югвубвы помогли Конану копья, застрявшие в толстой шкуре животного. Когда Конан достиг шеи, вернее, того места, где у любого другого животного должна быть шея, он уперся ногами в два таких копья и почувствовал себя несколько увереннее. Югвубва не прекратил попыток сбросить седока, но Конан сидел прочно и колотил своим обломком по краю роговой пластины как раз за ухом зверя, единственному месту, куда он мог дотянуться. Югвубва изменил тактику, теперь он с размаху бросался боком на стенку оврага, чтобы сбить

Конана со спины, но склон был для этого недостаточно крут.

Пыль, вызванная обвалом, слегка улеглась Конан, к своей неимоверной радости, увидел Сонгу, живую и невредимую, которая размахивала копьем вне досягаемости страшных рогов югвубвы. Другие атупаны тоже спустились в овраг и подступали к мечущемуся чудовищу со всех сторон.

Конан с новой силой заколотил по роговой пластине и вдруг почувствовал, что она треснула и проломилась внутрь. Из раны неудержимым потоком заструилась кровь. Конан отбросил камень, выдернул один из дротиков, застрявших в шкуре, и что было сил вонзил его в рану. В тот же самый момент он услышал, что рев животного стал каким-то прерывистыым, булькающим. Взглянув вниз, он увидел Сонгу, повисшую на древке своего копья, которое ей удалось всадить в самое горло югвубвы.

Сложно сказать, какая из ран оказалась смертельной но зверь пошатнулся, сделал еще несколько неуверенных шагов и внезапно повалился на бок, придавив Конана, который не сумел вовремя соскочить. По телу животного пробегали судороги, гулкие удары егоо сердца казались Конану невероятно громкими. Но вот югвубва в последний раз дернулся — и в овраге воцарилась подозрительная тишина. Затем со всех сторон разом зазвучал хор жалобных причитаний:

— Югвубва умер! О, горе! Наш большой друг, Пожиратель Деревьев, ушел от нас навеки!

— Атупанам никогда не пережить эту потерю! Что будет с нами, несчастными!

— О, горький ужасный час! Не стало нашего любимого друга!

— Последний голос принадлежал Сонге, и этого Конан уже не мог вынести. Он с трудом высвободился и встал на ноги. Первой, кого он увидел, была Сонга, склонившаяся в почтительном поклоне с выражением скорби на лице.

— Во имя Крома, ответь мне, что значит это и нытье? Ты совершила подвиг, а главное, осталась жива. Мерзкое чудище убито. Из-за чего вы горюете, не возьму в толк?

— Ну как же, Конан, ты не понимаешь?! Случилось ужасное несчастье, наш горячо любимый друг покинул нас! Его большое сердце перестало биться. Горе нам, горе!..

— Однако кое в чем речной человек прав, — перебил ее Аклак. — Моя сестра совершила великий подвиг. И никто из нас не погиб. Теперь у нас будет достаточно мяса на зиму, а это очень хорошо. Давайте праздновать нашу победу и радоваться!

— О счастье! О радость! — с готовностью возопили атупаны.

— У нас есть еда! Югвубва мертв!

— Слава отважной Сонге!

Настроение атупанов переменилось настолько резко, что Конан просто рот разинул. Охотники шумно ликовали, обнимались, хлопали друг друга по спине. На верхней кромке оврага появился Глубал и тоже принялся кричать и размахивать руками, однако делал он это лежа — видно, ноги у него были сломаны.

Откуда-то была извлечена ритуальная чаша, которую подставили под струю крови, лившуюся из раны, нанесенной Сонгой. Все охотники, начиная с Сонги, торжественно отпили из этой чаши по глотку.

В этот момент наверху в кустах появились новые лица: женщины и дети последовали утром за охотниками, но они не могли двигаться так же быстро, поэтому лишь сейчас присоединились к соплеменникам. Взаимной радости не было предела. Разделка туши превратилась во всеобщий праздник. С югвубвы содрали шкуру и разрезали ее на куски приемлемого размера, часть длинных полосок мяса повесили вялиться под горячим полуденным солнцем, другую часть расположили вблизи разведенных костров, на которых одновременно жарили, пекли и варили для предстоящего праздника. Когда сверху, кроме костей, уже ничего не осталось, атупаны

общими усилиями перевернули голый костяк и срезали внизу то мясо, которое до того было недоступно.

На другой день после пира старейшины племени решили, что нет смысла возвращаться на старую стоянку и тащить туда весь запас мяса, а лучше идти на место их следующего становища. К реке, где Конан прожил с атупанами два месяца, отправились несколько маленьких отрядов, которые привели все в порядок и принесли оттуда необходимые вещи. Через неделю племя двинулось в сторону юга, чтобы, готовясь к зиме, прожить там осенние месяцы. Как ни странно, Конану было немного жаль покидать эти уже ставшие родными места.

Переход занял три дня, и чем дальше, тем больше Конану не нравился низкий комариный край, в который они все дальше и дальше углублялись. Он никак не мог понять, почему нельзя провести зиму на прекрасных холмах у реки, но остальные радовались и спешили туда.

Их путь закончился, когда они пересекли ровное широкое поле и очутились на песчаном берегу голубого, как небо, озера, с трех сторон которого росли высокие деревья. На земле виднелись большие круги — в прошлом году здесь стояли шатры, тут и там чернели старые кострища. На ближайших деревьях висели легкие лодочки, их гнутые каркасы обтягивали шкуры.

Почему-то никто из атупанов здесь не задержался. Сбросив на землю груз, все торопились к какому-то маленькому пригорку, находящемуся на некотором расстоянии от озера. Сонга взяла Конана за и повела туда же.

— Не отходи от меня и смотри, куда ступаешь, — предостерегла она его.

Когда они подошли туда, где столпилось почти все племя, Конан с удивлением увидел, что атупаны стоят и смотрят на голую глинистую площадку. Аклак осторожно приблизился к ее краю и встал на колени, кто-то подал ему палку, которой копали землю. Быстрым резким движением Аклак трижды вонзил острие в твердую глину, неожиданно легко протыкая ее. Затем он отбросил палку и аккуратно вынул отломанный кусок. Резкий знакомый запах ударил Конану в ноздри. Атупаны радостно заулыбались, лишь сейчас Конан заметил, что каждый держит в руках ковш или сосуд из выдоенной тыквы.

— Оно готово! — вскричал Аклак. — В этом году получилось прекрасно! Только не подходите к краю, еще обвалитесь внутрь! Давайте ваши черпалки — я всем налью.

— Конан, Конан, — возбужденно дергала мужа за руку Сонга, — вот увидишь, тебе оно понравиться! Ты ведь никогда не пробовал… — И тут она назвала слово, которое Конану приходилось слышать и раньше, только он никогда не обращал на него внимания, не зная его значения. — Да нет, конечно, ты не мог его пробовать, ведь мы сами его изобрели. Откуда же тебе знать о пиве?

Глава XI
КОРОЛЕВА ТАМСИН И БОГИНЯ НИНГА

Коронация Тамсин не отличалась пышностью и многолюдьем. Теперь, когда мятежники одержали сокрушительную победу над Тифасом и его сторонниками, а бритунийцы, все, как один, отреклись от старого бога Амалиаса, было решено, что ни к чему Тамсин лишний раз показываться на людях и соприкасаться с чернью. Гораздо лучше, если сразу обозначить отчетливую дистанцию, ведь Тамсин теперь уже не простая колдунья и не только жрица богини Нинги, а будущая королева страны. Вот почему коронация проходила в очень узком кругу ближайших соратников, а также некоторых прежних придворных Тифаса, поспешивших присягнуть новой королеве, которым было даровано милостивое прощение за былые заблуждения.

На площади перед храмом, для ублажения простолюдинов и поддержания их энтузиазма, осуществлялись пытки и казни последних из оставшихся в живых жрецов Амалиаса, некоторых бывших советников, верховных офицеров и кое-каких вельмож, близких друзей покойного короля. Распоряжался всем этим, а также надзирал за порядком на площади старший военный советник Бритунии лорд Исэмбард.

Большой тронный зал дворца, в котором происходила коронация, был приведен в порядок и превращен в святилище богини Нинги, а на возвышении, где раньше находился Трон Грифона, сооружен алтарь. По завершении официальной церемонии состоялись ритуальные танцы в честь главной бритунийской богини, исполняемые придворными дамами и кавалерами. Танцы эти, хоть и были изобретены специально к данному торжеству, весьма напоминали деревенские хороводы и пляски и, видимо, поэтому пришлись по нраву девочке-королеве. В этот праздничный день ее облачение сияло державным великолепием, но убранство богини Нинги было еще пышнее.

— Теперь, я полагаю, Басифер, все имели возможность убедиться, к чему приводит плохое управление страной и пренебрежение интересами своих подданных, — проговорила Тамсин, обращаясь к камергеру, который почтительно стоял рядом с ней. — Любому терпению приходит конец, а король Тифас при всей своей хитрости и изворотливости не понимал такой простой вещи.

Ведающий всем дворцовым хозяйством, главный камергер Басифер, который со свойственной ему деликатностью и тактом являлся в некотором смысле наставником юной красавицы королевы, выглядел рядом с ней по меньшей мере странно. Он был высок ростом, полнотел, с крупными чертами безволосого лица, его спину, руки и голову покрывали рубцы и шрамы — в детстве его часто били, — а сама кожа казалась темнее, чем есть (он постоянно мазался бальзамом из орехового масла, как это было принято среди оскопленных слуг). Но при всем при том, умудренный житейским опытом, Басифер был всегда уравновешен и сдержан, отлично знал дворцовое хозяйство, умело распоряжался многочисленными слугами, которые относились к нему с уважением, а также являлся знатоком придворного этикета и церемониала, поэтому в смутное время никто лучше него не смог бы поддержать во дворце порядок.

— Вы абсолютно правы, моя королева, — осторожно ответил Басифер. — Тифас частенько бывал неблагоразумен и упрям и почти никогда не следовал моим добрым советам. — Как всегда, он постарался с одной стороны, подчеркнуть свою роль в управлении страной и в то же время снять с себя ответственность за то, что творилось раньше. Не забывал он и о лести. — Какое счастье, что Ваше Величество так мудры и дальновидны, а богиня Нинга столь

могущественна. Уж вы-то сумеете быстро навести в Британии порядок, ведь народ любит вас беспредельно!

— Справедливость всегда рано или поздно торжествует. — Тамсин взглянула на него своими загадочными зелеными глазами. — А знаешь ли ты, Басифер… впрочем, откуда тебе знать… почему Божественная Нинга занялась делами простых смертных, зачем ей понадобилось сражаться с Тифасом, уничтожать его? А все это из-за того, что когда-то много лет назад убили людей, к которым она была благосклонна… которых она любила. Очень любила. — Девочка-королева нежно посмотрела на свою куклу, всю увешанную драгоценностями. Казалось, Тамсин уже была готова рассказывать дальше, но неожиданно передумала. — Одним словом, я хочу сказать, что жажда мести — мощная, неодолимая сила. И когда дают ей волю, тогда рушатся не только империи, но и старые верования.

— Да, моя королева. — Басифер, как ни старался, догадаться, о чем это только что говорила Тамсин. Как с ней непросто, она еще так молода, и резко меняется настроение. Хорошо еще, он пока что его слушается. Однако было бы куда лучше, если бы ее внимание не сосредоточивалось только на нем. — Знаете, Ваше Величество, мне безмерно жаль, что на вашей коронации не было одного знатного вельможи. — Басифер сокрушенно покачал головой, изображая легкое смущение. — Его, разумеется, пригласили, но, боюсь, путь сюда столь что он не смог поспеть вовремя. Ведь Коринфия далеко от нас, а кроме того, вероятно, возникли какие-то дипломатические сложности, и, чтобы их уладить, понадобилось определенное время.

— Ты имеешь в виду этого лишенного наследства принца, как бишь его?

— Да, я говорю о принце Клевине, исключительно толковом для его возраста государственном деятеле. Он всегда быстро и точно разбирается в обстановке, и его суждения, как правило, безошибочны. Красив, эффектен, хорошо воспитан, а еще, как бы это выразиться… романтичен.

— Посол Британии в Коринфии со времен перемирия, я знаю, — безо всякого интереса сказала Тамсин, продолжая следить за все еще продолжающимися ритуальными танцами. — Или его держали там в качестве заложника? Так или иначе, Тифас предпочитал, чтобы этот Клевин находился не при дворе, а где-нибудь подальше.

— Истинная правда, моя королева, — закивал камергер, — Его здесь при старом режиме всегда не любили, вы правильно догадались. Вот что значит проницательность! Ну, а как посол в Коринфии он был чрезвычайно полезен, установил там ценные для страны контакты и вообще… — Басифер откашлялся. — Ваше Величество, естественно, понимает, что принц не связан никакими кровными узами покойным королем, ведь Тифас захватил власть в результате военного переворота.

— А потерял власть в результате религиозного переворота. У Тифаса не осталось никаких родственников, это точно?

— Никаких, — подтвердил Басифер. — Пока Тифас двадцать лет сидел на троне, все поумирали, а принцу Клевину он не разрешал даже просто вернуться в Саргоссу. Однако не забудьте, что принца в Британии помнят и любят. Он всегда был популярен при дворе, а кроме того, в его жилах течет благородная кровь прежних королей и королев. — Камергер снова откашлялся. — Добрые отношения с таким влиятельным человеком, как принц, могли бы еще больше усилить вашу власть, хотя, разумеется, она и без того…

— Довольно, Басифер! — сверкнула глазами девочка-королева. — По-моему, ты намекаешь на то, что моя власть недостаточно сильна и нуждается в каких-то подпорках в виде принцев. Или того пуще, ты вознамерился выдать меня за Клевина замуж. Остерегись, камергер! Ты переходишь все границы, и я этого не потерплю! — Тамсин прямо-таки задохнулась от возмущения.

— Нет, нет, королева, вы неправильно меня поняли, простите великодушно, я немного увлекся. Я совершенно не имел этого в виду. — Опытный царедворец сразу пошел на попятный. — Я желал лишь обратить ваше особое внимание на человека во всех отношениях приятного, чьи знакомства и связи могли бы оказаться полезными и…

— Потому что, Басифер, — не слушая его оправданий, проговорила Тамсин, — нас с Нингой никогда не интересовали преходящие радости жизни и ее соблазны. — Глядя в наивное ясное лицо королевы, главный камергер нисколько в этом не сомневался. Тамсин тем временем продолжала: — Наш взор всегда был обращен в духовные сферы… и на те объекты этого мира, которые делают возможным сношения с высшим миром. Как правило, они накапливают свою силу веками, делая избранных еще сильнее, а простых смертных губят. Я хочу, чтобы ты понял. — Она поднялась со своего простого стула с прямой спинкой. — Пойдем, я покажу тебе вещи, о которых говорила.

Ритуальные танцы закончились, и придворные толпились в зале, не зная, чего еще хочет от них новая королева, однако она решительно направилась к двери, не обращая на своих гостей никакого внимания. Следуя за госпожой, Басифер размышлял о том, что, возможно, в будущем Тамсин и станет когда-нибудь замечательной королевой, но пока она даже не хочет думать об обязанностях, налагаемых на нее ее положением. Счастье еще, что уцелело достаточно сановников и дворцовой прислуги, и дела как в королевстве, так и во дворце продолжают идти своим ходом, словно власть не переменилась. Басифер шел за девочкой-королевой, держащей под мышкой свою куклу, королевой, которая покидала свой собственный праздник восхождения на трон, не удосуживаясь даже проявить к своим гостям обыкновенную вежливость. Им оставалось только почтительно поклониться ей и ждать дальнейших распоряжений, если таковые последуют.

Провожаемая взглядами прислуги и дворцовых стражников, Тамсин вела главного камергера через анфиладу комнат, затем они поднялись вверх по винтовой лестнице и очутились в покоях королевы. Бывший кабинет Тифаса, в котором раньше по стенам размещалась тщательно подобранная коллекция кинжалов, мечей и сабель (одно из главных увлечений покойного короля), встретил Басифера не блеском полированной стали на голых деревянных стенах, а экзотическим ароматом благовонии приглушенным сиянием светильников, коврами и бархатными портьерами.

— Когда я еще только начала заниматься врачеванием, — сказала юная королева, — я заметила, что лечение идет быстрее и легче, если пользоваться, ну например, амулетами. — Тамсин подошла к высокому шкафу из темного дерева, который стоял в глубине комнаты. — Даже всемогущая богиня и та предпочитает иметь под рукой что-нибудь осязаемое, когда собирается употребить свою власть. Что-нибудь вроде этого. — Тамсин распахнула дверцы, и в глазах у Басифера зарябило в глазах от множества драгоценных безделушек. Такие вот броши, ожерелья, бусы часто заключают в себе великую магическую силу, иногда она добрая, иногда злая, смотря какой ее наделят. Но уж когда это произойдет, тогда она сохраняется в них навеки, над только уметь ее извлечь, а это дается очень немногим. Тамсин протянула руку и бережно сняла с позолоченного крючка простенький браслет из ракушек, нанизанных на нитку. — Посмотри, вроде бы ничего особенного, а на самом деле с его помощью я могу творить чудеса. Это первый амулет, который попал мне в руки, и именно через него мне впервые удалось выразить волю богини Нинги. Он излечил мою мачеху от изнуряющего нервного заболевания — сейчас она стала во главе ордена весталок, который я недавно учредила, достойная, благочестивая женщина, не в пример моему неродному отцу, которого тупоголовые сельчане называли почему-то Арнулф Праведник. — Тамсин нахмурилась и замолчала. Потом протянула Басиферу браслет: — Хочешь испытать на себе его силу?

Главного камергера прошиб холодный пот.

— О моя королева, я…

Слова замерли у него на устах, отказаться он не посмел. Басиферу уже раз пришлось быть свидетелем колдовства Тамсин, и теперь он прилагал все усилия, чтобы скрыть сотрясающую его дрожь. Он вытянул перед собой руку, повинуясь жесту Тамсин и она положила на нее браслет, но не в раскрытую ладонь, а на запястье, и сейчас же Басифер ощутил в этом месте легкое покалывание. Он не сводил с ракушек глаз, вдруг ему померещилось, что от них заструилось слабое голубое мерцание, контуры их начали расплываться, словно он смотрел на них через слой воды. Покалывание там, где они касались его кожи, усилилось, и вдруг — о чудо! — крохотные обитатели моря Вилайет непонятным образом ожили и поползли по его руке, шевеля малюсенькими рожками, волоча свои домики на спине. Ему казалось, что нитка не удерживает их больше вместе, что они двигаются вполне самостоятельно, вновь и вновь опоясывая кругами его руку и оставляя после себя ни на что не похожее ощущение.

— На первый раз хватит, — сказала Тамсин и одним движением сгребла волшебные раковины, которые тут же вновь превратились в обыкновенный браслет. — Если бы я позволила им поползать подольше, если бы они поползли по всему телу… Но сейчас не время. Такие серьезные вмешательства в человеческий организм требуют великой осторожности.

Басифер смотрел на свою кисть и не верил глазам. Куда исчезли все шрамы? Его кожа чиста и нежна, как у младенца. Особенно заметен стал контраст, когда он сравнил левую и правую руки: правая словно помолодела на три десятка лет.

— Ваше Величество… — едва сумел выговорить Басифер, сердце его колотилось как безумие

— Запомни, — сказала Тамсин, — эти ракушки, если Нинга того захочет, способны вылечить любого человека от чего угодно. Для них не имеет значения, сколько лет назад нанесены раны, они могут вернуть молодость и цельность всему телу. — Басифер вздрогнул, слова Тамсин, ее полувысказанное обещание прожгли его насквозь, и в душе родилась беспредельная преданность и любовь к своей королеве. Она продолжала: — Для того, чтобы излечиться, нужно лишь одно — верить в Нингу. Я тронута твоей благодарностью и вижу, что твою веру никогда и ничто не сможет поколебать. Если бы таких, как ты, было бы больше, а таких, как упрямец Арнулф Праведник, — меньше, то Нинге не пришлось бы столь часто проявлять свою суровость. Но это дело прошлое, — продолжила она, — сейчас нас с Нингой интересует совсем другое. Теперь, когда я стала королевойБритунии, мы хотим расширить нашу власть во внеземных сферах, а для этого надо увеличить запас талисманов, амулетов — короче говоря, всего, в чем дремлет дикая магия, а уж мы с Нингой сумеем ее разбудить и приручить, если потребуется. Как владычице страны, мне принадлежит, королевская сокровищница, которая находится прямо здесь, во дворце, и драгоценности бывших храмов Амалиаса. Ну а кроме того, разумеется, все, что извлекают из земных недр, — я говорю о золоте и самоцветах. Мощь Бритунии неизмеримо возрастет, если мне удастся накопить достаточно вещиц, подобных этой. — Тамсин аккуратно повесила в шкаф грубо отполированный прозрачный желтый камень, вставленный в овал из тусклого серебра. — Эта подвеска привезена откуда-то из дремучих лесов вблизи наших восточных границ.

Не успела Тамсин договорить последнюю фразу, как в открытую дверь комнаты робко вошел один стражников личной охраны, стоявший все это время в коридоре. Воин замер в нерешительности, не зная, рассердится ли королева за то, что он вмешивается в ее разговор с главным камергером.

— Покорнейше прошу меня простить, Ваше Величество, — извиняющимся тоном начал он, — мне было приказано немедленно доложить о прибытии принца Клевина. Он только что

явился во дворец и ожидает чести быть принятым вашей милостью.

— Понятно. Это главный камергер отдал такое распоряжение?

Стражник несмело кивнул, и Тамсин перевела взгляд на Баснфсра. Камергер еще не вполне пришел в себя от пережитого потрясения.

— Да, моя королева, это я позволил себе такую смелость…

Тамсин перебила его.

— Пусть войдет, — приказала она стражнику и заговорила со своей куклой: — Сейчас поглядим, Нинга, как нам понравится этот прекрасный принц, которого тут только что превозносил до небес наш главный камергер. — В ее голосе слышалось явное раздражение.

Спустя несколько секунд в комнате появился человек в коротком дорожном плаще и шляпе с перьями. Тамсин далеко не сразу подняла голову, должая разговаривать с куклой, а когда наконец взглянула на вошедшего, лицо ее выражало поистине королевскую неприступность, сменившуюся, однако, нескрываемым удивлением. Принц подошел к ней быстрыми шагами, опустился на одно колено и поцеловал руку. Удивление королевы было вполне объяснимо. Перед ней склонился в поклоне хорошо одетый худощавый вельможа весьма преклонных лет с абсолютно седыми волосами и такой же седой острой козлиной бородкой. Когда он выпрямился, Тамсин увидела обаятельнейшую улыбку на тонком аристократическом лице испещренном множеством морщин.

— Королева Тамсин, — произнес он приятным мелодичным голосом, — Бритуния никогда не знала столь юной и столь прекрасной правительницы, даже если вспомнить о моей двоюродной бабушке по материнской линии королеве Лидите, со дня смерти которой миновало уже пятьдесят зим. — Принц еще раз поцеловал руку Тамсин и провозгласил: — Королева и жрица, клянусь тебе в своей вечной любви и преданности. — Затем он посмотрел на куклу: Верховная богиня Нинга… нет, единственная богиня Нинга. — Принц вновь опустился на одно колено и склонил голову перед куклой: Ваше священство, вы именно такая, как я и ожидал, и даже более того.

— Принц Клевии, если я не ошибаюсь? — с неожиданной теплотой произнесла Тамсин. — Мы с Нингой слышали о тебе, хотя и не слишком интересовались потомками королевской династии. Я не ожидала, что…

— Что я так стар и так скромен? — Клевин ласково сжал руку Тамсин в своих теплых сухих ладонях. — Моя добрая королева, не пойми меня превратно, ведь я и дожил-то до седых волос только благодаря своей безобидности и тому, что никогда не стремился выделиться, быть в центре внимания. А уж во времена правления Тифаса я и вовсе был тише воды ниже травы. Теперь же, когда на троне такая добродетельная, мудрая и благочестивая королева, к тому же обожаемая своими подданными, единственное мое желание — окончить дни быстротекущей жизни здесь, у твоих ног, в любимой мною Саргоссе. О моя королева, если бы я мог надеяться, что ты позволишь мне греться в лучах твоего небесного великолепия, твоего и твоей божественной покровительницы Нинги, — счастью моему не будет предела. Я служил бы тебе в меру своих сил всем своим опытом, приобретенным за долгие годы изгнания. О, позволь мне остаться, несравненная! — Принц говорил с непритворной искренностью, глядя прямо в глаза Тамсин и продолжая поглаживать ее руку. — Я прошу даровать мне эту милость, само собой разумеется, лишь в том случае, если это не причинит тебе, моя королева, ни малейшего беспокойства или неудобства. Я смиренно припадаю к твоим ногам и с благодарностью приму любое твое решение.

— Гм, что ж, мой любезный принц, оставайся, если хочешь. — Тамсин ничуть не смутили изысканные манеры принца и расточаемые им похвалы ее добродетелям. — Здесь, при дворе, много таких, кто не слишком жаждет находиться при нас, опасаясь прозорливости

Божественной Нинги и ее строгого, но справедливого суда. Разве не так, Нинга? — спросила она куклу и вновь обратилась к принцу: — Твоя просьба делает тебе честь, принц Клевин. А тебе Басифер, скажу, что ты был прав, отзываясь о принце в столь лестных выражениях. Я довольна тобой.

Басифер, который все еще продолжал прислушиваться к своим внутренним ощущениям, ответил, тем не менее сразу:

— Покорно благодарю вашу милость.

— Как раз перед твоим приходом, дорогой принц, я показывала Басиферу свои амулеты и талисманы. А недавно у меня появилась одна странная вещица, взгляни на нее. — Тамсин взяла рук Басифера серебряную подвеску с драгоценным камнем и протянула Клевину. — Может быть годы странствий тебе приходилось видеть нечто подобное?

— Пожалуй, да, — немного неуверенно ответил принц. — Да, сейчас я припоминаю, что такие несколько необычные украшения привозили иногда в старые времена бродячие торговцы. Но, моя королева, эта подвеска не стоит твоей красоты, вон какой она грубой работы, тебе требуется нечто нечто гораздо более изысканное…

— Нинга сказала мне, что она дошла до нас из глубины веков. Я тоже ощущаю в ней первобытную силу, хотя Нинге придется еще объяснить мне, как ее извлекать. Я думаю, эта подвеска — частица какого-то древнего клада, который, возможно, уже разграблен дикими племенами. Я хочу, чтобы обыскали всю страну и нашли этот клад. Я хочу, чтобы кто-нибудь занялся этим немедленно.

Клевин кивнул:

— Да, такие люди найдутся. Во всяком случае, раньше находились. Они могут отправиться куда им прикажут, обследовать любые, самые дикие места.

— Меня это ничуть не удивляет. — Тамсин повернулась к главному камергеру: — Басифер, ты подыскать мне подходящих людей?

Басифер упал на одно колено, склонившись в глубоком поклоне:

— Только прикажите, Ваше королевское Величество, и я сделаю все, чтобы вы остались довольны. Ради королевы Бритунии я готов, если потребуется, перевернуть хоть всю страну!

Глава XII
СУДЬБА ДИКАРЕЙ

Из чащи леса выскочил лось. Посередине поляны он остановился, его бока тяжело вздымались, из ноздрей вырывался пар — по утрам теперь часто бывало холодно. Лось настороженно повернул голову, украшенную тяжелыми ветвистыми рогами. На поляне никого, кроме него, не было, деревья и кусты на опушке стояли неподвижно.

Внезапно в лесу раздался шорох. Сбивая на лету каменным наконечником листья, в воздухе засвистело короткое копье и, немного не долетев, вонзилось в землю у самых ног лося. В ту же секунду он пересек поляну несколькими большими прыжками и скрылся в чащобе. Лишь треск ломающие указывал его дорогу.

— Эх ты! — воскликнул Джад, выскакивая из зарослей. — Пора бы уж тебе, Конан, научиться пользоваться бросателем.

— Ты не прав, Джад, — ответил ему Аклак, выбегая за ним вместе с киммерийцем. — Конан сделал все как надо, просто ветки помешали.

Конан свернул в сторону, чтобы подобрать свой дротик. Не останавливаясь, он зарядил им приспособление, которое Джад назвал бросателем, толстый прут, изогнутый на конце крючком. Дротик, брошенный с помощью такого прута, летел намного дальше и точнее.

— Смотрите, — крикнул один из молоды охотников, — сохатый побежал к северу, к холмам! Я же говорил тебе, Аклак, надо было позволить нам окружить его, отрезать ему дорогу, а потом уже начинать гнать.

— Да, это очень хороший способ, — подтвердила одна из охотниц. — Молодые гонят зверя на опытных охотников, а те убивают его.

— Все это правильно, — терпеливо отозвался Аклак. Они бежали не слишком быстро, поэтому у него хватало дыхания на то, чтобы учить молодежь уму-разуму. — Отрезать-то дорогу вы ему, конечно, отрезали бы, но хватило ли бы у вас сил устоять, если бы обезумевший от страха сохатый бросился на вас? Ведь в начале охоты он свеж, не утомлен бегом и не ранен. Большой крепкий лось или олень страшны в своей ярости. Мало кто способен справиться с таким зверем.

Охотники бежали ровно и размеренно. Они знали, что рано или поздно настигнут лося, который делал короткие рывки, а затем замедлял скорость или вообще останавливался передохнуть.

— До чего вредный сохатый нам попался, — заметил Джад, взбираясь вместе с остальными на холм, усеянный камнями. — Из-за него мы устанем вдвойне: сначала пока за ним гонимся, а потом когда потащим обратно его тушу.

Немного позже Аклак прошипел:

— Тише! Лось отдыхает вон в том леске. Если бы он побежал дальше, мы бы увидели его на склоне.

Конан молчаливо согласился. Действительно, они обязательно увидели бы лося среди редкого кустарника, которым порос каменистый косогор, начинающийся сразу за лесочком. Искать его надо именно там, может быть, он решил даже не бежать дальше, а вступить наконец с ними в бой.

— Hv ладно, — проговорил шепотом Аклак, — Окружим его.

Молодая охотница первой направилась вдоль края зарослей. Повинуясь жесту Аклака, Джад и еще один юноша, такой же нетерпеливый, как и охотница, отправились за ней следом. Конан со своим названым братом пошли другим путем, забирая круче в гору.

— Будь начеку, Конан. Дай им время занять свои места. И пожалуйста, не швыряй копье, если что-то зашевелится в кустах, убедись сперва, что это не один из наших торопыг.

Двигаясь плавно и бесшумно, Конан с Аклаком задерживались у каждой прогалины и, прячась либо за стволом дерева, либо за камнем, осторожно высматривали лося. Конан поглядывал еще и назад, разыскивая глазами Джада, который был ближайшим в их цепочке. Сначала охотники находились далеко друг от друга, но, постепенно углубляясь в заросли, начали сближаться.

И вот наконец примерно в полусотне шагов от себя Конан с Аклаком увидели зверя. Лось беззаботно щипал траву на небольшой лужайке, словно позабыв, что за ним гонятся люди. Конан приготовился бросать дротик, но Аклак останови его движением руки и заставил ждать, пока неизвестно по каким признакам не решил, что теперь все находятся там, где надо. В конце концов он кивнул Конану. Два копья взлетели в воздух одновременно и устремились к единой цели.

Один дротик ударил лося в бок и застрял там, другой, чуть-чуть не долетев, упал в кусты. Когда лось с опозданием кинулся бежать, еще одно копье — копье Джада — догнало его и хоть И хоть и не вонзилось, но слегка подранило.

Пока молодой охотник громко радовался своей ловкости, Конан с Аклаком подошли к дротику, не достигшему цели. Аклак поднял его и тут же повернулся к Конану.

— Это мой, — серьезно проговорил он. — Твой бросок, брат, был точнее.

— Только потому, что ты так хорошо меня, брат, — отозвался Конан. Он подобрал копье Джада и, осмотрев наконечник, бросил копье молодому охотнику, затем вынул из-за пояса топор. — Придется мне теперь обходится вот этим. — Он засунул на его место пока бесполезную палку-бросатель.

Все трое быстрыми пружинистыми шагами двинулись по следам лося. Теперь их не труди было находить — капли крови отмечали его неверный путь. Судя по всему, копье Конана причиняло зверю сильные страдания, и киммериец спешил вперед, как всегда желая поскорее прекратить его муки.

— Кэйя! Кэйя! Кэйя! — покрикивали охотники, пугая лося и в то же время давая знать своим товарищам, что они гонятся за раненым зверем.

Конан вырвался вперед. Аклак окликнул его:

— Конан, когда догоним сохатого, не кидайся на него сразу, сначала дай мне бросить копье!

Вскоре они выбрались из зарослей и на голом склоне увидели лося, который, торопясь и оступаясь, прыгал по камням. В боку у него по-прежнему торчал дротик. Вид зверя был жалкий, казалось, он вот-вот рухнет без сил. Однако не успели атупаны приблизиться к нему на расстояние, достаточное для надежного броска (и Аклак, и Джад боялись лишиться наконечников копий, если промажут и попадут в камень), как лось скрылся за кромкой гребня.

Когда же охотники, держа оружие наготове, тоже выскочили на вершину, они никого там не увидели. Обзор во все стороны был прекрасный, лось не мог никуда спрятаться, а если бы он побежал дальше, его невозможно было бы не заметить, и все-таки он исчез, словно сквозь землю провалился. От него не осталось ничего, кроме лужицы крови.

— Видел я уже такое, — мрачно заметил Конан, не переставая оглядываться по сторонам.

— Охота окончена, ничего не поделаешь. — Аклак понуро опустил дротик. — Значит, не судьба нам убить этого лося.

— Да, — огорченно проговорил молодой охотник, — если этого желают великие духи…

— Духи духами, только я не собираюсь терять свое копье, — раздраженно заявил Конан. Он подошел к краю гребня, где на камнях виднелась одна-единственная капля крови, и посмотрел вниз. — Оставайтесь здесь, а я спущусь туда.

— Ну уж нет, речной человек! — воскликнула молодая охотница и встала рядом с Конаном. — Я пойду с тобой и помогу тебе вернуть твое копье и нашего лося. Пусть даже его украл сам Великий Барсук!

— И я! Я тоже пойду с вами! — сразу заторопился Джад. — Я пробежал сегодня слишком много, чтобы поворачивать несолоно хлебавши обратно. Ну, а ты, Аклак? Боишься, что опять промажешь?

Некоторое время Аклак хмуро размышлял и вдруг решился:

— Я тоже пойду. Пора уже решить эту загадку.

Конан первым двинулся вдоль гребня и через два десятка шагов остановился на крутом обрыве. Только отсюда можно было осмотреть невидимый раньше участок склона. Ужасающее зрелище предстало его глазам.

Исполинская желтовато-серебристая рысь (больше всего это фантастическое существо походило на рысь, и потому Конан именно так назвал ее в уме) терзала тушу злополучного лося, придерживая его гигантскими лапами. В это трудно было поверить, но она казалась намного крупнее своей жертвы. Круглая кошачья голова с острой мордой, запачканной кровью, кисточки на ушах, гибкий, сердито подрагивающий хвост — все было таких чудовищных размеров, что не могло привидеться и в страшном сне. Но всего ужаснее выглядели ее зубы — длинные и острые, как кривые заморийские сабли.

Когда, потрясенный, киммериец замер у обрыва, исполинская кошка едва глянула на него. Лишь шерсть на загривке приподнялась да хвост метнулся из стороны в сторону. Судя по всему, люди не особенно интересовали ее — слишком мелкая добыча, такой не наешься, и невелика угроза, да и какая угроза может исходить от этих ничтожных двуногих?

Теперь, когда Конан воочию увидел врага, он не знал, что делать. Его оцепенение длилось бесконечно долго, так ему, во всяком случае, представлялось, время словно остановило свой бег, а варвар не в силах был сдвинуться и отвести взгляд от страшного хищника. К чувствам его вернул свист дротика, направленного твердой рукой. Это был идеальный бросок, копье неминуемо должно было вонзиться прямо в сердце, если бы рысь не отбросила копье лапой еще в полете.

Перехватив поудобнее топор, киммериец обернулся. Аклак безучастно смотрел на свой дротик, превратившийся в щепки от удара о валун. В глазах названого брата Конан прочел какую-то странную обреченность. Три молодых охотника, уже готовых издать торжествующий вопль, замерли, молча сжимая в руках копья.

Мгновение спустя рысь оставила окровавленную тушу лося и в несколько прыжков очутилась среди атупанов.

Конан попытался раскроить ей голову, вложив в удар всю свою могучую силу, но из-за дьявольской быстроты проклятой твари оружие лишь скользнуло по шерсти, зато Конана так отбросило в сторону, что он едва не потерял сознание, стукнувшись головой о камень

Поднимаясь на ноги, Конан увидел, что рысь, вместо того чтобы сразу вцепиться в своих врагов когтями и зубами, как сделала бы на ее месте любая другая, подбирается к ним как-то бочком, пожалуй, даже медленно, не торопясь. Ее первая жертва — смелая молодая охотница — даже не успела метнуть дротик: один мощный взмах лапы и окровавленное тело девушки, пролетев в воздухе с десяток футов, рухнуло на камни со сломанной шеей.

Следующим оказался Джад. Издав воинственный клич, он направил копье в шею зверя, но невероятно гибкая рысь с легкостью увернулась и, как показалось Конану со стороны, несильно боднула Джада головой. Дико закричав, он выронил дротик, упал на колени и согнулся, зажимая руками распоротый клыками живот, из которого вываливались кишки.

Через секунду и другого молодого охотника постигла та же участь. Он тоже не успел

пустить в ход оружие. Острые зубы располосовали беднягу почище длинного клинка, который в ходу у гирканских всадников. Молодой охотник не издал ни звука, должно быть, клыки гигантской кошки достали до самого сердца.

Едва придя в себя после падения, Конан нанес сокрушительный удар по задней лапе хищника, которая была к нему в этот момент ближе всего, но топор срикошетил и отскочил, однако он, по-видимому, причинил рыси боль, потому что она с маху хлестнула хвостом, задев им Конана. Киммериец потерял равновесие и отступил на несколько шагов что, очевидно, спасло его от смерти: острые, как ножи, когти задели гриву его волос, голова Конана резко дернулась, по плечам потекла кровь. Он не понял — своя или чужая.

В этот момент животный вой Джада оборвался. Аклак исполнил свой долг и прекратил агонию ударом топора — каждый атупанский охотник давал в этом клятву. Потом он обернулся и приготовился встретить зверя. На этот раз рысь не медлила ни секунды, она бросилась прямо на Аклака. Тот успел ранить исполинскую тварь в ухо, но уже в следующий миг рысь широко разинула пасть и попросту откусила охотнику голову.

Полуослепшему от крови Конану даже не пришло в голову, что он может спастись бегством. Слова "жизнь" и "смерть" потеряли для него всякое значение. Он хотел лишь одного, — перед тем как погибнет сам, возможно сильнее ранить ненавистную убийцу своих друзей и названого брата.

Конан поднял топор, но рысь уже повернула к нему оскаленную морду, запачканную кровью. Ее глаза были так ужасны, что киммерийцу показалось, что она может убить его одним взглядом. Горячее дыхание хищника опалило ему лицо… Топор Конана вонзился прямо в надвигающуюся на него разинутую пасть и застрял там, не давая зверю сомкнуть челюсти. Гигантская кошка попыталась вытащить лапой причиняющий ей нестерпимую боль предмет, но топор плотно засел между ее передними клыками и у нее ничего не получилось. Тогда она попробова-ла вытолкнуть его языком, но сперва тоже ничего не выходило.

Тем временем Конан увидел свой дротик, который, по-видимому, в какой-то момент вывалился из туши лося. Древко было скользким от крови, но варвар крепко сжал его в руках и выставил перед собой, упершись тупым концом в камень. Позади него был огромный валун, и он не смог бы убежать, даже бы и захотел.

Наконец рыси удалось выпихнуть из пасти топор, и она обрушилась на Конана всем своим весом. Продолжая сжимать древко, киммериец пригнулся, и рысь со всего размаха напоролась на его копье. Страшные когти вонзились в Конана, и он почувствовал, что умирает.

* * *

К тому времени, когда Конан пришел в себя и выбрался из-под уже начавшей остывать рыси, солнце стояло совсем низко. Он посмотрел на свое копье и понял, что оно, должно быть, пронзило сердце гигантской кошки — и она испустила дух почти мгновенно. Ничем иным нельзя было объяснить того, что он до сих пор жив и даже способен передвигаться.

Конан не стал задерживаться на месте трагедии, подходить к погибшим друзьям, отгонять хищников, желавших полакомиться мертвечиной, или считать собственные раны, он сразу заторопился в сторону стойбища. В том, что он единственный из всех уцелел, была какая-то несправедливость. Ведь не кто иной, как он, явился причиной несчастья, он не послушался Аклака, который был на охоте главным и повел других за собой. Как теперь он скажет Сонге, что из-за него погиб ее любимый брат и остальные охотники?

Дорога назад была трудна. Конан шел, не останавливаясь и не давая себе даже минутной

передышки: он боялся, что если присядет, то уже не сможет подняться. Ночь застала его еще в малознакомых местах, и, пока не взошла луна, он несколько раз сбивался с пути. Окружающий его черный лес вполне соответствовал его страшным черным мыслям, однако то, что он застал в стойбище, оказалось еще страшнее.

Когда Конан вышел на луг, он не увидел горящих во тьме костров, хотя до него доносился запах дыма, паленой шерсти или шкуры. Некоторые шатры все еще курились, и по озеру расстилалась белая полоса то ли дыма, то ли тумана. Подойдя поближе, Конан увидел, что площадка у костра и земля между шатрами усеяны трупами атупанов.

Их всех убили стрелами, Конан понял это сразу, а раненых прирезали кинжалами и мечами. Конан поднял сломанную стрелу — отличной работы стрела со стальным наконечником, — именно такие входили в вооружение бритунийских воинов.

Конан обошел стойбище. Погибли все или почти все. Их либо окружили, либо каким-то образом обманули. Вот лежит мать Сонги, сжимая в руках дубинку. Вот хромой Глубал, рядом с ним его охотничье копье. Три десятка мужчин, женщин, детей. Все его племя. Атупаны сражались храбро, во всяком случае, пытались сопротивляться… Но что они могли противопоставить опытным воинам? И как ни странно, ни одного мертвого из нападавших.

И никаких следов Сонги.

Как ему ни хотелось немедленно броситься на поиски бандитов, пришлось дожидаться утра. Конан вернулся в лес и провел там остаток ночи без сна, окруженный призраками погибших друзей.

С рассветом Сонга не вернулась, и никто не откликнулся на его зов — у Конана была слабая надежда, что кто-нибудь все-таки успел убежать и спрятаться в лесу. Внимательно осмотрев поле сражения, а вернее сказать, кровавой бойни, Конан обнаружил еще одну странность: из стойбища ничего не пропало, кроме старинных амулетов, знака доблести охотников племени, тех амулетов, что они выбрали себе когда-то, доказав сначала свою силу и ловкость, пробравшись на древнюю башню.

Что ж, если все племя вырезано из-за дюжины бесполезных побрякушек, тогда ему ясно, где искать Сонгу.

Даже, если бы Конан не догадался, куда двинулся отряд бандитов, он все равно без труда смог бы найти их. Такая большая группа людей, тем более людей из цивилизованного мира, не могла не оставить множества следов. И следы эти показались отвратительными. Прежде всего, бритунийцы — если это действительно были бритунийцы — не умели даже правильно ходить. Шаги их были тяжелыми и неровными, походка развалиста. Они бездумно ломали ветки, сшибали мечами головки цветов. Следы рассказали Конану, что эти люди бессердечны, черствы и жестоки. Но еще хуже их запах — мерзкий запах цивилизации, который они принесли с собой.

Перед тем как отправиться в погоню, Конан быстро смыл с себя в озере свою и чужую кровь, а затем так же быстро и уверенно нанес разноцветной глиной на лицо и грудь раскраску, означающую "большую охоту". Он разыскал топор Сонги и тяжелое короткое копье, которое бросают просто рукой. Больше он ничего в стойбище трогать не стал, пусть все остается как есть и послужит предупреждением другим племенам.

Следы бандитов вели на северо-запад, туда, где атупаны охотились в летние месяцы. Убийцы двигались скорым шагом, почти без остановок видимому, они опасались мести случайно избежавших смерти охотников племени, а можем мести охотников из других племен. По всей видимости, у бандитов был предводитель и они преследовали вполне определенную цель, не отвлекаясь ни на что. Они даже ели на ходу сушеные фиги и овсяные лепешки — Конан постоянно находил брошенные огрызки и крошки, которые они роняли. Еще они пробовали охотиться, но без особого успеха, если судить но по количеству костей, которые остались у их

вечернего костра.

Пересекая реку, Конан нашел на глинистом берегу то, что показалось ему дороже всех сокровищ мира, — ясный и отчетливый след узкой ступни Сонги. Значит, она жива и ее используют как проводника к старой башне.

После того как Конан убедился, что правильно разгадал замысел бандитов, он удвоил скорость где только можно сокращая путь и останавливаясь лишь на миг на вершинах холмов, чтобы оглядеть окрестности и сориентироваться. Он не охотился и, позабыв о своих ранах, старался нагнать упущенное время. В этом ему помогало то, что Сонга выбирала, напротив, самый длинный путь, а иногда намеренно сбивалась с дороги.

Однако их командира было трудно обмануть, вероятно, он не спускал с Сонги глаз и сразу замечал все ее хитрости. И все же она старалась как могла замедлить продвижение отряда. Конечно же Сонга знала, что Конан, Аклак и другие охотники бросятся в погоню за убийцами. И опять Конан проклял злосчастную судьбу и свою глупость, которая привела к гибели названого брата и других атупанов.

Но если бы ему удалось отбить свою подругу у бандитов, то они могли бы бежать к другим племенам, среди которых у Сонги было много друзей, а потом организовать налет на бандитов. Ни один из них не вернулся бы домой… А Конан мог бы снова начать жить с Сонгой в одном из племен.

Однако сначала следовало догнать бандитов. Их предводитель не давал им передышки и гнал вперед с максимальной скоростью. Некоторые уже заметно хромали, когда Конан наконец настиг их, и случилось это уже у башни — цели их пути. Наступали сумерки, но подобраться близко было нелегко: сухие листья шуршали под ногами, выдавая его.

Возле башни не было никого, кроме двух караульных, поставленных по обе стороны входа. Все остальные находились, по-видимому, внутри. Караульные выглядели как обычные бродяги, таких было много в приграничных областях. На обоих были дурно сшитые кожаные штаны и куртки. На одном красовалась меховая шапка, зато ноги были обуты в полуразвалившиеся городские башмаки. Конан часто видел его следы и еще раньше подумал, что ходок он неважный. Башмаки у другого казались чуть покрепче, а одет он был в облезлую безрукавку, из которой мех лез клочьями. Конан не раз замечал их по пути.

Караульные стояли неподвижно, опершись на секиры, и время от времени переговаривались па простонародном бритунийском наречии. По виду бандитов Конан понял, что им почему-то не по себе. Когда киммериец подполз ближе, он догадался почему: прямо перед ними на земле лежали три трупа.

У двух одетых как бродяги были раскроены головы, из третьего торчало несколько стрел… Это была Сонга.

— Дьяволица, истинная дьяволица, — сказал караульный в меховой шапке. — Всю-то дорогу притворялась тихой, спокойной… А на самом деле вон что замышляла. Хитра, ничего не скажешь. — Ему явно хотелось поговорить. — А Долфас никому к ней притронуться не позволял.

— Для себя берёг, — буркнул другой караульный.

Первый пожал плечами:

— Оно, может, и так. — Он замолчал, но ненадолго. — Ты только подумай, пришли мы сюда, понятное дело, ребята захотели с ней поразвлечься, и ну вроде как отпраздновать, что наконец пришли, так она хватает топор и раз — одного по башке, раз — другого! Никогда не видел, чтобы женщина впадала в такую ярость. — Он изумленно покачал головой. — Да она могла бы всех нас порубить, если бы не наши луки!

— А я считаю, это чистое позорище, проворчал бандит в безрукавке. — Не могли

справиться с девкой — это же курам на смех! Зря ее убили. Надо было попробовать связать ее.

— Да мне тоже жалко, что убили, — проговорил первый караульный, после некоторого размышления. — Но ты же сам видел, какая зверюга, бр-р-р, даже вспомнить страшно! — Он опасливо глянул в сторону трупов.

— Эй, там! Что за разговоры на посту? — Из полуобвалившегося входа высунулась голова, и оба караульных подскочили от неожиданности.

— Нет, нет, капитан Долфас, мы не разговариваем, так, перекинулись двумя словами, и все.

— Смотрите у меня, — строго произнес Долфас. — Ну а в лесу что? За лесом-то вы следите, как я вам велел? — Взгляд капитана уперся в Конана, он не видел его в наступившей темноте.

— Следим, капитан, конечно, следим. Тихо все. Да у нас мышь мимо не пробежит. А скажите, капитан, скоро ли ужин?

— Скоро. Котелок уже на огне. — Долфас вышел наружу и, пройдя несколько шагов, обернулся и посмотрел на караульных. — Ночь мы проведем здесь, так что торопиться особенно некуда, тем более что драгоценности уже сложены в мешки. Утром тронемся в обратный путь.

— Хорошо, капитан.

Долфас прошел вперед, даже не взглянув на трупы, и, зайдя за кусты, принялся расстегивать пояс. Топор Конана несильно ударил его в висок, и капитан повалился без чувств. Несмотря на то что Конан успел подхватить его, сухие листья зашелестели, когда он клал тело Долфаса на землю.

— Эй, капитан, что случилось?

— С вами все в порядке, капитан Долфас? — всполошились караульные, но, когда из кустов вышел Конан, они приняли его в темноте за Долфаса. Одного бандита Конан пронзил копьем в горло, другому разрубил черен вместе с его меховой шапкой.

— Долфас, ты скоро? — позвал кто-то из башни. — Иди сюда! Твоя очередь бросать кости! — Ну где ты там запропастился?

Конан молча поднял секиру, но из проема никто не вышел, и он прислонился к стене, разглядим оружие. Отличная секира, наточена совсем недавно. С ней он может стоять здесь у входа и убивать бандитов одного за другим, пока они не догадаются взобраться на верх башни и скинуть ему на голову камень потяжелее.

Конан ощупал длинный плоский камень, который не давал входу в башню обвалиться окончательно. Ему показалось, что камень слегка шевелится. Конан уперся острым концом секиры в наиболее изъеденный временем и непогодой край и надавил. Камень скрипнув, чуть сдвинулся с места. Конан навалился еще сильнее. Полдюйма, дюйм… Камень двигался!

— Капитан! Ну сколько можно тебя ждать?! — В проеме показалась чья-то фигура, и Конан нажал изо всех сил…

Бандит даже не успел вскрикнуть: громадный камень ударил его прямо в голову. Следом начали осыпаться и другие камни. Грохот все увеличивался.

Конан быстро подхватил свое оружие и стремглав бросился в лес. Он успел как раз вовремя. Через несколько мгновений — и башня погребла бы и его в своих развалинах. За шумом падающих камней криков почти не было слышно. Впрочем, когда грохот прекратился, никто уже не кричал.

* * *

Позже, когда взошла луна, она осветила гигантскую груду камней и поваленные деревья.

Вокруг было засыпано мелкой белой пылью. Глухая первозданная тишина леса нарушалась лишь чьими-то слабыми стонами.

— Капитан Долфас. — Над человеком, придавленным стволом дерева, склонилась чья-то тень.

— Кто… кто ты? — хрипло спросил раненый, и его рука непроизвольно скользнула к пустому поясу.

— Нет, это я спрашиваю тебя, кто ты? — Полуобнаженный мускулистый человек опустился на колени рядом с капитаном.

— Ты говоришь по-британийски! Ты не дикарь! Почему ты так раскрашен?

— Отвечай на вопросы. Почему ты здесь? Кто тебя отправил сюда и зачем?

— Никто меня не отправлял. Я обыкновенный искатель приключений, путешествую по диким местам. А где мои друзья? Они живы?

— Хватит лгать! — К горлу беспомощно распростертого Долфаса прикоснулось острие копья. — Что ты здесь делаешь? Говори!

— Ну ладно, убери копье, я скажу. — Капитан слабо махнул рукой куда-то назад. — Знаешь ли ты, что в тех руинах находятся несметные сокровища. Вытащи меня из-под дерева, и я покажу тебе, где они.

— Говоришь, сокровища? — Схватив Долфаса за руку, Конан повернул ее к лунному свету. — Какие сокровища? Такие, как это? — Он ткнул пальцем в золотое кольцо. Наклонившись пониже, вгляделся в него. С внешней стороны оно казалось совсем обыкновенным, но со стороны ладони на нем был выгравирован грифон. — Ах вот оно что! Кольцо-печатка с символом королевской власти. Это становится интересно. — Конан грубо сорвал кольцо с руки Долфаса. Тот вскрикнул от боли. — Перестань кричать, Долфас, сейчас ты ответишь на мои вопросы.

Глава XIII
ПУТНИКИ

Снежные вершины Кезанкийских гор видны были в Шихаре отовсюду. Этот небольшой городок, окруженный частоколом из толстых заостренных сверху бревен, располагался у самых восточных границ Бритунии. Деревянные низкие домишки, крытые дранкой, теснились вдоль грязных узких чек, на которых редко появлялись чужие.

Вообще-то в сторону гор вели кое-какие дороги, проложенные в незапамятные времена давно забытой ныне расой, но ими пользовались лишь старатели и охотники, среди которых ходили легенды о пробитых в горах проходах на ту сторону неприступных Кезанкийских гор. Память о набегах с востока сохранилась лишь в преданиях, и крепкие ограды вокруг палисадников свидетельствовали всего-навсего о том, что горожане опасаются своих местных бандитов и воров, а отнюдь не жестоких коварных иноземцев. Если что и беспокоило жителей с востока, так это бурные потоки и сели, сходящие весной с крутых склонов.

Вот почему гандер по имени Регнард был удивлен, когда заметил одинокого путника, пересекающего росистый луг, за которым уже, собственно, и начинались отроги Кезанкийских гор. Даже на расстоянии путник показался ему каким-то странным. Он не был похож ни на охотника, ни на золотоискателя, возвращающегося в обжитые места после окончания сезона. Незнакомец, единственной одеждой которого, казалось, была медвежья шкура, по-видимому, не страдал от ветра с гор леденящего кожу. В руках он нес дротик и каменный топор.

Регнард решил, что это, должно быть, настоящий дикарь из тех самых первобытных племен, о которых ему приходилось не раз слышать за кубком доброго вина в местных трактирах. Зачем он решил спуститься с гор в цивилизованный мир, оставалось только гадать.

Регнард неспроста занял пост у открытых восточных ворот. Невысокий, но крепкий светловолосый гандер с рыжеватыми усами сидел на солнышке, прислонившись к стене, а у его ног стоял большой кувшин с восхитительным душистым сидром. Регнард поджидал усталого охотника или старателя, истомленного одиночеством, который будет счастлив переложить часть своих проблем по продаже добытого за долгие месяцы на широкие плечи добросердечного гандера. Уж кто-кто, а Регнард будет только счастлив предложить ему свою дружбу, глоток-другой отличного сидра и крышу над головой. Конечно, основная прибыль достанется не ему, а перекупщикам, но и те крохи, что ему перепадут, лучше, чем ничего. Этим он, собственно, и жил, прилепляясь время от времени к тем, кто оказывался удачливее его, но не мог тягаться с ним в изворотливости.

Что же касается именно этого странного дикаря, наверняка незнакомого с укладом жизни в городе, не говоря уже о стране, пожалуй, он тоже может представлять определенный интерес. Гандер задумчиво прихлебывал из кувшина, внимательно наблюдая за приближением незнакомца. Да, здесь, несомненно, таилась какая-то загадка, и он приложит все силы, чтобы ее разгадать. Возможно, даже окажется в состоянии решить кое-какие свои наболевшие проблемы.

А проблемы эти сводились к тому, что он уже давно мечтал выбраться из Шихара. Регнард явился сюда, надеясь быстро разбогатеть, все, казалось, говорило в пользу этой идеи: власти озабочены осложнениями, возникшими в результате гражданской войны, цены на золото и драгоценные камни подскочили, а, судя по упорным слухам, именно в этой провинции имелось несколько карьеров и шахт, где как раз таки добывалось золото и драгоценные камни.

Тем не менее все оказалось гораздо сложнее. В этом гнусном захолустье власть военных была сильна, как никогда. Они сумели настолько прибрать к рукам местных жителей, что те,

даже если и знали что-то о таящихся в горах богатствах, не смели и рта раскрыть, опасаясь жестокого наказания за разглашение государственного секрета: разработка карьеров и шахт издавна являлась монополией правителей страны. Более того, через Шихар даже не провозили добытое в горах, а разузнать, где и по какой дороге везут, тоже оказалось невозможным. Дисциплина при новой королеве стала еще жестче, чем раньше при Тифасе. Уже началась осень, и Регнарду просто дурно становилось от одной только мысли, что придется провести бесконечно долгую зиму в этом медвежьем углу.

Когда дикарь приблизился, гандер поднялся ноги и пошел ему навстречу.

— Привет тебе, незнакомец, — поздоровался он с ним, стараясь произносить слова как можно понятнее. — Должно быть, у тебя в горле пересохло после такого длинного пути. Хочешь, напейся из моего кувшина.

С непроницаемым лицом оглядев гандера с головы до ног, дикарь, видимо, решил принять предложение. Он переложил свое короткое копье с наконечником из камня в другую руку и принял кувшин, который с приветливой улыбкой протягивал ему Регнард. При этом накинутая на плечи шкура слегка распахнулась, и гандер (кстати, ему не доводилось еще видеть столь великолепного, мускулистого тела — ну и богатырь!) успел заметить на талии удивительный пояс из полированных пластин, в самую крупную из которых были вставлены блестящие камни. Дикарю сидр не понравился и он его выплюнул. Регнард забрал у него кувшин и демонстративно сделал большой глоток.

— Хороший сидр — крепкий. — Он протянул кувшин обратно незнакомцу. — Выпей, тебе понравится! — Дикарь раздраженно потряс гривой черных волос. Гандер не стал настаивать. — Ну как хочешь. Скажи, друг, ты пришел из-за гор?

Тот кивнул и неопределенно махнул рукой назад.

— А где твое племя? Они пришли с тобой?

Незнакомец неразборчиво проворчал что-то и отрицательно покачал головой.

— Один, значит. — Не переставая говорить, Регнард увлек черноволосого великана в сторону городских ворот. — Тяжело, должно быть, странствовать в одиночку. Я слышал, что в этих горах терялись и пропадали даже большие вооруженные отряды.

Дикарь промычал что-то в ответ. Гандер никак не мог уяснить себе, понимает ли тот что-нибудь из того, что он ему толкует, но это, в общем-то, пока не имело особенного значения. Главное, что гигант безропотно идет с ним в город. Стражники у ворот не удосужились спуститься вниз со своей обзорной площадки, чтобы допросить вновь прибывшего, вероятно, их не заинтересовал этот полуголый дикарь. Презрительно глянув на его примитивное оружие и медвежью шкуру, они не сочли его опасным, тем более что по всему было видно, что гандер за ним присмотрит и не позволит ввязаться в какую-либо историю. В этот ранний час улицы Шихара были пустынны, и глазеть на диковинного незнакомца оказалось некому. Сам же он проявлял к новому для себя окружению на редкость мало любопытства.

— Я знаю город… У тебя есть что-нибудь на продажу? — Дикарь взглянул на Регнарда безо всякого выражения, и тот попробовал объясниться еще раз: — Меняться, мена, понимаешь? — И он универсальным жестом потер пальцы, сложив их щепоткой. Не получив никакого отклика и на этот раз гандер с притворным равнодушием пожал плечами: — Ладно, ничего. Идем, я тебя и так покормлю.

Гандер привел своего спутника в ближайшую открытую таверну. На утоптанном земляном довольно большого зала стояли деревянные столы на козлах и скамейки, на которых сидели несколько первых посетителей. Они удивленно воззрились на дикаря в медвежьей шкуре, но, оценив его сложение, не выказали никакого неудовольствия, напротив, стали поглядывать на него с интересом, а женщины даже с восхищением. Регнард велел лысому хозяину таверны

принести им поесть и усадил своего нового приятеля за дальний от двери стол, настояв на том, чтобы тот выпустил наконец из рук дротик и топор и поставил бы их рядом с собой у стены. Подали вино и сидр — дикарь отказался от того и другого. От эля он не отказался, но выпил лишь один глоток. Когда на столе появилась соленая рыба, вареная свинина и тушеная брюква, Регнард от души принялся за еду, приглашая к тому же своего гостя. Тот покорно съел все, что бы на тарелке, но так и не промолвил ни единого слова.

Гандер считал, что, путешествуя по окраинам Хайбории, он прекрасно изучил дикие племена и научился понимать души этих чистых наивных людей. Взять, к примеру, этого богатыря, который сидит сейчас с ним за одним столом. Несмотря на внушительный вид и необыкновенную серьезность, мозг у него как у малого ребенка. Такой вот варвар, доверчивый и бесхитростный, просто не в состоянии понять законы нового для него мира. Такие, как он, привыкли жить в диких лесах, бороться с силами природы и удовлетворять по возможности свои убогие потребности, считая за счастье, что им удалось просуществовать еще один день. Этот гигант, только что спустившийся с гор, выглядит великолепно, но что станет с ним через месяц? Без покровителя, который указывал бы ему, что делать и как себя вести, он заболеет, растеряется и пропадет, беспомощный жалкий горемыка. И все потому, что дикарь он и есть дикарь и не способен выжить в цивилизованном мире.

Рагнард, разумеется, не мог допустить, чтобы такая печальная судьба постигла его нового друга. Подбирая кусочком хлеба соус с тарелки, он сказал:

— Теперь, когда мы поели за одним столом, может быть, ты, дружище, скажешь, как твое имя?

— Конан, — ответил тот и опять замолчал.

— Конан, — повторил гандер. — Так что ж ты, Конан, ищешь здесь, в Шихаре? Ума-разума? — Он выразительно постучал себя по голове. — Любовных приключений? — Регнард игриво подмигнул, кивком на женщин, сидящих в отгороженной части зала. — Или денег? Кстати, за такую шкуру, как на тебе, можно получить немало, не говоря уже о твоем золотом поясе. — Дикарь не сказал ни слова, но глаза его сузились, что гандер счел за проявление интереса. — Да, меха нынче в цене, ведь охота уже не та, что раньше. Зверь ушел далеко в горы. Между прочим, не знаешь ли ты случайно, где еще есть такие пояса или что-нибудь вроде? — Конан покачал головой. — Не знаешь? Ну ладно, это не важно. — Регнард улыбнулся со всей дружелюбностью, на какую был способен. — Ну а люди из твоего племени? Может, они знают?

Дикарь ответил бесстрастно:

— Мои люди мертвы.

— Мертвы? Да что ты! Заболели и умерли? — Гандер не слишком удивился: из своего обширного опыта он знал, что грязные невежественные дикари то и дело мрут как мухи.

Черноволосый гигант пристально посмотрел на него:

— Да, заболели и умерли.

— Ай-ай-ай, какое несчастье, — с деланным сочувствием отозвался Регнард. За себя он не волновался — во время своих странствий он уже переболел всем, чем только можно. Авось этот дикарь его не заразит. — Так, значит, ты пришел в Бритунию искать счастья? Хочешь разбогатеть?

Конан пробормотал что-то в знак согласия.

— Мудрое решение. В городе жить намного удобнее, чем в лесу, ясное дело. Знай, что этот захудалый Шихар и городом-то назвать трудно, так, считай, пустое место. Но большие бритунийские города — вот это да! Ты и представить себе не можешь, какие возможности они таят, какая там роскошная жизнь, какое великолепие, какой блеск! Я тебе все подробно опишу при случае, но имей в виду, эти горожане — народ ушлый, обведут вокруг пальца, не успеешь и

глазом моргнуть, поэтому единственный для тебя выход — обзавестись надежным другом, который помог бы тебе на первых порах, пока ты сам не разберешься, что к чему.

Последняя фраза гандера, судя по всему, заинтересовала.

— Ты хочешь мне помочь?

Регнард после короткого колебания кивнув

— Что ж, пожалуй, я тебе действительно помогу. Но только если сам с этого буду что-нибудь иметь. Понимаешь, в городах никто ничего не делает даром.

— Что ты хочешь?

Регнард на минуту призадумался, поглаживая рыжеватые усы.

— Видишь ли, приятель, какое дело… Мне этот Шихар очертел хуже горькой редьки, и я собираюсь в ближайшее время отправиться в более обжитые и приятные места. Сдается мне, что и тебе бы стоило это сделать. Во всяком случае, в большом городе ты смог бы выгоднее продать то, что у тебя есть. — Гандер не был вполне уверен, что дикарь его понимает, но уже не мог остановиться.

— Так вот, если продать здесь ну хотя бы твою медвежью шкуру, тогда мы могли бы купить себе теплую шерстяную одежду и у нас осталось бы достаточно денег, чтобы добраться до какого-нибудь города. А уж там мы бы развернулись. Ты мог бы получить кучу денег за свой золотой пояс, а я…

— Какой город?

— Какой город? — повторил гандер. — Какой город… А давай махнем в Саргоссу — отсюда до него две недели ходу. Если уж мы выбираем из больших городов, почему бы не выбрать самый большой? Саргосса — столица всей Бритунии, — пояснил он дикарю.

— Саргосса — хорошо, — сразу согласился тот, встал и, сняв с себя шкуру, положил ее на стол.

Могучий торс и перекатывающиеся бугры мускулов вызвали откровенное восхищение служанок. Они подошли поближе, словно для того, чтобы потрогать густой медвежий мех, но взгляды, которые они бросали на богатыря-незнакомца, говорили сами за себя. Однако их откровенные авансы не поколебали его бесстрастности, он был все так же холоден и безразличен. И опять это ничуть не удивило бывалого гандера: ему ли не знать, что у суеверных дикарей всяческих запретов и табу больше, чем даже у стигийских жрецов. Безыскусные дети гор и лесов и понятия-то не имеют, как развлекаются в приличном обществе! Но при этом надменны и заносчивы, как аристократы. Особенно опасно оскорблять их чувства: в два счета проломят голову. Ему-то, разумеется, такое не грозит, он умеет обращаться с варварами.

Довольный собой, Регнард взял со стола шкуру и, оставив своего подопечного в мрачном раздумье над кружкой эля, отправился продавать мех. Когда гандер вернулся, кошель на его поясе был туго набит. Не вдаваясь в детали, он объявил, что теперь у них достаточно денег для путешествия в Саргоссу, и, если они хотят выйти завтра утром, надо срочно заняться покупкой одежды и продовольствия.

В Бритунии стояла осень, самая благодатная пора года. На полях копошились селяне, собирая богатый, как никогда, урожай, сладковатые дымки тянулись к небу, это жгли ботву и солому. Амбары и погреба ломились от запасов, и люди были веселы. Гражданская война закончилась быстро, не успев нанести особого ущерба, новая королева взошла на престол совсем недавно, и бритунийцы еще не успели ощутить ее твердой руки. Всюду царила умиротворенность и спокойствие.

На ночь Регнард и Конан останавливались обычно в придорожных трактирах. Общительный гандер не упускал случая повеселиться в компании таких же, как он, путников, а его угрюмый приятель, как правило, сразу же после обильной трапезы (сытной и дешевой еды всегда было

вдоволь) отправлялся спать на сеновал. Иногда после таких дружеских попоек Регнард мог едва переставлять утром ноги, тогда Конан нес и свою и его поклажу. К счастью, он оказался вынослив и неприхотлив, а его сила не раз выручала гандера, когда он ввязывался в пьяные драки. А когда на них как-то напали, бандитам пришлось горько об этом пожалеть.

В целом же их путешествие проходило весьма приятно. Погода стояла великолепная, люди были приветливы и доброжелательны. Регнард постоянно находился в веселом, приподнятом настроении, но ничто не могло вывести гиганта-дикаря из его тягостных размышлений. Одним богам было известно, что за горести томили его дикарскую душу, — Регнарда это не слишком интересовало.

Глава XIV
МАЛЕНЬКАЯ УЗУРПАТОРША

Принц Клевин направлялся к королеве со своим обязательным утренним визитом. Его продвижение по бесконечной анфиладе комнат дворца было затруднено не его преклонным возрастом и не старческой немощью, а тем, что он ежеминутно останавливался для того, чтобы обменяться любезностями с каждым, кто встречался ему на пути. Он давно уже осознал великую истину: хочешь выжить — будь учтив и обходителен даже с последним лакеем.

Положение принца при дворе никак нельзя было назвать прочным. Да и каким оно еще могло быть у лишенного наследства аристократа, в жилах которого текла королевская кровь и который когда-то в незапамятные времена претендовал на престол? Однако сейчас ему благоволила сама королева Тамсин, — и все, от придворных до слуг, стремились проявить к нему внимание. Вот почему таким долгим был путь принца от своей спальни до покоев королевы: вельможи, советники, верховные офицеры, простые стражники, жрецы, дипломатические посланники, эмиссары, слуги, рабы — все стремились перекинуться с принцем Клевином хотя бы словечком, что вполне соответствовало его собственным интересам. Ему скорее даже нравилось лавировать в полных опасностей дворцовых подводных течениях, он привык к этому с рождения и в гуще придворных интриг чувствовал себя в своей родной стихии, как рыба в воде. Второй раз в жизни принц оказался в центре событий, у подножия вершин власти, в своей любимой Саргоссе, городе, где он когда-то родился, — и он был счастлив.

Когда принц достиг наконец покоев королевы, слуга попросил его немного обождать и скрылся за золоченой дверью. Через несколько мгновений он появился вновь (на лице его было какое-то странное выражение, казалось, он с трудом сдерживается, чтобы не впасть в истерику) и жестом пригласил принца войти.

Клевин переступил порог и очутился в спальне королевы Тамсин. Лучи яркого утреннего солнца врывались в окно с откинутыми в сторону шелковыми занавесями, освещая высокое ложе из черного дерева под кружевным пологом. У дальней из стен, обитых темно-синей тканью, в почтительном молчании замерли несколько приближенных королевы. Рядом с ними и у дверей стояли слуги-евнухи. Был здесь и главный камергер Басифер, не сводящий с королевы преданного взгляда. Сама же Тамсин в изысканной ночной сорочке продолжала сладко спать — принц сразу это понял по ее позе и закрытым глазам. Однако тогда было непонятно, чей же голос раздается с постели. Можно было даже подумать, что это говорит кукла, сидящая на подушке рядом с Тамсин.

— Приветствую тебя, принц Клевин, и добро пожаловать, — послышался неживой трескучий голос. — Тебя-то как раз и не хватает среди первых смертных, удостоившихся услышать, как я сама отдаю приказы, не пользуясь устами моей верховной жрицы.

— Премного благодарен, достопочтенная госпожа моя, Божественная Нинга, — внезапно охрипшим голосом произнес принц и замер в наипочтительнейшем поклоне, чтобы иметь время скрыть свое смятение. Он совершенно спокойно относился к тому, что Тамсин, как ему представлялось, иногда делала вид, словно разговаривает со своей куклой, и считал себя очень ловким, притворяясь, будто верит ее штучкам. Но теперь он просто не знал, что и думать. Может, Тамсин находится в трансе и говорит не своим голосом? Впервые в жизни опытный царедворец растерялся и не знал, что сказать. — Искрение благодарю тебя, Божественная Нинга, за твои добрые слова, — выдавил он из себя.

— Ты, принц, — продолжила кукла королевы, — волею судеб предназначен выполнять мои

веления здесь, во дворце, а главный камергер будет делать то же самое в городе и стране.

Басифер отвесил глубокий поклон, не проявляя ни малейшего удивления.

— Буду счастлив исполнить любое ваше приказание, ваше священство!

Евнух был фанатически предан Тамсин и ее кукле-богине. Возможно, это явилось результатом какого-то частного соглашения между ними, которое было выше понимания Клевина. Во всяком случае, никакие романтические чувства здесь не могли быть замешаны, учитывая физическую неполноценность Басифера. И вообще, принц уже успел обратить внимание, что юная королева лучше всего чувствовала себя в обществе якобы мужчин — либо подобных евнухов, либо таких старых, как он.

— Внимать тебе — блаженство, о богиня, — обрел наконец Клевии дар речи, — но я льщу себя надеждой, что мы не лишимся также и общества королевы. За последнее время я успел привыкнуть к ее сладостному присутствию.

— Не беспокойся, принц. Моя прислужница, чьим голосом я говорила с вами до сих пор, скоро проснется. Она легко утомляется, нелегко в ее юном возрасте занимать то высокое положение, на которое я ее возвела. — Покровительственный тон тряпичной куклы с тыквенной головой показался Клевину просто абсурдным. — Вот почему, — продолжила Нинга, — мне и пришлось, так сказать, возвысить свой собственный голос, дабы навести порядок в государственных делах.

— Я понимаю, достопочтенная богиня, — поддакнул принц как можно любезнее, — государственные дела требуют каждодневного контроля, приходится решать столько проблем…

— Нет, ты меня не понял, — не дала договорить ему кукла. — Речь идет не о каждодневной ругине, а о кардинальном изменении и государственной системы, и религиозной.

— Я… э-э… — Принц опять не мог найти слов. — Я хочу сказать… сейчас, когда еще не утихли страсти после восстания…

— Восстания необходимы, и более того — полезны, — с апломбом продребезжала Нинга. — Хорошо организованный хаос производит очищающее и освежающее действие. Важно только проследить, чтобы потом все снова не вернулось к тому же, а именно это и происходит сейчас в Бритунии.

— Милостивая госпожа, — попытался вставить олово принц, — Божественная Нинга, Бритуния очистилась от скверны, когда вы с Тамсин уничтожили Амалиаса и свергли Тифаса. Ныне наше государство здорово, как никогда…

— Нет, Клевин, — опять перебила его кукла, — вслед за кратким периодом очищения болезнь вновь взяла свое. — В ее трескучем голосе звучала суровая убежденность. — Если посмотреть на страну, можно подумать, что вообще никакой революции не было, что по-прежнему правит этот гнусный, продажный Тифас, а заправляет всем бездарный Амалиас. Что же случилось с нашей священной миссией? Какой толк от не имеющего себе равных единства королевской и церковной власти? — Кукла безо всякого видимого содействия со стороны Тамсин, которая продолжала невинно спать, махнула тряпичной рукой в сторону окна, где с высоты открывался вид на город. — Посмотри туда! Ты увидишь, что торговцы обманывают так же, как и раньше, жрецы несут вздор, только несколько другими словами, простолюдины работают до полного изнеможения и пресмыкаются перед вышестоящими. Что изменилось? Их жизни все те же, цели не стали выше, религиозное сознание не проснулось. Объясни мне, принц, зачем им вообще понадобилось менять хозяев?

— Почтеннейшая Нинга, подданные страны стали гораздо счастливее, они испытывают удовлетворение, находясь под твоим божественным покровительством…

— Вот именно, Клевин, испытывают удовлетворение! — проверещала Нинга. — Они

самодовольны, тупы и ограниченны! Где, спрашиваю я тебя, священный экстаз? Где священный ужас? Где усердное служение единственно истинной богине? Ничего этого нет и в помине! Но через вас, мои помощники, я наведу в стране достойный порядок. Отныне подданные Бритунии будут караться за не соответствующие моим предписаниям мысли и поступки. Наказание — смерть. Кроме того, пожалуй, стоит наложить на них дополнительную повинность.

Принц Клевин ожидал продолжения, лоб его блестел от пота.

— Какую дополнительную повинность, о Божественная?

— Как какую? Разумеется, человеческие жертвоприношения! Насколько я понимаю, это чрезвычайно эффективное средство для возбуждения религиозного рвения. Ежемесячно каждый пятисотый в Саргоссе и прочих городах Бритунии будет приноситься в жертву. Избирать того, кто будет удостоен такой чести, можно по жребию. На главных площадях городоь начнем возводить священные пирамиды из черепов. А подземелья под храмами послужат для успокоения тел избранных. Вместо голов им будут прилаживать раскрашенные тыквы — в мою честь. Ну, как вам нравится моя идея?

После нескольких мгновений напряженной тишины Клевин произнес сдавленным голосом:

— У меня нет слов.

— Благодарю, принц, — ответила кукла.

— Воля богини — закон для нас, — произнес Басифер твердым голосом, в котором не было и тени сомнения.

— Э-э, да, священный долг, святая обязанность, — еле слышно донеслось из группы придворных, ожидающих пробуждения Тамсин. Все они были бледны как смерть.

Королева пошевелилась, открыла глаза и зевнула. Нинга сразу замолчала и от движения Тамсин, как обычная кукла, опрокинулась назад. Королева зевнула еще раз и огляделась:

— О, мои друзья уже здесь! Доброе утро! Полагаю, вы не скучали, Нинга развлекала вас разговором, пока я спала. Она такая прелесть!

Тамсин притянула к себе куклу и с чувством поцеловала в голову. Потом с деловым видом поправила на ней платье и пригладила волосы.

— Божественная Нинга, — откашлявшись, начал принц, — поведала нам о своих планах, кхм-кхм, о некоторых, я бы сказал, новых формах отправления религиозных обрядов…

— Замечательно! — воскликнула королева. — Не сомневаюсь, она может на вас положиться, вы сделаете все, что она хочет.

— Иначе и быть не может, — проговорил главный камергер, преклоняя колено. — Я немедленно отправлюсь в храм и сообщу о распоряжении богини — и вашем, моя королева — жрецам. Они безотлагательно приступят к осуществлению всех ее повелений. А в другие города мы разошлем гонцов.

Вот и славно. — Тамсин отвернулась от Ба-сифера, который, пятясь и кланяясь, начал отходить к двери. — Но вы, мой дорогой принц, вы останетесь со мной, ведь правда? — Она протянула ему руку, и Клевин поцеловал ее сухими старческими губами. — Составьте мне компанию, пока я завтракаю и одеваюсь.

Она махнула рукой — и тотчас же приблизились слуги, держа в руках подносы, уставленные чайниками, чашками, блюдами со свежайшими булочками н разнообразными вареньями, однако королева съела очень мало и почти сразу отослала их прочь, призвав на их место служанок, которые должны были одевать и причесывать их с Нингой. Все это время принц поддерживал легкую приятную беседу. Затем Тамсин повела его к своему столу, где были разложены ее самые любимые амулеты и талисманы, и стала показывать их ему одни за другим, поворачивая каждый в лучах яркого утреннего солнца, лившихся из раскрытого окна.

Глава XV
МЕСТЬ

В одно ясное осеннее утро, когда в воздухе уже чувствовалось дыхание первых заморозков, Регнард и Конан приблизились к легендарной Саргоссе. Накануне гандер допоздна играл в кости и пил с торговцами и контрабандистами в грязном постоялом дворе — последнем их пристанище на пути в столицу Бритунии. Однако сегодня он был бодр, как никогда.

— Погоди, — обратился он к своему угрюмому спутнику. — Возьми-ка и мой мешок тоже. Я думаю, будет лучше, если мы сделаем вид, что ты мой слуга-варвар. — Он привязал свою нетяжелую поклажу к мешку Конана, который, как всегда, нес большую часть их имущества. — Стражникам у ворот это покажется более естественным. Помни, мы сейчас войдем в богатейший из городов, где царят свои законы жизни. Многое покажется тебе странным, но ты не бойся и никуда не отходи от меня. Верь мне, все будет хорошо.

Избитая, разъезженная дорога сменилась булыжной, и вскоре перед ними выросла высокая городская стена. Через равные интервалы на ней располагались внушительных размеров башни, позолоченные зубцы которых сияли в лучах восходящего солнца. Ворота, представшие перед путниками, поражали великолепием. К счастью, они нисколько не пострадали от недавних волнений. Разноцветная мозаика, украшающая арку ворот, составляла замысловатый узор, а на самом верху был изображен стоящий на задних лапах грозный Грифон — символ власти бритуиийских королей.

В карауле у поднятой решетки ворот стояли стражники, надзирающие за порядком. Целая вереница пестро одетых путников, всадников, торговцев на повозках, купцов из дальних стран, паломников и просто жителей из окрестных деревень выстроилась перед входом в город. Регнард не встал в медленно продвигающуюся очередь, а отвел Конана в сторонку.

— Знаешь, здесь такая строгая охрана, — сказал он. — Боюсь, они не разрешат тебе войти, если будут думать, что ты станешь самостоятельно бродить по городу — уж очень у тебя дикий вид, приятель, они могут счесть тебя опасным. Но ты не беспокойся, я уже все продумал. Вот, смотри. — И он достал из небольшого мешочка короткую, но крепкую бронзовую цепь, оба конца которой кончались толстыми раскрытыми браслетами. — Ты временно наденешь эту штуку на руки, и стражники нас спокойно про пустят: они подумают, что ты мой раб, а я твой хозяин и, значит, за тебя отвечаю. Вот и все, что надо сделать, зато ты сможешь увидеть чудеса Саргоссы собственными глазами.

Конан покорно позволил отвести себя к кузнецу, расположившемуся неподалеку от ворот — он подковывал лошадей деревенских жителей, чтобы бедные животные не сбили себе копыта на непривычной каменной мостовой. Так же безропотно он позволил заковать себя в ручные кандалы.

— Нет-нет, руки должны быть сзади, здесь так принято, мой друг, — суетился вокруг него гаи дер. — А насчет поклажи не беспокойся, мы повесим тебе ее на шею. Вот видишь, как хорошо! А я понесу за тебя оружие.

Так они и прошли ворота. Регнард пыжился, изображая из себя хозяина, он толкал Конана в спину и то и дело приказывал пошевеливаться. Когда же они отошли от городской стены на некоторое расстояние, гандер заявил, что, пожалуй, разумнее будет продолжить маскарад еще на какое-то время.

— Ты только посмотри, ну не изумительное ли это зрелище! — то и дело восклицал он, ведя Конана по узкой грязной улочке. — Громадные дома — ты таких никогда не видел! А люди!

Ты небось и пред ставить себе не мог в своих горах, что бывает столько людей сразу. А как они пышно одеты! Нет, парень, тебе действительно здорово повезло, что ты попал в Саргоссу. Это я тебя сюда привел, помни мою доброту. А вот здесь мы свернем вправо: рынок должен быть вон в той стороне.

Они продвигались по лабиринту извилистых улочек. Кого здесь только не было: торговцы, попрошайки-нищие, размалеванные проститутки, бритые жрецы, ремесленники, стражники, какие-то подозрительные личности с воровато бегающими глазами, слуги и служанки… Наконец они добрались до площади, где раскинулся шумный базар. Если на улицах было много народу, то тут оказалось просто не протолкнуться.

— Ну, Конан, вот мы и пришли… Если хочешь что-нибудь продать, надо продавать именно здесь. Чего ради мы должны позволять наживаться перекупщикам? Мы сами продадим и сами получим все деньги. Иди за мной, не отставай. — И гандер стал пробираться сквозь толпу.

Через головы людей Конан видел, что в центре площади происходит аукцион. Вот на каменный помост поднялась стройная молодая женщина, кожа ее была бронзового цвета. Курчавый коринфиец в феске сдернул с нее накидку, под которой практически ничего не было, и стал расхваливать обнаженную красавицу восторженной толпе покупателей. Тут же ожидал своей очереди абсолютно черный кушит, чьи цепи были намного толще, чем цепи К°нана. Рядом с ним стоял гиперборей с очень светлыми, почти пепельными волосами, его руки стягивала веревка, привязанная к деревянной колодке на шее. За всеми ними присматривали два здоровенных стражника с тяжелыми кнутами, на головах у них тоже красовались фески того же оранжевого цвета, что и у аукциониста.

— Обольстительная красавица, грациозная и гибкая, — продолжал разливаться соловьем коринфиец. — Прелестнейшая из дочерей солнечной Заморы, изумительная танцовщица, божественно играет на флейте. Она из Шадизара, друзья мои, где даже ночью воздух тепел и нежен, где зреют громадные дыни, а медовые финики тают на языке…

— Регнард, неужели ты действительно считаешь меня таким дураком? — устало произнес Конан. — Любому ясно, что это не базар, где торгуют драгоценностями, а невольничий рынок.

— Ради всех богов, друг мой, не волнуйся, — затараторил гандер. — Я ведь тебе уже говорил, со временем ты во всем разберешься. Вот послушай, сейчас я выставлю тебя на продажу вместе с твоим замечательным поясом. Все, конечно, сразу захотят тебя купить. Я получу денежки и спрячу их для. нас с тобой. А потом, может, даже сегодня же ночью, проберусь туда, где ты будешь спать, и освобожу тебя. И мы оба будем богаты и… Конан, постой, ты что делаешь?!

Не веря своим глазам, Регнард смотрел, как его приятель-дикарь усилием одних только рук освобождается от кандалов, надетых на него по всем правилам сегодня утром. Разогнув толстые медные браслеты, он поймал за плечо очнувшегося от столбняка гандера, который попытался спастись бегством.

— А вот теперь мы посмотрим, как тебе подойдут твои собственные наручники и сколько времени по надобится тебе, чтобы освободиться от них, — приговаривал Конан, оборачивая бронзовую дважды вокруг шеи своего недавнего спутника и зажимая медные кольца у него на затылке.

Цепь была настолько коротка, что гандер сразу начал задыхаться и ловить ртом воздух не мог. В нарастающей панике он тщетно дергал за цепь, но все было напрасно. Стоящие рядом наконец заметили: происходит неладное, но не сразу разобрались, что именно.

— Он корчится? Его пырнули ножом?

— Нет, это раб взбунтовался!

— Да помогите же ему кто-нибудь! Он же задохнется!

— Ты что, ослеп? Не видишь, что это не бритуниец? Задохнется иноземец-купец, значит туда ему и дорога. Ловите лучше этого негодяя-раба, пока другие тоже не взбунтовались!

В возникшей сутолоке Конан схватил свое оружие и попробовал пробить себе дорогу на волю. Он размахивал каменным топором как безумный, и все в ужасе отшатывались от него. Два стражника, надзиравшие за торгами, выдвинулись вперед, желая схватить Конана, но не успели они взмахнуть своими кнутами, как одни получил несильный удар копьем в живот, плюхнулся на мостовую, согнувшись в три погибели, и завыл от боли. Другому досталось топором по голове, он рухнул как подкошенный, лицо его кровью.

— Берегитесь, дикарь взбесился!

— Он вооружен! Городскую стражу сюда!

Вокруг Конана образовалось пустое пространство, но по-прежнему оставалось тяжелым, слишком уж много вокруг него было людей, и все они не сводили с него глаз. Тогда в отчаянии он ринулся на помост, где стояли рабы, предназначенные для продажи. Ударом каменного топора он перерубил веревку, которой были связаны руки молодого гиперборейца, юноша, издав восторженный вопль, принялся вытаскивать шипы, скрепляющие деревянную колодку и через несколько мгновений сбросил ее с шеи. В это время Конан уже рассекал другую веревку, ею были прикручены друг к другу два каторжника, попутно он ткнул копьем тюремного сторожа который находился при них. Чернокожий кушит не стал дожидаться помощи Конана. Он накинул цепь от своих кандалов на горло аукциониста и дернул с такой силой, что тот повалился без чувств. Не теряя времени попусту, кушит сорвал с его пояса связку ключей и, ринувшись в толпу, растворился в ней. Даже танцовщица из Заморы не растерялась, а, спрятав под накидкой чей-то оброненный кинжал, спрыгнула с помоста и тоже куда-то исчезла.

Воспользовавшись суматохой, беготней и неразберихой, когда все только кричали и никто не знал, что делать, Конан сумел пробиться сквозь толчею к ближайшей улочке. Поняв, что никто его не преследует, Конан пошел спокойно, направляясь в сторону дворца. После месяцев, проведенных в лесах, шумный зловонный город показался ему отвратительным. Почти сразу он сообразил, что не стоит и пытаться выдать себя за обычного гостя столицы, уж слишком он бросается в глаза, даже в такой разношерстной толпе. Посему Конан избрал другой способ добраться до цели: он побежал, и побежал быстро, словно преследуя дичь на охоте. Разумеется, на него обращали еще больше внимания, чем раньше (да и как не обратить внимание на великана с черной гривой волос, в руках у которого каменный топор и дротик с каменным наконечником?). Зато теперь Конан сильно выигрывал в скорости, а это было главное: успеть добраться до дворца, пока туда не дошли вести о бунте рабов на базарной площади.

Постепенно грязные лабиринты извилистых улочек в многолюдных кварталах бедноты сменились широкими тенистыми улицами, по обе стороны которых за крепкими оградами возвышались особняки знати. Людей здесь было несравненно меньше, и они успевали посторониться при виде могучего варвара с грубым оружием в руках, который с невероятной быстротой несся неизвестно куда. Однако здесь возникала дополнительная опасность. Прежде всего Конана мог сбить с ног и затоптать лошадьми первый встречный отряд всадников, а кроме того, любому стражнику с луком могла прийти в голову светлая мысль — пустить в него стрелу, находясь в безопасности на крыше какого-либо храма.

И Конан опять сменил тактику: высмотрев легкую коляску, которой управлял богато одетый аристократ, киммериец вскочил в нее на ходу и скинул незадачливого франта, перехватив поводья. Он подхлестнул быстроногих вороных коней, и те понеслись вскачь. Конана опьяняла эта стремительная езда, с каждой секундой она приближала его к цели. Наконец коляска вылетела на большую безлюдную площадь перед храмом, впереди уже виднелись ворота королевского дворца. К счастью, они оказались открыты. Часовые, попытавшиеся было

преградить Конану путь, шарахнулись в обе стороны, едва избежав тяжелых копыт его скакунов, которые в мгновение ока пронеслись через внутренний двор. Все так же погоняя их, Конан попытался въехать вверх по широким пологим ступеням прямо к главному входу во дворец, однако хрупкая коляска разлетелась уже от первого удара. По-прежнему не выпуская из рук своего оружия, Конан вовремя соскочил с нее и, прыгая через три ступеньки, бросился к высоким дубовым дверям, одна створка которых была отворена.

— Стой, варвар! Под страхом смерти запрещаю тебе приближаться!

Два стражника с секирами наперевес преградили ему вход во дворец. Конан будто их не слышал и не видел.

— Стой, тебе сказано! Ты что, глухой? Или языка не понимаешь? Ну ничего, моя секира тебе сейчас все разъяснит!

Не добежав нескольких шагов до стражника, Конан остановился как вкопанный, переложил свое оружие в одну руку, а другой достал из-за пояса мешочек, из которого извлек маленький блестящий предмет.

— Может, теперь вы поймете, кто я? — проговорил он по-бритунийски с сильным акцентом. — Эту штуку дал мне некто по имени Долфас на восточной границе.

Повинуясь приказу, младший из стражников приблизился к Конану, принял из его рук массивное золотое кольцо и передал его старшему. Тот поднес кольцо к глазам, затем подозрительно посмотрел на Конана.

— Кольцо настоящее, спору нет, и печатка на месте, но неужели ты думаешь, я поверю, что ты один из разведчиков Долфаса? Это же не лезет ни в какие ворота!

— У меня срочное послание от Долфаса вашей королеве, предназначенное только для ее ушей. Мне необходимо немедленно передать его, — внушительно произнес Конан.

— Ну и ну! Быстрый какой нашелся! — Продолжая не сводить с Конана недоверчивого взгляда, офицер досадливо махнул стражникам, прибежавшим от ворот, чтобы шли на место. — Подождешь здесь, в этом деле надо разобраться. Лорд Басифер уже вернулся? — спросил он молодого стражника.

— Да, капитан. Несколько минут назад он прошел из храма во дворец.

— Хорошо, тогда сделаем так. Ты, варвар, садись сюда и жди. — Он указал Конану на скамью у входа. — Да и положи ты наконец свое дурацкое оружие! И веди себя прилично. Здесь тебе не лесные дебри, а как-никак дворец. Ворвался тут, будто к себе домой! — И раздражительный офицер, продолжая бурчать что-то себе под нос, удалился с золотым кольцом в руках.

Под бдительным взглядом молодого стражника Конан прислонил к стене копье и топор. Садиться он не стал, несмотря на приказ вышедшего вскоре на замену капитану офицера, а продолжал топтаться рядом со своим оружием. Он прикинул, не попробовать ли прорваться во дворец силой, но отказался от этой мысли, когда увидел, что в обширном вестибюле находится по меньшей мере два десятка вооруженных воинов дворцовой стражи. Наступил момент, когда, как и во всякой охоте, следует терпеть и ждать, являя не силу, а хитрость. Сначала надо приблизиться к логову зверя, а уж потом начинать махать топором. Эту истину Конан уже успел хорошо усвоить.

Неожиданно от ворот донесся шум. По-видимому, туда прибыл кто-то, чтобы сообщить о том, что произошло на невольничьем рынке, и о разбежавшихся рабах. Конан сел на холодную каменную скамью, копье и топор находились от него на расстоянии вытянутой руки. Он молча ждал. Немного погодя он увидел, что в ворота пропустили всадника. Стражники у дверей следили за его приближением, перестав обращать внимание на Конана. Внезапно из дворца торопливо выбежал капитан.

— Быстро иди за мной. Главный камергер желает немедленно поговорить с принесшим кольцо Долфаса.

— Капитан, кажется, в городе что-то случилось. Сюда скачет гонец… — сообщил один из солдат.

— Придется ему подождать, — перебил его капитан, — ибо у этого варвара дело государственной важности. Я скоро вернусь, а пока никому ни слова о нем.

Кожаные сандалии Конана были почти не слышны на полированных каменных плитах. Стражники с напряженными лицами, спешащие куда-то слуги, разодетые вельможи — Конану казалось, будто он видит дурной сон, а когда проснется, вновь очутится в лесу, на приволье. Но нет, это был не сон. Капитан распахнул золоченые двери и прямо-таки втолкнул Конана в богато убранную комнату. Там их ждал, нетерпеливо прохаживаясь взад-вперед, полный безбородый человек в платье восточного евнуха и феске. Он резко остановился, когда на пороге показался Конан со своим провожатым.

— Лорд Басифер, вот тот, кто принес кольцо…

— Да-да, я вижу, — прервал его евнух и, не дожидаясь, пока Конан приблизится, набросился на него с вопросами: — Что с Долфасом? Говори, почему он не вернулся сам? А ты? Оказывается, ты ничего не принес! Как это понимать? Разве Долфас не выполнил приказания королевы?

— Не выполнил и не выполнит! — прорычал Конан и ринулся на Басифера. — А ты с королевой больше не будешь их отдавать!

Капитан попытался помешать Конану, но тот легко увернулся от острой секиры и, в свою очередь, со всего размаху ударил его кремневым топором по стальному шлему. От шлема полетели искры, капитан выронил секиру и рухнул, хватаясь за голову, по его лбу текла кровь.

— Как ты посмел, варвар? Стража, хватайте убийцу!

Вместо того чтобы молить о пощаде или попробовать убежать, главный камергер Басифер, не в силах сдержать свой гнев, шагнул навстречу Конану — копье вонзилось ему прямо в середину груди. Надо отдать ему должное: после первого невольного вскрика Басифер не издал больше ни звука. Он упал на колени, потом повалился на бок. Несмотря на свое облачение, Басифер не пресмыкался и не визжал, как евнух, — он умер как подобает мужчине.

В дальнем конце комнаты находилась еще одна золоченая дверь, которую охраняли два стражника. Когда главный камергер позвал их, они устремились к нему, но опоздали. Теперь же они оказались в двух шагах от Копана, и он уже не успевал выдернуть свое копье из груди Басифера. Киммерийцу ничего не оставалось, как броситься напролом. Он уклонился от одного меча и скрестил топор со вторым: стальное лезвие отломилось у самой рукоятки. Воспользовавшись замешательством стражника, Конан сумел ранить его в ногу. В этот момент первый стражник сделал молниеносный выпад, но поторопился, и его меч скользнул по золотому поясу Конана, не причинив варвару никакого вреда. Следующий удар был за Конаном, и киммериец, как всегда, не промахнулся.

Оставив после себя четыре трупа, Конан в один миг очутился в дальнем конце комнаты и ногой распахнул золоченую дверь. Его встретил аромат благовоний и неяркий свет масляных ламп. Окна были занавешены бархатными портьерами. Вдоль стен стояли придворные, а в центре пожилой вельможа в элегантных одеждах разговаривал с бледной молодой женщиной с уродливой тряпичной куклой в руках.

— Так вот ты где, бритунийская королева! — свирепо вскричал Конан. — Королева, которая правит страной с помощью слепых стихий! Королева, которая сделала свою куклу богиней и уничтожает целые племена ради бесполезных побрякушек!

— Тебя не касается, чем занимаемся мы с Нингой, — возразила ему Тамсин. — Кроме того,

ты зря тратишь время на угрозы. Оружие смертных против нас бессильно. Сталь плавится при нашем прикосновении. — Она указала рукой на открытый шкаф с амулетами и талисманами. — То, что ты называешь побрякушками, сильнее любого оружия.

— Ах ты гадина! — окончательно разъярился Конан при виде драгоценностей. — Неужели ты думаешь, я испугаюсь какого-то поганого колдовства! — И, подняв над головой топор, он кинулся вперед.

В этот момент несколько событий произошли практически одновременно. Услышав крики, из коридора в комнату ворвались стражники. Слуги, повинуясь жесту принца Клевина, погасили лампы. А Конан уже в темноте опустил свой топор туда, где стояла королева Тамсин.

Шум, топот, глухие удары, проклятья и крики внезапно смолкли. На полу посередине комнаты возникло странное, неестественное голубое сияние. Оно исходило от осколков разбитой вдребезги высохшей тыквы. Безжизненный мерцающий отблеск упал на испуганные, потрясенные лица. Неожиданно в полной тишине раздался жалобный детский плач.

— Помогите, ну помогите же мне кто-нибудь. — На том месте, где еще только что стояла гордая королева Тамсин, оказалась маленькая светловолосая девочка. — Плохие люди, они ударили папочку! Они убили его! — душераздирающим голосом причитала девочка, заходясь от рыданий. В одной руке она держала тряпичную куклу. Несколько осколков тыквы — бывшая кукольная голова — светились тем самым жутким голубоватым светом. — Они приехали на лошадях и сожгли наш дом… Мама!.. О, моя мама! — Девочка бросила куклу на пол и, захлебываясь от слез, закрыла лицо руками.

В комнате никто не двигался, все словно окаменели. Голубое сияние постепенно угасало, но детский плач не утихал. Казалось, девочка никогда не перестанет плакать. Первым опомнился принц Клевин и приказал зажечь лампы. При их свете присутствующие обнаружили, что варвар-гигант бесследно исчез. Либо он незаметно ускользнул в темноте, либо Нинга уничтожила его своим последним колдовством. Два стражника, которые ворвались из коридора в комнату, лежали на полу, один без чувств, а второй пытался сесть, но ему это не удавалось. Неизвестно куда делся каменный топор варвара, драгоценности из шкафа Тамсин и сама королева Тамсин. Осталось лишь безутешное всхлипывающее дитя со светлыми волосами и зелеными глазами. Когда зажегся свет, девочка подняла голову и потрясенно уставилась на незнакомые взрослые лица.

Принц Клевин обрел присутствие духа, встал на колени и обнял заплаканного ребенка. Его доброе лицо кривилось от искренней жалости.

— Ну, ну, маленькая, перестань плакать. Все будет хорошо. Я с тобой. Я защищу тебя. Не плачь, моя голубка.

Эпилог
ВСТРЕЧА В НОЧИ

— Эй ты, варвар, как тебя там, пошел вон! Я закрываю таверну, никакого больше эля тебе не будет, ты и так уже последний остался, выметайся! А ну, давай пошевеливайся, напился тут почти до потери сознания, того и гляди, придется тебя отсюда волоком вытаскивать, а кто ж тебя, такого здорово го, вытащит? Все, все, хватит, проваливай!

Конану пришло в голову, что хозяин таверны не слишком с ним любезен и, может быть, стоит указать ему на это, но потом решил: пропади все пропадом, какой смысл оскорбляться? Будешь ли ты молча проклинать свою участь или возьмешь в руки оружие и сразишься со злом, которое завладело миром, конец все равно один и тот же. Если смертный попытается воспротивиться тому, что ему на роду написано, боги так или иначе одержат верх, сначала обманут, поманят несбыточной мечтой, а потом сбросят с небес прямо в грязь.

Хмельной эль несет с собой хоть какую-то легкость, смягчает душу, притупляет боль. Воспоминания, летучие образы, проносящиеся в мозгу, постепенно становятся не такими яркими, не такими живыми. Кажется, что они из далекого прошлого, из другого века, из другого мира: едва колышущиеся под утренним ветерком ветки пихт и елей; луч солнца, упавший на спокойную гладь голубого озера; тихие голоса у вечернего костра…

— Ладно, северянин, не горюй. Давай налью тебе еще кувшин, только изволь забрать его с собой. Ты ведь в любом случае опять заявишься с самого утра. А теперь ступай, мочи моей больше нет смотреть на тебя!

Получив свой эль, Конан понуро потащился наверх по каменной лестнице к выходу. Вообще-то у него было где ночевать — соломенный тюфяк на каком-то грязном постоялом дворе, если только он сумеет его отыскать, а потом добудиться хозяина, чтобы тот впустил в этот поздний час.

На деньги, вырученные от продажи золотого пояса и драгоценностей, упавших в последнее время в цене, он снял себе комнату, купил меч с ножнами и пояс, но самое главное — они дали ему возможность пить беспробудно с утра до вечера, что он и делал вот уже который день, заливая свое горе. После того как Конан увидел невероятное превращение королевы Тамсин в маленькую девочку, он поспешил скрыться, продал пояс и побрякушки и изменил как мог свою внешность (купил новую, не привлекающую внимание одежду). Затем вернулся туда, где его арестовали несколько месяцев тому назад, на окраину города, куда стекались воры, бандиты и контрабандисты со всей Бритунии. Нельзя сказать, чтобы кто-то заметил его почти полугодовое отсутствие в притонах саргосских трущоб.

Как ни странно, никакого особенного шума по поводу необъяснимого исчезновения королевы не было, и убийцу не искали. Может быть, оттого, что и трупа-то никакого не было? Теперь бритунийцев призвали воздавать почести и поклоняться чародейной девочке Тамсин, пережившей второе рождение, земному воплощению их доблестной королевы и ее покровительницы Божественной Нинги. Было объявлено, что безгрешное дитя Тамсин будет управлять страной, следуя мудрым советам принца Клевина, и приведет их всех к более чистой и благостной жизни. В Саргоссе теперь почти ежедневно проходили празднества: ликующие горожане надевали яркие одежды, украшали себя венками и танцевали на улицах, взявшись за руки и распевая детские песни в честь девочки-королевы. Кровавая резня недавней смуты странным образом переросла в простодушное бесхитростное веселье.

Ничто, однако, не могло вывести киммерийца из мрачного настроения. Всеобщая

жизнерадостность еще сильнее отделяла его от других, заставляла чувствовать себя чужаком. О том, что же, собственно, произошло во дворце, каким образом он стал причиной перерождения безумной правительницы Бритунии в семи-восьмилетнего невинного ребенка, Конан по-прежнему не имел никакого представления. Варвар сделал то, что обязан был сделать, — отомстил. Остальное его не интересовало.

Конан толкнул тяжелую дубовую дверь и вышел на улицу. Хозяин таверны с облегчением задвинул за ним железный засов, радуясь, что избавился наконец от непонятно о чем тоскующего северянина. Снаружи было совсем темно. Лишь звезды, отражающиеся в многочисленных лужах, создавали какое-то подобие света. Промозглый сырой воздух пробирал до костей.

Внезапно сбоку раздался шорох, звякнуло металлом о металл, неясная фигура отделилась от стены и направилась вниз по грязной кривой улочке.

— Эй, постой! Я тебя вроде бы знаю! — Пьяный хмель мгновенно выветрился из головы Конана. Он устремился за удаляющимся человеком. Тот тоже ускорил шаги. Дорога под ногами была настолько отвратительна, что не только бежать, а даже быстро идти оказалось трудно. Невозможно угадать, сколько бы это еще продолжалось, если бы неизвестный не свернул нечаянно в тупик — небольшой двор, в котором стояли две или три повозки. Понимая, что дальше дороги нет, преследуемый остановился, повернулся лицом к киммерийцу и вытащил меч из ножен.

Немедленно бросай оружие и сдавайся, именем Бритунии! — несколько запоздало решил проявить власть тот, кто оказался на поверку городским стражником.

— Ага, теперь я тебя точно узнал! — воскликнул Конан. — Как же было не запомнишь твой противный скрипучий голос! Ты важная птица, командир одного из отрядов городских стражников, разве не так?

— Ну вот видишь! — приободрился стражник. — Все знают, с властями спорить не годится. Но, пожалуй, чужестранец, я отпущу тебя на этот раз, иди своей дорогой, пользуйся моей добротой…

— Да, да, я понял, — прервал его великан-варвар, — ты решил меня не арестовывать. Наверно, потому, что с тобой нет твоих цепных псов, которые всегда ходят в черном с наручниками наготове.

— Ночью по городу ходить не разрешается… — начал стражник,

— Но сегодня, — продолжал Конан, — ты один. А одному с крупной дичью не справиться. — Он выразительно коснулся рукоятки меча, продолжая загораживать собой выход из тупика. — Не припоминаешь ли ты, как однажды со своей сворой встретил северянина, обобрал его, бросил в тюрьму, одурманил порошком лотоса и послал на "золотой" карьер?

— Но… но это невозможно! С карьера никто не возвращался…

— Есть лишь одно место, откуда никто не возвращается. Кром свидетель, один из нас отправится туда!

Киммериец выдернул меч из ножен, сделал шаг вперед — и звон стали нарушил ночную тишину Саргоссы.

---

notes

Примечания

1

Князёк (gambler, англ.) — держатель банка, следящий за игрой (вор. жаргон)